ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

47
2026
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (650) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© Оформление. ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Александр фон Гумбольдт* (1769–1859) — немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, один из основоположников физической географии, биогеографии и сравнительной климатологии, младший брат лингвиста и реформатора образования Вильгельма фон Гумбольдта.

Гумбольдт родился в Берлине в состоятельной прусской семье. Рано лишившись отца, он получил образование у частных учителей, затем изучал естественные науки, экономику и горное дело во Франкфурте-на-Одере и Гёттингене, а также в горной академии Фрайберга под руководством Абраама Готлиба Вернера. В 1792–1796 годах служил горным инспектором во Франконии: рационализировал добычу руды, основал горные училища для рабочих и провёл первые опыты с гальваническим током, увлёкшие в молодости самого Алессандро Вольта. Тогда же у него завязалась дружба с Гёте, которому Гумбольдт передавал идеи сравнительной анатомии и морфологии растений и с которым устраивал совместные опыты в йенском доме поэта. К концу столетия он путешествовал по Германии, Швейцарии и Италии, изучая минералогию и строя планы далёких странствий.

Определяющим событием жизни стала экспедиция в испанскую Америку в 1799–1804 годах, предпринятая вместе с французским ботаником Эме Бонпланом на средства собственного наследства, полученного после смерти матери. Разрешение на поездку Гумбольдт выпросил лично у испанского короля; всё снаряжение и приборы он вёз за свой счёт, а само плавание из Ла-Коруньи едва не закончилось крушением в штормовую ночь.

Путешественники прошли и проплыли около 65 тысяч километров по Венесуэле, Кубе, Колумбии, Эквадору, Перу и Мексике, переправились через Анды и исследовали истоки Амазонки. В июне 1802 года на вулкане Чимборасо они поднялись до высоты 5878 метров — рекордной для человека того времени, остановившись менее чем в 400 метрах от вершины. В трактате «Идеи о физиогномике растений» и на знаменитом графике Naturgemälde Гумбольдт впервые наглядно изобразил высотную поясность растительности, связав высоту, температуру и характер флоры в единую картину. Он ввёл в науку понятие изотерм, описал холодное Перуанское течение, позже названное его именем, измерил магнитное поле Земли от Атлантики до Тихого океана и первым задокументировал связь геомагнитных возмущений с полярными сияниями. Наблюдения за вырубкой лесов и обмелением озера Валенсия в Венесуэле позволили ему одним из первых указать на изменение климата под влиянием деятельности человека. Малоизвестный эпизод той же экспедиции: для изучения электрических угрей Гумбольдт ставил опыты на коровах и лошадях, одна из которых пала от разряда, а сам естествоиспытатель был сбит ударами тока с ног.

Возвратившись в Европу, он более двадцати лет жил в Париже, обрабатывая материалы экспедиции; итогом работы стали тридцать томов «Путешествия в равноденственные области Нового Света» и «Политический очерк Королевства Новая Испания» — труд, полвека остававшийся образцом экономико-географического страноведения. В очерке о Кубе Гумбольдт дал бескомпромиссную критику рабовладения, за что испанские власти изъяли и уничтожили значительную часть тиража. В 1829 году по приглашению Николая I он совершил путешествие по России — от Петербурга через Урал до Алтая и Каспия — и на основе собранных данных обосновал направление поисков алмазов в уральских россыпях, где вскоре и были найдены первые алмазы. В 1827–1828 годах Гумбольдт прочёл в Берлине цикл публичных лекций, собравший, по свидетельствам современников, до тысячи слушателей; их переработка легла в основу «Космоса».

Последние десятилетия ученого прошли в Берлине: он был камергером Фридриха Вильгельма III, меценатом и покровителем молодых исследователей, среди которых были Жан Луи Агассис и Юстус Либих.

Главным делом жизни Гумбольдта стал пятитомный «Космос» (1845–1862) — опыт единого естественнонаучного описания мира; последние тома были изданы по черновикам автора и вышли посмертно. Историки называют созданный им стиль исследований «гумбольдтовской наукой» — комплексным и инструментально точным изучением взаимосвязей природных явлений.

Гумбольдт состоял членом почти всех европейских академий, отказался от профессорских кафедр ради научной независимости и израсходовал состояние на экспедиции и издания, доживая на жалованье при дворе. Он не создал семьи, разделял дом с братом и его семьёй, а после смерти Вильгельма жил в апартаментах при Потсдамском дворце; король Фридрих Вильгельм IV называл его «старейшим чиновником моего двора». Известен Гумбольдт и как меценат литературы: он выплачивал пожизненное содержание Генриху Гейне.

Гумбольдт умер 6 мая 1859 года в Берлине, не дожив четырёх месяцев до девяноста лет, и был похоронен в семейном склепе в имении Тегель под Берлином. Его имя носит холодное течение, пингвин, кальмар, лилия, кратер и море на Луне, а также университеты и научные общества в Берлине и других городах мира.

Информацию подготовила ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Говорков А. А.
Теоретико-правовые основания административной ответственности за нарушения воинского учёта 229

Говорков А. А.
Процессуальные особенности и судебная практика привлечения к административной ответственности за нарушения воинского учёта 233

Голенков П. А.
Оказание бесплатной юридической помощи федеральными органами исполнительной власти в форме правового консультирования 237

Гончар А. Ю.
Проблемы правового регулирования государственной контрактной системы (по материалам Алтайского края) 241

Григорян М. М.
Залог в России и Германии: правовая природа и реализация предмета залога 243

Громов А. Д.
Деньги в цифровую эпоху: соотношение правовой природы наличных, цифрового рубля, криптовалюты 246

Гусев Д. П.
Солидарная ответственность продавца и третьих лиц как инструмент защиты прав потребителя 248

Гусева К. Д.
Защита прав детей в вопросе опеки и в спорах о месте жительства ребенка после развода родителей: пробелы и противоречия в правоприменении 251

Давыдова Н. О.
Перспективы развития организационно-правовых форм предпринимательской деятельности в РФ 254

Дегтярева А. Н.
Критерии индивидуализации размера судебного штрафа: проблемы теории и судебной практики 256

Джахшан Мери Джамал
Правовые проблемы построения и функционирования государственных и муниципальных информационных систем 258

Днепровская Л. М.
Состояние опьянения как обстоятельство, отягчающее наказание 260

Долгова Д. В.
Отсутствие протокола судебного заседания как безусловное основание отмены решения суда 264

Должикова А. В.
Проблемы выявления и доказывания торговли детьми, замаскированной под суррогатное материнство 266

Должикова А. В.
Особенности выявления признаков преступлений, связанных с торговлей детьми 269

Домнич Р. В.
Институт банкротства физических лиц: теоретические основы и актуальные проблемы правоприменительной практики 271

Дробинская М. В.
Правовое регулирование обременений в сделках с объектами культурного наследия: пробелы закона и позиция верховного суда 278

Желтова Е. А.
Условия правомерности необходимой обороны: дискуссионные вопросы теории и правоприменения 281

Жумагазеева А. С.
Цифровизация антикоррупционного контроля в России: реформа декларирования и система «Посейдон» 286

Загузин С. А.
Теоретические аспекты определения содержания корыстных побуждений и иной личной заинтересованности как признаков субъективной стороны состава преступления 288

Закота О. Ю.
Особенности прохождения государственной службы с учетом требований российского законодательства о противодействии коррупции 290

Закревский Д. Р.
Информационная асимметрия в ЕГРЮЛ как проблема представления интересов юридического лица в предпринимательской деятельности 292

Зальцман В. В.
Эволюция института доказательств в цивилистическом процессе России и зарубежных государств как основа современного административного доказывания 294

Зальцман В. В.
Понятие и признаки доказательств в современном административном процессе 296

Здорников К. И.
Налоговая тайна в механизме информационного обеспечения деятельности арбитражного управляющего: проблемы правового регулирования 299

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Теоретико-правовые основания административной ответственности за нарушения воинского учёта

Говорков Александр Алексеевич, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Рассматриваются понятие и признаки административной ответственности применительно к сфере воинского учёта. Анализируются нормативное, фактическое и процессуальное основания ответственности, особенности составов правонарушений и санкций. Выявляются проблемы доказывания вины и соразмерности административных наказаний.

Ключевые слова: *административная ответственность, воинский учёт, состав правонарушения, КоАП РФ, административное наказание.*

Theoretical and Legal Foundations of Administrative Liability for Violations of Military Registration Rules

Govorkov Aleksandr Alekseevich, student
Moscow University of Finance and Law

The article examines the concept and characteristics of administrative liability in the field of military registration. It analyzes the normative, factual and procedural grounds for liability, the elements of administrative offenses and the applicable sanctions. Particular attention is given to problems of proving guilt and ensuring the proportionality of administrative penalties.

Keywords: *administrative liability, military registration, elements of an offense, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, administrative penalty.*

Понятие и признаки административной ответственности

В научной литературе административная ответственность рассматривается как самостоятельный вид юридической ответственности и одновременно как форма государственного принуждения. В исследовании Н. Н. Козлова обращается внимание на особенности применения административной ответственности в сфере воинского учёта и необходимость соблюдения материальных и процессуальных норм [1, с. 57–61]. Для исследования нарушений воинского учёта принципиально единство материального и процессуального аспектов: наличие санкции ещё не означает возможности её применения без соблюдения предусмотренной законом процедуры. Административное наказание допустимо лишь при доказанности правонарушения и обеспечении процессуальных гарантий гражданина [2, 11].

Ядро административной ответственности образует легальная конструкция административного правонарушения. Часть 1 статьи 2.1 КоАП РФ определяет его как «противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность» [2]. Трёхчленная формула «противоправность — виновность — наказуемость» не является механической суммой признаков. Она отражает логику развёртывания состава от формального нарушения нормы через субъективное отношение лица к деянию к предусмотренности законом неблагоприятного последствия.

Противоправность означает нарушение не любой нормы, а именно той, которая охраняется административно-правовой санкцией. Деяние может противоречить требованиям морали, корпоративным правилам или нормам иных отраслей права, но если оно не сопряжено с нарушением административно-правового запрета, административная ответственность не наступает. Для сферы воинского учёта это означает, что неявка по повестке сама

по себе не образует состава правонарушения, если не доказано, что гражданин был обязан явиться в конкретное время и в конкретное место в силу действующей нормы [3].

Виновность выступает субъективным основанием ответственности, и её игнорирование обесценивает всю конструкцию административного принуждения. Российское административное законодательство последовательно придерживается принципа субъективного вменения, хотя и с известными особенностями для юридических лиц. Для физических лиц законодатель различает умысел и неосторожность. Умысел предполагает осознание противоправности деяния и предвидение его вредных последствий либо желание их наступления, либо сознательное допущение. Неосторожность может выражаться в самонадеянности или небрежности [2]. В формальных составах главы 21 КоАП РФ, где вредные последствия не являются обязательным элементом, вина должна устанавливаться через отношение лица к самому факту неисполнения обязанности, а не к абстрактным последствиям. Игнорирование этого требования приводит к инверсии бремени доказывания, при которой гражданин вынужден доказывать свою невиновность [4, с. 340–344].

Наказуемость означает, что деяние признаётся административным правонарушением лишь постольку, поскольку за его совершение законодателем установлена административная ответственность. Без санкции нет правонарушения. Этот признак выполняет не только формально-юридическую, но и гарантийную функцию: государство заранее объявляет, какие деяния влекут неблагоприятные последствия и в каком объёме. В сфере воинского учёта наказуемость конкретизируется в санкциях статьи 21.5 КоАП РФ, которые за последние годы были существенно ужесточены [5]. Ужесточение санкций, однако, не тождественно повышению наказуемости в смысле неотвратимости ответственности. Наличие судебного контроля допускает пересмотр постановления при недоказанности обстоятельств дела или существенных процессуальных нарушениях. Вместе с тем без статистических данных о числе вынесенных и отменённых постановлений нельзя утверждать, что доля отмен является значительной [2, 11].

Основания применения мер административной ответственности

Основания административной ответственности целесообразно разграничивать на нормативное, фактическое и процессуальное. Нормативное основание составляют правовые предписания, устанавливающие обязанности и санкции; фактическое — совершение деяния с признаками конкретного состава; процессуальное — постановление компетентного органа, принятое с соблюдением установленного порядка. Такое разграничение особенно важно в сфере воинского учёта: для привлечения гражданина к ответственности недостаточно установить факт неявки, необходимо также подтвердить наличие действующей обязанности, вину и законность процедуры рассмотрения дела [2, 3, 11].

Нормативное основание административной ответственности за правонарушения в области воинского учёта не сводится к одной лишь статье 21.5 КоАП РФ. Оно представляет собой многоуровневую систему. Первый уровень образует КоАП РФ, устанавливающий составы административных правонарушений и систему административных наказаний [2]. Второй уровень составляет Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе», определяющий содержание обязанностей граждан в сфере воинского учёта, за неисполнение которых наступает административная ответственность, а также перечень уважительных причин неявки по повестке [3]. Третий уровень образуют подзаконные нормативные правовые акты, детализирующие порядок исполнения этих обязанностей. К ним относится Положение о воинском учёте, утверждённое постановлением Правительства РФ от 27 ноября 2006 года № 719 [6], Положение о государственной информационной системе «Единый реестр сведений о гражданах, подлежащих первоначальной постановке на воинский учёт, гражданах, состоящих на воинском учёте, а также о гражданах, не состоящих, но обязанных состоять на воинском учёте», утверждённое постановлением Правительства РФ от 19 апреля 2024 года № 506 [7], а также Инструкция об организации работы по обеспечению функционирования системы воинского учёта, утверждённая приказом Министра обороны Российской Федерации от 22 ноября 2021 года № 700 [8], с изменениями, внесёнными приказом от 23 ноября 2023 года № 791 [9]. Многоуровневость порождает проблему бланкетности: для установления содержания нарушенной обязанности требуется обращение не только к КоАП РФ, но и к специальным правилам воинского учёта. В литературе также обращается внимание на разрыв между целями регулирования и практикой его применения [10, с. 214–216]. Правоприменитель, квалифицируя деяние по статье 21.5 КоАП РФ, вынужден одновременно устанавливать, какая именно обязанность, возложенная на гражданина законом о воинской обязанности или подзаконным актом, не была исполнена, являлась ли эта обязанность действующей на момент совершения деяния и не была ли она изменена или отменена [3]. Ошибка в установлении нормативного основания влечёт незаконность вынесенного постановления [11]. Бланкетная конструкция позволяет учитывать изменения в организации воинского учёта, но усложняет практическую квалификацию; значение законодательных изменений и их последствий для ответственности отмечается и в специальных исследованиях [12, с. 451–454]. Вместе с тем бланкетность возлагает на юрисдикционный орган повышенное бремя доказывания: необходимо точно установить, какая норма возлагала на гражданина обязанность и в какой срок; значение надлежащего процессуального оформления для дел этой категории рассматривается в специальной литературе [13, с. 261–264].

Следует учитывать и последующее обновление Инструкции, утверждённой приказом Министра обороны РФ № 700. Приказом от 9 июля 2025 года № 438 в неё были внесены дополнительные изменения, действующие с декабря 2025 года. Поэтому при анализе правоотношений в 2026 году необходимо опираться на актуальную редакцию подзаконных правил воинского учёта [8, 16].

Фактическое основание административной ответственности представляет собой юридический состав правонарушения, то есть совокупность установленных законом признаков, наличие которых позволяет квалифицировать деяние как административный проступок. Состав традиционно рассматривается через призму четырёх элементов: объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны. Применительно к правонарушениям в области воинского учёта объектом выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации гражданами конституционной обязанности по защите Отечества, а в более узком смысле — отношения по обеспечению полноты и достоверности сведений, необходимых для ведения воинского учёта и проведения мобилизационных мероприятий [14]. Видовым объектом здесь следует признавать общественные отношения в сфере порядка управления, поскольку воинский учёт представляет собой одну из функций государственного управления, реализуемую органами исполнительной власти. Подобная конструкция объекта позволяет отграничить рассматриваемое правонарушение от смежных составов, посягающих на иные объекты, и одновременно объясняет, почему законодатель сконструировал его как формальный состав: вред здесь причиняется не имущественной сфере конкретного лица, а информационной полноте государственной учётной системы [2].

Диспозиция статьи 21.5 КоАП РФ сформулирована альтернативно, и это обстоятельство имеет принципиальное значение для квалификации. Согласно части 1 указанной статьи, административная ответственность наступает за «неявку гражданина без уважительной причины в указанные в повестке военного комиссариата время и место либо по вызову иного органа, осуществляющего воинский учёт» [2]. Помимо этого, объективную сторону образуют несообщение в установленный срок сведений об изменении семейного положения, образования, места работы или должности, а также несообщение сведений о переезде на новое место пребывания, не подтверждённое регистрацией, либо неявка в военный комиссариат в установленный срок в случае такого переезда [2]. Каждое из перечисленных деяний образует самостоятельный вариант объективной стороны, и для привлечения к ответственности достаточно совершения любого из них [2]. Все варианты сконструированы как бездействие, то есть как неисполнение возложенной законом обязанности [3]. Именно поэтому состав является формальным: момент окончания правонарушения связывается с самим фактом неисполнения обязанности, а не с наступлением каких-либо материальных последствий [2]. Формальная конструкция объясняется природой охраняемых отношений, однако она же порождает известную жёсткость правоприменения, поскольку не позволяет дифференцировать ответственность в зависимости от тяжести наступивших последствий, которые в формальном составе вообще не имеют квалифицирующего значения [2].

Для правильной квалификации необходимо учитывать самостоятельные части статьи 21.5 КоАП РФ. По состоянию на ноябрь 2026 года часть 1 устанавливает ответственность за неявку без уважительной причины по повестке, часть 2 — за несообщение об изменении семейного положения, образования, места работы или должности, а часть 2.1 — за несообщение сведений о переезде на новое место пребывания, не подтверждённом регистрацией, либо связанную с таким переездом неявку. За указанные деяния предусмотрены штрафы соответственно от 10 000 до 30 000 рублей, от 1 000 до 5 000 рублей и от 10 000 до 20 000 рублей [2, 15].

Часть 2.1 была введена Федеральным законом от 7 июля 2025 года № 202-ФЗ. Поэтому обозначение всех вариантов неисполнения обязанности как единого состава статьи 21.5 допустимо лишь на уровне общей характеристики, но не при составлении протокола или выборе санкции. При квалификации требуется указать конкретную часть статьи и проверить редакцию закона, действовавшую во время совершения деяния, с учётом правил статьи 1.7 КоАП РФ [2, 15].

Самостоятельным элементом состава выступает субъект административного правонарушения. Применительно к статье 21.5 КоАП РФ им является гражданин, состоящий или обязанный состоять на воинском учёте. Поэтому правоприменитель должен установить не только факт неисполнения конкретной обязанности, но и наличие у лица соответствующего правового статуса на момент предполагаемого нарушения. Общий возраст административной ответственности составляет шестнадцать лет, а привлечение невменяемого лица исключается нормами КоАП РФ [2, 3].

Субъективная сторона предполагает установление вины в форме умысла или неосторожности. Даже при формальном составе отсутствие предусмотренных законом вредных последствий не снимает с органа обязанности выяснить отношение гражданина к неисполнению возложенной обязанности. В частности, необходимо оценивать имевшуюся у лица возможность исполнить требование и документы, подтверждающие обстоятельства неявки. Сам факт фиксации несостоявшейся явки не заменяет доказательства вины, а неустранимые сомнения подлежат толкованию в пользу привлекаемого лица в силу статьи 1.5 КоАП РФ [2, 3].

Процессуальное основание административной ответственности выражается в постановлении компетентного органа о назначении наказания [2]. По делам о нарушениях воинского учёта такое постановление принимает уполномоченное должностное лицо с соблюдением главы 29 КоАП РФ. Нормативное, фактическое и процессу-

альное основания взаимосвязаны: нарушение правил квалификации или существенный процессуальный дефект делают привлечение к ответственности незаконным. Следовательно, военный комиссариат обязан установить содержание неисполненной обязанности, доказать событие правонарушения и вину гражданина, оценить его объяснения и мотивировать решение в соответствии со статьёй 29.10 КоАП РФ [2, 11].

Следовательно, в рамках фактического основания необходимо последовательно установить все четыре элемента состава, а в рамках процессуального — зафиксировать оценку доказательств, возражений гражданина и оснований выбора конкретной санкции. Такая последовательность позволяет не смешивать факт неявки, юридическую квалификацию и итоговое постановление [2].

Анализ оснований применения мер административной ответственности показал, что триада «норма — деяние — акт» применительно к воинскому учёту приобретает многоуровневый характер. Фактическое основание конкретизируется через объективную сторону состава, сконструированную альтернативно, и через субъективную сторону, которая на практике нередко остаётся вне исследования. Процессуальное основание — постановление военного комиссара — должно соответствовать требованиям статьи 29.10 КоАП РФ, и отсутствие мотивировки влечёт незаконность акта. Следовательно, правовая оценка нарушения правил воинского учёта требует одновременной проверки содержания обязанности, фактических обстоятельств её неисполнения и соблюдения процессуальных гарантий гражданина.

Выводы

Литература:

1. Козлов Н. Н. Особенности применения мер административной ответственности в области воинского учёта // Молодой ученый. 2025. № 33 (584). С. 57–61. URL: https://moluch.ru/archive/584/127992/ (дата обращения: 20.11.2026).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.
4. Коваленко А. В. Проблемы определения вины и крайней необходимости в делах о правонарушениях против порядка воинского учета // Молодой ученый. 2025. № 50 (601). С. 340–344. URL: https://moluch.ru/archive/601/131319/ (дата обращения: 20.11.2026).
5. Федеральный закон от 31.07.2023 № 404-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6136.
6. Постановление Правительства РФ от 27.11.2006 № 719 «Об утверждении Положения о воинском учете» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 49 (1 ч.). Ст. 5220.
7. Постановление Правительства РФ от 19.04.2024 № 506 «О государственной информационной системе „Единый реестр сведений о гражданах, подлежащих первоначальной постановке на воинский учёт, гражданах, состоящих на воинском учёте, а также о гражданах, не состоящих, но обязанных состоять на воинском учёте“» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 18. Ст. 2427.
8. Приказ Министра обороны РФ от 22.11.2021 № 700 «Об утверждении Инструкции об организации работы по обеспечению функционирования системы воинского учёта» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202112280067 (дата обращения: 18.11.2026).
9. Приказ Министра обороны РФ от 23.11.2023 № 791 «О внесении изменений в Инструкцию об организации работы по обеспечению функционирования системы воинского учёта, утверждённую приказом Министра обороны РФ от 22.11.2021 № 700» // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/408104145/ (дата обращения: 18.11.2026).
10. Бубновский С. А. Административные правонарушения в области воинского учета: концептуальные основы и правоприменительная перспектива // Молодой ученый. 2025. № 19 (570). С. 214–216. URL: https://moluch.ru/archive/570/124953/ (дата обращения: 20.11.2026).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.
12. Самольянов С. В. Совершенствование административной ответственности за нарушения законодательства о воинском учете // Молодой ученый. 2025. № 50 (601). С. 451–454. URL: https://moluch.ru/archive/601/131191/ (дата обращения: 20.11.2026).
13. Захарова А. О. Особенности осуществления производства по делам об административных правонарушениях в сфере воинского учета // Молодой ученый. 2023. № 51 (498). С. 261–264. URL: https://moluch.ru/archive/498/109347/ (дата обращения: 20.11.2026).

14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями на 04.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 18.11.2026).
15. Федеральный закон от 07.07.2025 № 202-ФЗ «О внесении изменений в статьи 3.5 и 21.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // ГАРАНТ. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412193514/ (дата обращения: 17.11.2026).
16. Приказ Министра обороны Российской Федерации от 09.07.2025 № 438 «О внесении изменений в Инструкцию об организации работы по обеспечению функционирования системы воинского учёта, утверждённую приказом Министра обороны Российской Федерации от 22.11.2021 № 700» // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/413227235/ (дата обращения: 17.11.2026).

Процессуальные особенности и судебная практика привлечения к административной ответственности за нарушения воинского учёта

Говорков Александр Алексеевич, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Исследуются стадии производства по делам об административных правонарушениях в области воинского учёта, требования к протоколу и постановлению и гарантии права на защиту. Рассматриваются правовые особенности электронных повесток и результаты проверки нескольких судебных актов, в которых оценивались надлежащее извещение, уважительные причины неявки и соразмерность административного наказания.

Ключевые слова: *воинский учёт, административное производство, электронная повестка, извещение, судебная практика, процессуальные гарантии.*

Procedural Features and Judicial Practice in Imposing Administrative Liability for Violations of Military Registration Rules

Govorkov Aleksandr Alekseevich, student
Moscow University of Finance and Law

The article examines the stages of proceedings concerning administrative offenses in the field of military registration, the requirements for offense reports and decisions, and safeguards of the right to defense. It discusses the legal features of electronic summonses and analyzes selected court decisions addressing proper notification, valid reasons for failure to appear, and the proportionality of administrative penalties.

Keywords: *military registration, administrative proceedings, electronic summons, notification, judicial practice, procedural safeguards.*

Возбуждение и рассмотрение дел об административных правонарушениях

Возбуждение дела регулируется статьёй 28.1 КоАП РФ и допускается при наличии законного повода и достаточных данных о событии административного правонарушения [1]. В делах о нарушениях воинского учёта поводом нередко становится выявление военным комиссариатом неявки по повестке или непредставления учётных сведений [2, 3]; соответствующие материалы могут поступать и из органов внутренних дел [4]. Дело обычно возбуждается при составлении протокола, однако часть 4 статьи 28.1 предусматривает и другие моменты его возбуждения. Предположение о нарушении без фактического подтверждения недостаточно [1, 5]. В условиях цифровизации сведения извлекаются также из государственных информационных систем [6, 7, с. 71–81]. Электронная выгрузка может служить основанием для проверки, но сама по себе не заменяет установления факта нарушения и проверки первичных документов [7, с. 71–81, 8, с. 214–216].

Содержание протокола определяется статьёй 28.2 КоАП РФ: в нём фиксируются сведения о составителе и привлекаемом лице, время и место совершения деяния, событие правонарушения, применяемая статья КоАП РФ, объяснения гражданина и иные значимые обстоятельства [1]. Для неявки по повестке необходимо указать конкретные время и место вызова, нарушенную обязанность и способ извещения [2, 9, с. 261–264]. Формулировка «не

явился по повестке» без этих данных не раскрывает объективную сторону правонарушения. Отсутствие подтверждения надлежащего вручения повестки не позволяет считать событие нарушения по части 1 статьи 21.5 КоАП РФ доказанным одним лишь протоколом [1, 5]. Процессуальные недостатки протокола оцениваются с точки зрения их существенности и влияния на возможность всестороннего рассмотрения дела [1, 5].

Право на защиту обеспечивается уже при составлении протокола. Гражданину разъясняют права, позволяют ознакомиться с материалами, представить объяснения и замечания; копия протокола вручается под расписку [1]. Если надлежаще извещённое лицо не явилось, протокол может быть составлен без него, а копия направляется в течение трёх дней [1, 5]. При отсутствии доказательств извещения составление протокола в отсутствие гражданина ограничивает права, предусмотренные статьёй 25.1 КоАП РФ, в том числе возможность заявлять ходатайства и пользоваться помощью защитника [13, с. 57–61]. Проверка электронных уведомлений требует особого внимания к качеству и доступности цифровых данных; риски цифровизации воинского учёта обсуждаются в специальной литературе [7, с. 71–81], а необходимость доказывания вины — отдельно [10, с. 340–344].

Само по себе составление протокола и вынесение постановления в один день не означает автоматической незаконности. Существенным является то, было ли лицо извещено о процессуальных действиях, располагало ли реальной возможностью ознакомиться с материалами и представить возражения. Именно в совокупности с нарушениями права на защиту совпадение дат было оценено судом по делу № 12–2190/2025 [19].

При рассмотрении дела проверяются явка участников и соблюдение порядка извещения, разъясняются права гражданина по статье 25.1 КоАП РФ, оглашается протокол, исследуются объяснения и доказательства [1, 5]. По делам о нарушениях воинского учёта значение имеют повестка и документы о её вручении, записи реестров, сведения военного комиссариата, объяснения лица и иные подтверждения обстоятельств вызова [3, 11]. Необходимо отдельно устанавливать факт надлежащего извещения и оценивать документы об уважительных причинах неявки — например, подтверждающие болезнь или госпитализацию [2, 20]. Недопустимо выводить виновность лишь из отсутствия гражданина в назначенную дату без проверки обстоятельств и доказательств [1].

По итогам рассмотрения выносится постановление, отвечающее статье 29.10 КоАП РФ. В нём указываются сведения об органе и привлекаемом лице, обстоятельства дела, квалификация деяния, мотивированное решение, порядок и срок обжалования [1]. Мотивировка должна включать оценку доказательств, доводов защиты и причин выбора конкретного наказания; ссылка только на протокол не устраняет пробелы постановления [5]. Игнорирование подтверждённых обстоятельств неявки либо возражений гражданина может послужить основанием отмены акта [19, 20]. Постановление объявляется после рассмотрения, а его копия вручается под расписку или направляется в течение трёх дней. В законную силу оно вступает в установленном КоАП РФ порядке после истечения срока обжалования либо разрешения жалобы [1].

Постановление должностного лица может быть обжаловано вышестоящему должностному лицу или в районный суд по правилам статей 30.1–30.3 КоАП РФ. Общий срок составляет десять суток с момента вручения или получения копии; при наличии оснований он восстанавливается по ходатайству. Если жалоба поступает одновременно в суд и вышестоящему должностному лицу, её рассматривает суд [1].

Согласно статье 30.7 КоАП РФ, по жалобе постановление может быть оставлено без изменения, изменено, отменено с прекращением дела либо с направлением на новое рассмотрение. Различие принципиально: процессуальное нарушение не обязательно означает отсутствие состава правонарушения, тогда как прекращение дела по этому основанию исключает дальнейшее производство. При характеристике судебной практики следует точно фиксировать не только мотивы, но и резолютивную часть решения [1].

Электронные повестки и государственные реестры изменяют порядок фиксации вызовов граждан [6, 14]. Закон предусматривает случаи признания повестки вручённой независимо от её фактического прочтения адресатом; вопросы правового регулирования вызова по повестке исследуются в научной литературе [2, 12, с. 205–207]. При этом доказанность юридического вручения не означает автоматической доказанности вины и остальных элементов состава правонарушения [1, 2]. Особое значение приобретает проверяемость цифровых сведений: по каким данным определяются личность адресата, дата размещения повестки и соблюдение предусмотренных законом условий её вручения. Это предложение автора связано с обсуждаемыми в литературе рисками цифрового учёта [7, с. 71–81, 8, с. 214–216]. Рассматриваемые далее судебные решения относятся прежде всего к обычному извещению и процессуальным гарантиям, поэтому сами по себе не позволяют утверждать, что сложилась устойчивая судебная практика именно по электронным повесткам. Отсутствие доступа к системе, технический сбой и иные обстоятельства требуют индивидуальной оценки. Изменение административных санкций исследуется в работе о совершенствовании ответственности [15, с. 451–454], а вопросы использования электронных государственных сервисов — в исследовании мобилизационных мероприятий [16, с. 90–92].

Юридическая фикция вручения не освобождает орган от установления всех признаков правонарушения [1, 2]. Скриншот из информационной системы не всегда позволяет проверить источник сведений, дату их внесения и связь конкретной записи с адресатом повестки. При отсутствии доступного для проверки протокола осмотра ресурса и иных подтверждений гражданину затруднительно

оспаривать цифровые данные [7, с. 71–81]. Поэтому необходимо обеспечить возможность проверки их происхождения и достоверности, не приравнивая техническую запись к безусловному доказательству вины.

Для проверки факта размещения электронной повестки целесообразно использовать удостоверенные выписки из реестра с указанием времени записи и идентификатора адресата, системные журналы и данные об отправке уведомлений. Это предложение автора направлено на устранение рисков, связанных с использованием цифровых данных при воинском учёте [7, с. 71–81]. Вопрос об их доказательственной силе должен решаться с учётом конкретных обстоятельств дела. Законодательная конкретизация требований к фиксации происхождения цифровых доказательств и времени их формирования повысила бы процессуальную определённость; самостоятельная проверка вины в цифровой среде остаётся необходимой [10, с. 340–344]. В сфере исполнения воинской обязанности соблюдение процессуальной формы непосредственно связано с защитой конституционных прав граждан [17].

Необходимо разграничивать вручение повестки для исполнения обязанностей по воинскому учёту и извещение о составлении протокола или рассмотрении административного дела. Первое регулируется, в частности, статьёй 31 Федерального закона № 53-ФЗ, второе — статьями 25.1, 25.15, 28.2 и 29.7 КоАП РФ. Размещение электронной повестки само по себе не подтверждает извещения о процессуальном разбирательстве [1, 2].

Судебная практика и процессуальные гарантии

Позиция Верховного Суда РФ существенна для оценки практики привлечения к ответственности. Постановлением от 18 ноября 2024 года № 75-АД24–5-К3 оставлены без изменения судебные акты, заменившие гражданину штраф по статье 21.5 КоАП РФ предупреждением [18].

Дело относилось к событиям 2023 года и применимой на тот момент редакции статьи 21.5 КоАП РФ, поэтому вывод о предупреждении нельзя автоматически переносить на последующие санкции. При этом Верховный Суд не признал само обжалование решения призывной комиссии уважительной причиной неявки по вручённой повестке [18].

Кузьминский районный суд Москвы в деле № 12–2190/2025 рассмотрел жалобу на штраф 20 000 рублей по части 1 статьи 21.5 КоАП РФ. Протокол и постановление не раскрывали конкретные действия или бездействие гражданина, а подтверждения его извещения о составлении протокола и рассмотрении дела отсутствовали. Суд отменил постановление с направлением дела на новое рассмотрение, не прекращая производство. Решение подчёркивает самостоятельное значение процессуальных гарантий [19].

Хамовнический районный суд Москвы по делу № 12–262/2025 установил, что неявка была связана со стационарным лечением, подтверждённым документами за период с 11 по 15 ноября 2024 года, в том числе полученными по запросу суда. Поскольку военный комиссариат не оценил эти обстоятельства надлежащим образом, суд отменил постановление и прекратил производство за отсутствием состава правонарушения. Существенным оказалось подтверждение уважительной причины применительно к конкретной дате вызова [20].

Ленинский районный суд Костромы по делу № 12–255/2025, напротив, не признал представленные сведения о лечении достаточным оправданием неявки 14 апреля 2025 года. Квалификацию по части 1 статьи 21.5 КоАП РФ суд сохранил, однако снизил штраф с 30 000 до 10 000 рублей ввиду недостаточной мотивировки максимального размера наказания. Следовательно, доказанность состава и обоснованность санкции требуют самостоятельной оценки [21].

В рассмотренных делах прослеживаются три отдельных направления судебной проверки: документальное подтверждение уважительных причин неявки [20, 21], соблюдение права лица на участие в деле [19] и мотивированность наказания [21]. Постановление Верховного Суда РФ касалось иной редакции статьи 21.5 КоАП РФ и также подтверждает необходимость учитывать применимое во времени законодательство [18]. Вместе с тем эта подборка не является статистически репрезентативной и не позволяет делать выводы о распространённости процессуальных нарушений.

Пункт 2 статьи 7 Федерального закона № 53-ФЗ допускает признание уважительными не только прямо перечисленных, но и иных причин компетентной комиссией или судом. Поэтому использованное Верховным Судом в контексте отдельного дела указание на «закрытый перечень» следует соотносить с предусмотренной законом возможностью признания иных обстоятельств уважительными [2, 18].

Выводы

Исследованные решения показывают, что привлечение к административной ответственности за нарушения воинского учёта требует самостоятельной проверки состава, процессуальных гарантий и соразмерности наказания. В одном деле постановление отменено с направлением на новое рассмотрение из-за нарушения права на защиту [19], в другом производство прекращено при подтверждённой уважительной причине неявки [20], в третьем сохранена квалификация, но снижен недостаточно мотивированный штраф [21]. Применение электронных повесток дополнительно ставит вопрос о разграничении законного порядка вручения и доказывания вины; ограниченная выборка дел не позволяет оценить частоту подобных проблем.

Таким образом, совершенствование порядка доказывания и соблюдение процессуальных гарантий выступают необходимыми условиями законного применения административной ответственности в области воинского учёта.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.
3. Постановление Правительства РФ от 27.11.2006 № 719 «Об утверждении Положения о воинском учете» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 49 (1 ч.). Ст. 5220.
4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.
6. Постановление Правительства РФ от 19.04.2024 № 506 «О государственной информационной системе „Единый реестр сведений о гражданах, подлежащих первоначальной постановке на воинский учёт, гражданах, состоящих на воинском учёте, а также о гражданах, не состоящих, но обязанных состоять на воинском учёте“» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 18. Ст. 2427.
7. Коршунова Д. С. Цифровизация воинского учета: причины, условия, последствия // Научные записки молодых исследователей. 2024. Т. 12. № 5–6. С. 71–81. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-voinskogo-ucheta-prichiny-usloviya-posledstviya/pdf (дата обращения: 20.11.2026).
8. Бубновский С. А. Административные правонарушения в области воинского учета: концептуальные основы и правоприменительная перспектива // Молодой ученый. 2025. № 19 (570). С. 214–216. URL: https://moluch.ru/archive/570/124953/ (дата обращения: 20.11.2026).
9. Захарова А. О. Особенности осуществления производства по делам об административных правонарушениях в сфере воинского учета // Молодой ученый. 2023. № 51 (498). С. 261–264. URL: https://moluch.ru/archive/498/109347/ (дата обращения: 20.11.2026).
10. Коваленко А. В. Проблемы определения вины и крайней необходимости в делах о правонарушениях против порядка воинского учета // Молодой ученый. 2025. № 50 (601). С. 340–344. URL: https://moluch.ru/archive/601/131319/ (дата обращения: 20.11.2026).
11. Приказ Министра обороны РФ от 22.11.2021 № 700 «Об утверждении Инструкции об организации работы по обеспечению функционирования системы воинского учёта» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202112280067 (дата обращения: 18.11.2026).
12. Архипов С. В. Административно-правовое регулирование ответственности за неявку гражданина по повестке военкомата // Молодой ученый. 2023. № 52 (499). С. 205–207. URL: https://moluch.ru/archive/499/109697/ (дата обращения: 20.11.2026).
13. Козлов Н. Н. Особенности применения мер административной ответственности в области воинского учёта // Молодой ученый. 2025. № 33 (584). С. 57–61. URL: https://moluch.ru/archive/584/127992/ (дата обращения: 20.11.2026).
14. Федеральный закон от 14.04.2023 № 127-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 16. Ст. 2764.
15. Самольянов С. В. Совершенствование административной ответственности за нарушения законодательства о воинском учете // Молодой ученый. 2025. № 50 (601). С. 451–454. URL: https://moluch.ru/archive/601/131191/ (дата обращения: 20.11.2026).
16. Кононенко Т. Е. Анализ проблем частичной мобилизации и их решение посредством применения электронной сферы предоставления государственных услуг // Молодой ученый. 2024. № 11 (510). С. 90–92. URL: https://moluch.ru/archive/510/111963/ (дата обращения: 20.11.2026).
17. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями на 04.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 18.11.2026).
18. Постановление Верховного Суда РФ от 18.11.2024 № 75-АД24–5-К3 // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/411073868/ (дата обращения: 17.11.2026).
19. Решение Кузьминского районного суда города Москвы по делу № 12–2190/2025 (сентябрь 2025 г.) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/dlUmuWZDWvWJ/ (дата обращения: 17.11.2026).
20. Решение Хамовнического районного суда города Москвы по делу № 12–262/2025 (октябрь 2025 г.) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/eKaL0M0QuwQ8/ (дата обращения: 17.11.2026).
21. Решение Ленинского районного суда города Костромы по делу № 12–255/2025 (август 2025 г.) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/kIF2zo6jz3Ut/ (дата обращения: 17.11.2026).

Оказание бесплатной юридической помощи федеральными органами исполнительной власти в форме правового консультирования

Голенков Павел Александрович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор исследует особенности оказания бесплатной юридической помощи гражданам. Обсуждаются основные положения действующего национального законодательства, регулирующего вопросы оказания бесплатной юридической помощи в виде правового консультирования. Определены важные аспекты развития правовых основ и их совершенствования по вопросам оказания бесплатной юридической помощи в виде правового консультирования. Подчеркивается значимость развития государственной политики в сфере предоставления гарантированной бесплатной юридической помощи.

Ключевые слова: *бесплатная юридическая помощь, правовое консультирование, федеральный орган исполнительной власти, должностное лицо.*

Развитие Российской Федерации, как правового государства и гражданского общества нуждается в необходимости ставить во главе проблему гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина. Воплощение в жизнь закрепленных в Конституции Российской Федерации положений о правах и свободах невозможно без всестороннего и открытого обеспечения граждан необходимыми им правовыми нормами и механизмами. Одним из таких правовых механизмов является юридическая консультация, выступающая в настоящий момент достаточно ёмким для развития и перспективным направлением в системе оказания юридической помощи, нуждающаяся в оптимизации и упрощении порядка реализации для граждан.

В данном исследовании автором научной статьи юридическая консультация рассматривается, как форма бесплатной юридической помощи, оказываемая в рамках реализации конституционных правовых гарантий, предоставляемых гражданам федеральными органами исполнительной власти.

В развитие конституционных норм, установленных частью 1 статьи 48 Конституции Российской Федерации [1], гарантирующих право на бесплатную юридическую помощь, был издан Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 6 августа 2026 г.) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», который является основным нормативно-правовым актом, регулирующим реализацию прав граждан на получение бесплатной юридической помощи, но не единственным. Вторым по юридической силе можно считать Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22 апреля 2024 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», который также содержит нормы оказания бесплатной юридической помощи. Существуют еще ряд федеральных законов и нормативно-правовых актов, изданных в Субъектах Российской Федерации, развивающих нормы Федерального закона «Об оказании бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».

Из смыслового содержания Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» правовую консультацию можно определить, как вид юридической помощи, оказываемой квалифицированными субъектами государственной и негосударственной систем юридической помощи, в устной или письменной форме, в целях обеспечения реализации и защиты прав, свобод и законных интересов отдельной категории граждан. Обращаясь к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», юридической консультации можно дать схожее определение — вид квалифицированной юридической помощи, предоставляемой специальным субъектом, как в устной, так и в письменной форме. Вместе с тем, вышеуказанный Федеральный закон выделяет еще одно понятие «юридической консультации», как адвокатского образования в системе адвокатуры Российской Федерации, образующегося в соответствии с определенными законодательством условиями [3].

Стоит отметить, что в Федеральном законе «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» содержится понятие именно «правовое консультирование», а не «юридическое консультирование», да и в целом, в данном Федеральном законе правовое консультирование является видом бесплатной юридической помощи, а не наоборот — юридическое консультирование видом бесплатной правовой помощи. Понятия «правовой» и «юридический» хоть и схожи по семантике, но не являются полными синонимами, так как правовой это более широкое понятие, охватывающее более обширный спектр в теории государства и права, а юридический — более узкий, практический и формальный термин. Можно предположить, что законодатель, исходя из специфики субъектов, имеющих право на бесплатную юридическую помощь, закладывал смысл правовой консультации, как способа реализации законных прав граждан. Но так или иначе, в законодательстве нет семантического различия понятий «правовой» и «юридический», поэтому обычно на практике путаницы не возникает.

Еще одним, не маловажным фактором, является то, что законодательством не закреплено полное, точное и развёрнутое определение категорий «юридическая консуль-

тация» или «правовая консультация», раскрывающие свою суть, как вид юридической помощи или услуги.

В целях определения и раскрытия термина правовой консультации, для начала стоит выделить наиболее известные и содержательные определения юридической консультации и юридической помощи, содержащиеся в научных трудах учёных-правоведов.

Юридическая консультация — это полезный совет от юриста, который направлен на оказание квалифицированной помощи физическим и юридическим лицам с целью верного толкования, понимания, применения и соблюдения действующих законов, что касаются защиты и соблюдения гарантированных прав граждан и организаций [9, с. 65].

Юридическая консультация: это деятельность, в ходе которой происходит взаимодействие между субъектом, который оказывает юридическую помощь, и субъектом, который обратился за данной юридической помощью в форме консультации для решения своих вопросов, которые затрагивают его интересы, правовыми методами и средствами [11, с. 10].

Юридическая помощь — это государственная, негосударственная либо частная деятельность профессиональных юристов, направленная на оказание квалифицированной помощи физическим и юридическим лицам в понимании, верном применении и соблюдении действующих законов, направленной на защиту и способствующей реализации прав и законных интересов граждан страны [10, с. 116].

Интегрировав данные понятия в одно, учитывая регулирующее данный вопрос законодательство, можно предложить следующую конструкцию определения правового консультирования: процесс оказания квалифицированной юридической помощи, предоставляемой субъектами государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи, имеющим на это право физическим лицам в форме устного или письменного разъяснения норм действующего законодательства в целях верного толкования, понимания, применения и соблюдения действующих законов и реализации гарантированных прав.

Теперь стоит рассмотреть вопрос о субъектах — участниках государственной системы бесплатной юридической помощи, которые определены в Федеральном законе «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». В статье 15 вышеуказанного Федерального закона определено, что одними из участников государственной системы бесплатной юридической помощи являются федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения [2].

Следует подчеркнуть, что в федеральном законодательстве прямо не указаны конкретные федеральные органы исполнительной власти или подведомственные им учреждения, уполномоченные оказывать гражданам бесплатную юридическую помощь, в том числе в виде правового консультирования. На практике получается, что такую помощь уполномочены осуществлять все существующие федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения. К примеру, такие полномочия имеют Министерство внутренних дел, Министерство чрезвычайных ситуаций, Федеральная служба в сфере природопользования, Министерство труда и социальной защиты и другие.

Для внесения ясности в Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» можно было бы внести норму, указывающую прямо на обязанность органа исполнительной власти назначить конкретное учреждение или должностное лицо, уполномоченное оказывать бесплатную юридическую помощь. Так, в развитие положений о полномочиях федеральных органов исполнительной власти, необходимо добавить нормы, обязывающие федеральные органы исполнительной власти издавать внутренние подзаконные нормативно-правовые акты, устанавливающие подразделения и должностных лиц, оказывающих бесплатную юридическую помощь, требования к ним и детализировать порядок предоставления каждого вида бесплатной юридической помощи. При этом стоит установить требования стандартизации к содержанию таких нормативно-правовых актов.

В соответствии с частью 1 статьи 16 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» установлено, что федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения, оказывают гражданам бесплатную юридическую помощь в виде правового консультирования в устной и письменной форме по вопросам, относящимся к их компетенции, а также в порядке, установленном законодательством Российской Федерации для рассмотрения обращений граждан [2].

Такой порядок обращения граждан в федеральные органы исполнительной власти напрямую регламентируется Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Анализируя данный Федеральный закон, предполагается следующая конструкция процесса предоставления правовой консультации: граждане, реализуя право на бесплатную юридическую помощь, в установленном порядке для обращений граждан обращаются в подразделения федеральных органов исполнительной власти за предоставлением такого вида бесплатной юридической помощи, путём подачи заявления письменно или устного обращения в рамках личного приёма граждан. При этом при письменном обращении устанавливаются сроки рассмотрения такого обращения, которые не должны превышать 30 дней со дня регистрации обращения [4], то есть в таком случае нельзя говорить о быстроте и своевременности юридической консультации, в случае срочной необходимости получения нужной правовой информации, защите нарушенных прав. При устном обращении законодательство не устанавливает сроки рассмотрения таких обращений, но в случае необходимости получения пись-

менного ответа на вопрос, заданный в ходе устного обращения, срок на предоставление письменного ответа регулируется нормами, устанавливающими сроки рассмотрения письменных обращений. Здесь следовало бы законодательно определить отдельные сроки для рассмотрения обращений граждан по вопросам предоставления бесплатной юридической помощи и существенно снизить такие сроки рассмотрения обращений, в целях своевременности предоставления нужной правовой информации и оперативного построения тактики защиты нарушенных прав.

Что касается регламентации устного обращения за правовой консультацией, то детальный порядок такого обращения законодательством не установлен и в общем понимании подразумевает личное прибытие гражданина в подразделение федерального органа исполнительной власти, зачастую в дежурную службу подразделения такого органа, в целях подачи обращения за получением правовой консультации, или же по предварительной записи, при этом сама правовая консультация происходит в рамках личного приёма.

Федеральными органами исполнительной власти в дополнение Федерального закона «Об порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» изданы подзаконные нормативно-правовые акты, устанавливающие порядок обращений граждан в каждый федеральный орган исполнительной власти. Такие нормативно-правовые акты, сами по себе, не выходят за рамки норм, установленных Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», при этом дополняют и развивают их.

Так, например, в органах МВД России действует Инструкция об организации рассмотрения обращений граждан в системе МВД РФ, утвержденной приказом МВД России от 12 сентября 2013 г. N 707 (ред. от 1 декабря 2016 г.) «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации»; в органах МЧС действует приказ МЧС России от 29 декабря 2021 г. № 933 (ред. от 28 марта 2024 г.) «Об организации работы по рассмотрению обращений граждан в системе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий»; в органах Федеральной службы в сфере природопользования — Инструкция о порядке рассмотрения обращений граждан и организаций в Федеральной службе по надзору в сфере природопользования, утвержденная приказом Федеральной службы по надзору в сфере природопользования от 19 октября 2015 г. N 832 (ред. от 15 января 2018 г.) «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения обращений граждан и организаций в Федеральной службе по надзору в сфере природопользования и о внесении изменения в Регламент Федеральной службы по надзору в сфере природопользования, утвержденный приказом Росприроднадзора от 29 июня 2007 г. N 191».

Но, к сожалению, не все федеральные органы исполнительной власти раскрыли в своих изданных нормативно-правовых актах необходимый объём правовых механизмов, развивающих нормы законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан, а некоторые и вовсе ограничились лишь дублированием норм Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

В данном случае, положительным примером функционирования правового механизма предоставления бесплатной юридической помощи в виде правового консультирования, можно выделить порядок, установленный в органах МВД России Инструкцией об организации рассмотрения обращений граждан в системе МВД РФ, где в отличие от многих других федеральных органов исполнительной власти, определены более детальные требования к осуществлению личного приёма граждан. Здесь также устанавливаются требования к помещению (месту) личного приёма граждан и оборудованию такого помещения: для граждан с ограниченными возможностями по здоровью доступ к помещению в случае необходимости должен быть оборудован пандусом. Также определено, что, если гражданин ввиду ограниченных способностей или возможностей здоровья не может самостоятельно в письменной форме изложить суть обращения, ему оказывается помощь в написании обращения [5]. Данные положения напрямую подтверждают факт содействия МВД России в реализации гражданами своих конституционных прав.

Немало важно и то, что в указанной выше инструкции определено конкретное подразделение, организующее приём граждан у должностных лиц — подразделение делопроизводства, то есть закреплена обязанность подразделения организатора в обеспечении приёма граждан должностными лицами органов МВД России. Более того, в МВД России конкретизировано подразделение, осуществляющее правовую консультацию для граждан. Так, Наставление по организации правовой работы в органах МВД, утвержденное приказом МВД России от 05.01.2007 N 6 (ред. от 23 декабря 2021 г.) «Об утверждении Наставления по организации правовой работы в системе МВД России», устанавливает реализацию предоставления правовой консультации гражданам за подразделениями, осуществляющими правовую работу в рамках организации информационно-правовой деятельности [8].

Здесь хотелось бы еще раз подчеркнуть, что единого стандарта для содержания норм, регламентирующих порядок обращения граждан в пределах предоставления бесплатной юридической помощи, в подзаконных нормативно-правовых актах, изданных федеральными органами исполнительной власти, не существует. Поэтому необходимо унифицировать данные нормы и требования в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Говоря об обращениях граждан, которые в соответствии с законодательством о порядке рассмотрения об-

ращений граждан могут быть в виде предложений, заявлений и жалоб, в случае с реализацией права на бесплатную юридическую помощь затруднительно определить напрямую форму такого обращения. На практике такое обращение относится к форме заявления, так как имеет заявительный характер.

Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» определяет заявление, как просьбу гражданина о содействии в реализации его конституционных прав и свобод или конституционных прав и свобод других лиц, либо сообщение о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, недостатках в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, либо критика деятельности указанных органов и должностных лиц [4].

Здесь стоит отметить, что заявление как вид обращения, исходя из вышеуказанного содержания в своём определении, раскрывается в двух формах: просьба и сообщение. В таком случае, заявление, как просьбу гражданина о содействии в реализации его конституционных прав и свобод, по смыслу стоит относить к форме обращения за бесплатной юридической помощью.

Среди учёных-правоведов России есть и другое мнение. Так, учёный-правовед, доктор юридических наук Чумакова О. В. предлагает ввести термин «обращения об оказании юридической помощи» в оборот административно-правовой науки, который будет дополнять виды обращений граждан, определенных в названных законах, рассматриваемые в теории административного права и используемые в практике государственного управления [12, с. 166–167].

С данным мнением нельзя не согласиться. Определенно, обращения об оказании юридической помощи стоит рассматривать как отдельную ветвь в содержании Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», что подразумевает не только нормативное определение формы обращения об оказании юридической помощи, но и установление механизма реализации такой категории обращений в законодательстве. Разумеется, в практическом смысле такой нормотворческий процесс будет более трудоёмким и времязатратным.

Исходя из вышеуказанного, для начала движения процессу по преобразованию законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан, в вопросе оказания бесплатной юридической помощи, рассматривая «заявление», как действующую форму обращения за бесплатной юридической помощью, необходимо дополнить данное определение в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и раскрыть его следующим образом:

заявление — просьба гражданина о содействии в реализации его конституционных прав и свобод, в том числе об оказании бесплатной юридической помощи, или конституционных прав и свобод других лиц, либо сообщение о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, недостатках в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, либо критика деятельности указанных органов и должностных лиц.

В таком случае данное определение будет конкретизировать суть заявления в законодательстве о порядке рассмотрения обращений граждан в контексте реализации права на бесплатную юридическую помощь.

Таким образом, на сегодняшний день, процесс предоставления бесплатной юридической помощи в виде правового консультирования федеральными органами исполнительной власти в государственной системе бесплатной юридической помощи реализован через законодательство, устанавливающее порядок рассмотрения обращений граждан. В целях развития законодательства о бесплатной юридической помощи следует раскрыть содержание понятий видов бесплатной юридической помощи, в том числе правовой консультации, в содержании соответствующего федерального законодательства. Надлежит ввести нормы, обязывающие федеральные органы исполнительной власти издавать подзаконные нормативно-правовые акты, устанавливающие конкретные подразделения или должностных лиц, уполномоченных на предоставление бесплатной юридической помощи, а также порядок предоставления каждого вида бесплатной юридической помощи. Также необходимо унифицировать единые нормы для определения порядка обращения граждан в пределах предоставления бесплатной юридической помощи в федеральных органах исполнительной власти, путём определения в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» соответствующей обязывающей нормы. Требуется дополнить в указанном Федеральном законе понятие заявление, с раскрытием смысла обращения об оказании бесплатной юридической помощи. Также целесообразно снизить сроки рассмотрения обращений граждан по вопросам предоставления бесплатной юридической помощи.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных законами № 6-ФКЗ от 30.12.2008, № 7-ФКЗ от 30.12.2008, № 2-ФКЗ от 5.02.2014, № 11-ФКЗ от 21.07.2014, № 1-ФКЗ от 14.03.2020, одобренными в ходе всероссийского голосования 01.07.2020, с учетом включения новых субъектов РФ, внесенных федер. конституционными законами № 5-ФКЗ от 04.10.2022, № 6-ФКЗ от 04.10.2022, № 7-ФКЗ от 04.10.2022, № 8-ФКЗ от 04.10.2022). — [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mwm7fyocyt876408642 (дата обращения: 05.11.2026 г.).

2. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 06.08.2026 г.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121887/?ysclid=mwm87ig9vp2130633 (дата обращения 05.11.2026 г.).
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024 г.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/?ysclid=mwm8cdn2h2178000153 (дата обращения 05.11.2026 г.).
4. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 28.12.2004 г.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/?ysclid=mwm8es8pwk992261820 (дата обращения 07.11.2026 г.).
5. Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 12.09.2013 г. № 707 (ред. от 01.12.2016 г.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» — URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157616/?ysclid=mwm91totfr977850615 (дата обращения 10.11.2026 г.).
6. Об организации работы по рассмотрению обращений граждан в системе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий [Электронный ресурс]: приказ МЧС России от 29.12.2021 г. № 933 (ред. от 28.03.2024 г.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» — URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_408709/?ysclid=mwm982llpd911892981 (дата обращения 10.11.2026 г.).
7. Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения обращений граждан и организаций в Федеральной службе по надзору в сфере природопользования и о внесении изменения в Регламент Федеральной службы по надзору в сфере природопользования, утвержденный приказом Росприроднадзора от 29 июня 2007 г. N 191 [Электронный ресурс]: приказ Федеральной службы по надзору в сфере природопользования от 19.10.2015 г. N 832 (ред. от 15.01.2018 г.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188537/?ysclid=mwm9dkj57x704575476 (дата обращения: 10.11.2026 г.).
8. Об утверждении Наставления по организации правовой работы в системе МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 05.01.2007 г. № 6 (ред. от 23.12.2021 г.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289909/?ysclid=mwm9u42snx200797577 (дата обращения 10.11.2026 г.).
9. Грудцына Л. Ю. Адвокатское право: Учебно-практическое пособие / Л. Ю. Грудцына. — М.: Деловой двор. 2019. — 352 с.
10. Лейст О. Э. Сущность права / О. Э. Лейст. — М.: Зерцало, 2018. — 352 с.
11. Кобылинская С. В., Нетишинская Л. Ф., Куемжиева С. А. и др. Правовые основы юридического консультирования: учебник / Кобылинская С. В. [и др.] — Краснодар: КубГАУ, 2019. — 165 с.
12. Чумакова О. В. Деятельность органов исполнительной власти по обеспечению граждан бесплатной юридической помощью [Электронный ресурс]: дисс. д-ра юрид. наук.: 12.00.14 / Чумакова Ольга Владимировна. — Нижний Новгород, 2020. — 441 с. — Место защиты: ННГУ им. Н. И. Лобачевского. — 2020. // Информационная система «Диссертационные советы ННГУ» — URL: https://diss.unn.ru/files/2020/1030/diss-Chumakova-1030.pdf (дата обращения 15.11.2026 г.).

Проблемы правового регулирования государственной контрактной системы (по материалам Алтайского края)

Гончар Алексей Юрьевич, студент магистратуры
Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Барнаул)

На основе анализа динамики заключения государственных контрактов за 2021–2025 гг. отмечена тенденция к укрупнению закупок. Выявлены пробелы регионального законодательства, не учитывающего изменения федерального законодательства 2026 года, а именно расширение перечня контрактов, подлежащих включению в реестр контрактов, повышение основной ставки НДС до 22 % и правовую позицию Конституционного Суда РФ о корректировке цены длящихся контрактов. Отдельное внимание уделено проблемам правового регулирования цифровых контрактов, в частности отсутствию нормативно установленного порядка синхронизации данных между Порталом поставщиков Алтайского

края и Единой информационной системой. Сформулированы предложения по совершенствованию регионального законодательства о контрактной системе.

Ключевые слова: *государственная контрактная система, государственные закупки, изменение цены контракта. НДС, реестр контрактов, единая информационная система, Портал поставщиков Алтайского края.*

Государственная контрактная система Алтайского края представляет собой механизм, созданный в целях обеспечения государственных (а в ряде случаев и муниципальных) нужд региона. Динамика количества заключенных государственных контрактов и объема в Алтайском крае за последние 5 лет показывает сокращение количества контрактов при одновременном росте среднего объема, что свидетельствует о трансформации закупочной деятельности в регионе — от множества мелких закупок к более крупным и комплексным контрактам. Если в 2021 году было заключено 40,5 тыс. контрактов на сумму более 56,9 млрд руб., то в 2025 году данные показатели составили 41,5 тыс. контрактов на сумму 87,3 млрд рублей. Данные изменения соответствуют стратегическим целям контрактной системы Алтайского края, а именно повышение эффективности расходования бюджетных средств, снижение административной нагрузки на заказчиков, обеспечение прозрачности закупочного процесса [6].

Правовое регулирование государственной контрактной системы в Алтайском крае регулярно изменяется и совершенствуется. Так, в 2024 году региональные власти продолжили антикризисное регулирование, начатое в 2022–2023 годах, адаптируя федеральные изменения, направленные на послабление в сфере закупок, к краевым условиям.

Так, Постановлением Правительства Алтайского края от 18.03.2024 № 64 приостановлено действие отдельных положений постановления Администрации Алтайского края от 29.12.2015 № 530 (о размерах авансов и обеспечении) и постановления Правительства Алтайского края от 23.12.2019 № 532 (об условиях предоставления субсидий) [3].

Немаловажное значение в реформировании контрактной системы Алтайского края имеет и Постановление Правительства Алтайского края от 23.04.2025 № 156, направленное на расширение полномочий централизованного закупочного органа, оптимизацию согласований и продление авансирования. Данным актом было закреплено расширение полномочий уполномоченного учреждения (КГКУ «Центр государственных закупок Алтайского края»). Также Постановление Правительства Алтайского края от 23.04.2025 № 156 внедрило упрощенное согласование закупок у единственного поставщика по национальным и региональным проектам [2].

Помимо этого, в сфере контрактной системы в Алтайском крае был утвержден Порядок взаимодействия при заключении контракта со встречными инвестиционными обязательствами, что позволило стимулировать инвестиционную активность. Поставщик получал долгосрочный контракт в обмен на создание или модернизацию производства.

Несмотря на систематическое изменение законодательства Алтайского края в сфере контрактной системы, оно не учитывает последние изменения федерального законодательства, произошедшие в 2026 году.

Так, согласно Федеральному закону от 26.12.2024 № 484-ФЗ с 1 июля 2026 года в реестр контрактов стали включаться практически все контракты, включая малые закупки и закупки у единственного поставщика (за исключением контрактов, содержащих государственную тайну).

Помимо этого, в соответствии с Федеральным законом от 28.11.2025 № 425-ФЗ основная ставка НДС повышена с 20 до 22 % с 1 января 2026 года. Повышение ставки затронуло исполнение ранее заключенных контрактов: новая ставка стала применяться ко всем отгрузкам (этапам работ) с 01.01.2026 независимо от даты заключения контракта. При этом Минфин России в письме от 19.01.2026 № 24–06–06/2382 разъяснил, что цена контракта сохраняется, и повышение ставки НДС не является основанием для ее изменения. Корректировка цены возможна лишь по соглашению сторон при возникновении не зависящих от них обстоятельств [5]. Правовую неопределенность в этой сфере снял Конституционный Суд РФ: в постановлении от 25.11.2025 № 41-П он констатировал отсутствие в законодательстве универсального механизма корректировки цены длящихся контрактов при изменении ставки НДС и допустил самостоятельное определение субъектом РФ оснований изменения контрактов [1].

Однако законодательство Алтайского края, регулирующее контрактную систему в регионе, не учитывает последние изменения федерального законодательства и позиции Конституционного Суда РФ.

В связи с этим предлагается для решения вопросов по изменению цены контракта в связи с изменением ставки НДС принять постановление Правительства Алтайского края, в котором установить, что если при исполнении контрактов возникли не зависящие от сторон указанных контрактов обстоятельства, влекущие невозможность их исполнения в связи с увеличением налоговой ставки по налогу на добавленную стоимость, по соглашению сторон допускаются изменение цен таких контрактов в пределах увеличения налоговой ставки по налогу на добавленную стоимость в отношении товаров, работ, услуг, приемка которых осуществляется после 1 января 2026 года, либо изменение объемов и (или) видов выполняемых работ без увеличения цен таких контрактов.

Также можно отметить проблемы правового регулирования в сфере цифровых контрактов. Так, согласно по-

становлению Администрации края от 30.12.2013 № 712 заказчики края обязаны использовать Портал поставщиков Алтайского края при осуществлении закупок малого объема [4]. В результате контракт, заключенный на региональном портале, подлежит включению в реестр контрактов ЕИС, однако порядок синхронизации данных между Порталом поставщиков Алтайского края и ЕИС нормативно не установлен. Получается ситуация, в которой в результате правовой неопределенности участники контрактной системы должны работать в двух информационных системах с различной структурой данных, что влечет двойную нагрузку на специалистов, а возможные расхождения данных могут повлечь административную ответственность по части 2 статьи 7.31 КоАП РФ.

В связи с этим предлагается отказаться от дублирования федеральной цифровой инфраструктуры на региональном уровне либо нормативно закрепить интеграцию данных с Портала поставщиков Алтайского края в ЕИС.

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.11.2025 № 41-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 424 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 168 Налогового кодекса Российской Федерации, подпункта «а» пункта 1 статьи 1 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 265-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой публичного акционерного общества Банк ВТБ» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519609/ (дата обращения: 15.10.2026).
2. О внесении изменений в постановления Администрации Алтайского края от 06.12.2013 № 631 и от 30.12.2013 № 712: постановление Правительства Алтайского края от 23.04.2025 № 156 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 25.10.2026).
3. О приостановлении действия отдельных положений постановления Администрации Алтайского края от 29.12.2015 № 530, постановления Правительства Алтайского края от 23.12.2019 № 532 и установлении размеров авансовых платежей при заключении государственных контрактов (договоров) в 2024 году: Постановление Правительства Алтайского края от 18.03.2024 № 64 // Портал нормативных актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/2200202403190001 (дата обращения: 15.06.2026).
4. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд Алтайского края: постановление Администрации Алтайского края от 30.12.2013 № 712 (в ред. от 23.04.2025) // Официальный сайт Алтайского края. URL: https://altairegion22.ru/upload/iblock/cdd/712_13.PDF (дата обращения: 10.10.2026).
5. О порядке применения повышенной ставки НДС по госконтрактам: письмо Министерства финансов Российской Федерации от 19.01.2026 № 24–06–06/2382 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=235025 (дата обращения: 15.10.2026).
6. Отчет о деятельности Министерства экономического развития Алтайского края в 2025 году // Алтайский край: официальный сайт. URL: https://econom22.ru/about/activity/doklady-o-deyatelnosti-glavnogo-upravleniya-ekonomiki-i-investitsiy-altayskogo-kraya/otzet_MER_AK_2025.pdf (дата обращения: 15.10.2026).

Залог в России и Германии: правовая природа и реализация предмета залога

Григорян Мариета Мгеровна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье изучаются правила о залоге в российском и германском праве, ставится вопрос о том, как различие в подходах к правовой природе залога отражается на порядке продажи заложенного имущества. В статье использован сравнительно-правовой метод и анализ норм ГК РФ, германского гражданского уложения, судебной практики и научной литературы, сопоставляются основания возникновения залога, права залогодержателя, порядок обращения взыскания и роль суда. Рассмотрены предложения, которые можно перенять российскому законодательству.

Ключевые слова: *залог, правовая природа залога, обращение взыскания, внесудебная реализация, германское право, сравнительное правоведение.*

Залог входит в число немногих способов обеспечения, которые дают кредитору право на конкретное имущество, а не только требование к должнику. Российское право долго строило эту конструкцию на обязательственной основе, а в 2013 году закон № 367-ФЗ изменил главу о залоге в Гражданском кодексе и закрепил новые

основания его возникновения, включая залог по закону [5]. Практическое значение института можно отследить по статистике банкротства: в 2025 году залоговые кредиторы получили 178,3 млрд рублей, а доля удовлетворения их требований достигла 41,5 % [1]. При этом законодательство и практика по-прежнему оставляют спорные места: от них зависит, как оценивают предмет залога, когда допускают продажу без суда и насколько надежно защищен залогодержатель. Германское же право решает те же задачи, но другим способом. Гражданское уложение в Германии действует с 1900 года и относит залог к ограниченным вещным правам, из чего вытекают другие правила возникновения, защиты и реализации заложенной вещи. Сравнение двух моделей позволяет увидеть, какие российские проблемы связаны с самой природой института, а какие с особенностями нормативного регулирования, а также позволит выделить положения, которые стоит использовать в законодательстве нашей страны.

Современное российское залоговое право прошло три этапа реформ: в 2008 году изменился порядок обращения взыскания на заложенное имущество (Федеральный закон № 306-ФЗ), в 2011 году была вторая реформа (Федеральный закон № 405-ФЗ), а с 1 июля 2014 года действует новая редакция § 3 гл. 23 ГК РФ, принятая Федеральным законом № 367-ФЗ от 21.12.2013 [2]. Закон РФ «О залоге» 1992 года окончательно утратил силу с 1 июля 2014 года, а нормы о залоге в настоящее время полностью сосредоточены в ГК РФ [5].

Истоки германского залога лежат в римском праве. Сначала там применялся пигнус, при котором вещь переходила к кредитору, а затем появилась ипотека, не требовавшая передачи владения; отсутствие регистрации сделало римскую залоговую систему запутанной [6]. В германских землях с XIII века развивалась форма залога недвижимости, при которой земля оставалась у должника, но он терял право отчуждать ее и закладывать повторно [8]. Публичность залога обеспечивали сначала записи в народных собраниях и ратушах, потом занесение в судебные и городские книги, а в XIX веке сложилась система поземельных и ипотечных книг. С середины XVIII века в Пруссии и Мекленбурге возникла неакцессорная ипотека, из которой выросли обращаемая ипотека и поземельный долг [11]. Германское гражданское уложение, вступившее в силу 1 января 1900 года, закрепило три вида обеспечения недвижимости: две ипотеки и поземельный долг. Оно же ввело обязательную регистрацию в поземельной книге с презумпцией правильности записей (§ 891, 892 ГГУ). На практике поземельный долг почти полностью вытеснил ипотеку [4].

Различия между российской и германской моделями залога удобно сопоставить нескольким вопросам: природа права, структура норм, возникновение, акцессорность, обращение взыскания, залог прав и публичность. Сравнительно-правовая характеристика залога в России и Германии представлена в табл. 1

Сопоставление показывает, что российская и германская модели расходятся прежде всего в основном: Германское право прямо относит залог к вещным правам и строит возникновение права на двух договорах, обязательственном и вещном, а российское закрепляет единое понятие залога и оставляет природу права предметом спора [3], а строгая акцессорность российского за-

Таблица 1. **Сравнительно-правовая характеристика залога в России и Германии**

Вопрос	Россия	Германия
Правовая природа	Нет единой позиции: обязательственная, вещная или смешанная	ГГУ относит залог к ограниченным вещным правам, раздел находится в книге «Вещное право».
Структура норм	Общие положения о залоге и отдельные виды (§ 3 гл. 23 ГК, ст. 334–358.18)	Общей части нет: каждому виду залога (недвижимость, движимые вещи, права) отведён свой раздел, определения залога в законе не даётся
Возникновение	Договор или закон, есть «судебный» залог при аресте (п. 5 ст. 334)	Двухступенчатая модель: обязательственный договор, вещный договор и передача вещи или права
Акцессорность	Строгая: залог переходит вместе с требованием (п. 2 ст. 354 ГК РФ)	Ослаблена: для залога прав допускается неакцессорность, для ипотеки есть поземельный долг
Обращение взыскания	Отдельная стадия обращения взыскания: суд или внесудебный порядок по соглашению (ст. 349 ГК)	Залогодержатель продает предмет залога, как только требование полностью или частично подлежит исполнению (§ 1228 ГГУ, для залога движимых вещей). Суд контролирует правомерность, а не открывает право на продажу
Залог прав	18 статей (ст. 358.1–358.18), общих норм нет; исполнение должником залогодателя по ст. 358.6 может не обеспечить интерес залогодержателя	Режим залога движимых вещей применяется и к правам (§ 1273 ГГУ), для разных ситуаций есть правила (§§ 1281, 1282 ГГУ)
Публичность недвижимости	Презумпция существования ипотеки в 2007 году действовала только для морских судов (ст. 378 КТМ)	Презумпция достоверности поземельной книги

лога противостоит германской гибкости, где допустимы неакцессорные формы, в том числе поземельный долг. Еще одно важное различие касается взыскания: в России ему предшествует отдельная судебная или соглашением оформленная стадия, а в Германии залогодержатель продает предмет залога при наступлении срока требования, а суд проверяет правомерность его действий [7].

Из германского опыта российское право может использовать отдельные решения.

Первое касается залога прав требования: германские правила об исполнении должником залогодателя до наступления срока (§ 1281 ГГУ) и после него (§ 1282 ГГУ) определяют, кому он платит, и защищают залогодержателя от потери обеспечения [10]. Российская ст. 358.6 ГК РФ по умолчанию направляет платеж залогодателю, а право залогодержателя на исполнение после просрочки в литературе трактуют по-разному [5]. Заимствование будет полезно для российского права: сейчас судьба платежа зависит от того, предусмотрел ли договор залога право залогодержателя и уведомили ли должника, поэтому залогодержатель может потерять деньги, которые ушли залогодателю до обращения взыскания. По буквальному смыслу п. 3 ст. 358.6 должник и залогодатель могут не считаться с залогодержателем, и тот вынужден требовать досрочного исполнения основного долга, а в литературе предлагают разные объяснения его права: от последствий надлежащего уведомления до законного представительства, по германскому образцу. Четкая норма сняла бы эти споры и сделала бы результат предсказуемым. Заимствование также оправдано тем, что оно не требует менять природу залога или вводить вещный договор.

Второе решение связано с публичностью залога. А. В. Калмыкова в 2007 году предлагала распространить на ипотеку презумпцию достоверности записей, которая тогда действовала только для морских судов (ст. 378 КТМ) [9]. С тех пор ст. 8.1 ГК РФ закрепила принципы публичности и достоверности реестра и презумпцию добросовестности приобретателя, полагавшегося на его данные. Однако Д. В. Лоренц считает, что при внешнем сходстве с германским образцом публичная достоверность записей в России не достигнута, потому что законодатель не воспринял в надлежащей форме возражение против записи и предварительную запись [9]. Заимствование этих механизмов помогло бы залогодержателю: возражение блокирует доверие к записи, которую оспаривают, а предварительная запись обеспечивает права на недвижимость до окончательной регистрации. Для кредитора это снижает риск, что предмет залога выбудет из имущества залогодателя, а сведения об обременении окажутся неточными. При масштабах, которые показывает статистика, цена ошибки в таких сведениях высока.

Литература:

1. Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса. Итоги 2025 года // Фоторесурс: [сайт]. URL: https://download.fedresurs.ru/news/Статбюллетень %20банкротство %202025 %20Федресурс.pdf (дата обращения: 19.11.2026).
2. Бевзенко Р. С. Борьба за залог: третий этап реформы залогового права России // Вестник гражданского права. 2015. Т. 15, № 2. С. 8–50.
3. Василевская Л. Ю. Общее и особенное в регламентации залога прав по российскому и германскому законодательству // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3 (88). С. 173–181. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschee-i-osobennoe-v-reglamentatsii-zaloga-prav-po-rossiyskomu-i-germanskomu-zakonodatelstvu (дата обращения: 19.11.2026).
4. Вещное право Германии // Закон.ру. 2014. 18 марта. URL: https://zakon.ru/blog/2014/03/18/veshhnoe_pravo_germanii (дата обращения: 19.11.2026).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 19.11.2026).
6. История развития залоговых отношений // Электронная библиотека БГУ: URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/122616/1/9.pdf (дата обращения: 19.11.2026).
7. Калмыкова А. В. Сравнительный анализ залога в германском и российском праве: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2007. URL: https://www.dissercat.com/content/sravnitelnyi-analiz-zaloga-v-germanskom-i-rossiiskom-prave (дата обращения: 19.11.2026).
8. Краткая история развития ипотеки: зарубежный опыт // КиберЛенинка: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kratkaya-istoriya-razvitiya-ipoteki-zarubezhnyy-opyt (дата обращения: 19.11.2026).
9. Лоренц Д. В. Реестры недвижимости в Германии и России: публичное доверие к данным или добросовестное приобретение имущества // Правоведение. 2023. Т. 67, № 4. С. 413–444. URL: https://pravovedenie.spbu.ru/article/download/16197/11391/62373 (дата обращения: 19.11.2026).
10. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) // Gesetze im Internet: [сайт]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/ (дата обращения: 19.11.2026).
11. The German Grundschuld // vex: URL: https://vlex.co.uk/vid/the-german-grundschuld-878467912 (дата обращения: 19.11.2026).

Деньги в цифровую эпоху: соотношение правовой природы наличных, цифрового рубля, криптовалюты

Громов Алексей Дмитриевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует правовую природу цифрового рубля в соотношении с наличными денежными средствами и криптовалютами. Сравнение происходит по критериям полноты господства лица над имуществом, рассматриваются данные виды имущества с позиции «вещей», а также способов защиты права на указанное имущество.

Ключевые слова: *цифровой рубль, наличные, денежные средства, собственность, ценность, криптовалюта.*

В Российской Федерации вопросам правовой природы наличных денег посвящены в большей степени работы цивилистов, которые использовали опыт политэкономии. Деньги рассматривались как объект гражданско-правовых отношений. Правовая природа денег характеризовалась двояко. С одной стороны, они рассматривались как потребляемая, движимая и заменимая вещь. Правовой режим денег определял ограниченность возможности идентификации перехода права собственности на них, что объяснялось особенностями функции денег как средства обращения. С другой стороны, деньги рассматривались в гражданско-правовых сделках как носители определенной стоимости, размер которой выражается в принятой для этого единице счета, т. е. денежной единице определенной денежной системы [1].

К наличным деньгам в России относятся банкноты и монета Центрального банка Российской Федерации (ст. 29 Федерального закона от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»).

Включение наличных денег в состав вещей означает распространение на них вещно-правового режима. Отнесение безналичных денег к «иному имуществу» означает распространение на них иного, не вещно-правового а обязательственно-правового режима. Вопрос об их правовом режиме оставлен. В действующей редакции ст. 128 ГК РФ открытым.

Признание наличных денег вещами в ст. 128 ГК РФ само по себе не позволяет надлежащим образом объяснить их правовую природу, поскольку деньги, как будет показано далее, отличаются от обычных вещей, лишь внешне напоминая вещь, и содержат в себе вытекающие из обладания деньгами имущественные права, которые другие вещи не предоставляют. Само выделение законодателем в ст. 128 ГК РФ наряду с вещью как родовой категорией наличных денег в составе вещей свидетельствует об особом правовом режиме наличных денег, близком к вещному, но, вместе с тем, и отличному от него.

Несмотря на то, что для наличных денег установлен вещно-правовой режим, деньги «сопротивляются» навязанной им вещественности, что проявляется в несоответствии вещно-правовому режиму отдельных юридических последствий обращения наличных денег [3].

Субъективное право собственности закрепляет за его обладателем экономическую власть над объектом права собственности. Однако рост, как и вообще изменение количественной ценности денег (а количество — это их главное качество), не только самопроизволен и спонтанен, но и постоянен. При этом это постоянное, непрерывное изменение денег, их собственная жизнь находятся вне власти, вне контроля их собственника. Собственность на деньги, оказывается, стало быть, всегда неполной, несовершенной (хотя право собственности — право полное и совершенное).

Во-вторых, по классическим воззрениям объектом права собственности может являться только вещь. Банкноты и монеты являются вещами, однако права собственности на «вещную оболочку» денег — банкноты и монеты сами по себе — недостаточно для полноправного обладания деньгами как объектом прав.

В-частности, вышедшие из употребления банкноты и монеты могут принадлежать лицу на праве собственности, также как и действующие банкноты и монеты, но первые не будут предоставлять тех прав, которые предоставляют действующие деньги. Очевидно, что право собственности на наличные деньги «привязано» не столько собственно к бумаге, составляющей банкноты, или металлу, из которого выплавлены монеты, а к номиналу денежной единицы, указанному на них, поскольку интерес лица направлен именно на обладание определённым количеством денежных единиц.

В-третьих, к защите прав на деньги в особом порядке применяются вещно-правовые способы защиты. Негаторный иск по своему определению не может быть использован для защиты прав собственника денежных знаков. Деньги могут быть предметом виндикационного иска (п. 3 ст. 302 ГК РФ), однако при этом индивидуализация денег происходит исключительно по количеству денежных единиц, а не носителю денежных единиц («вещной оболочке»). Тот же вывод применим и в отношении иска о признании права собственности [3].

Право собственности на деньги означает доступ лица к денежной системе государства. Приобретая денежные знаки, лицо автоматически соглашается с правилами денежной системы государства: правилами осуществления расчётов, порядком ведения кассовых операций, порядком замены денежных знаков старого образца на денежные знаки нового образца, валютными ограничениями и т. д. Государство при этом гарантирует ис-

пользование данных денежных знаков в качестве законного платёжного средства.

К появлению безналичных денег как объекта, в отношении которого непосредственно осуществляются субъективные гражданские права в определённой степени причастна тенденция к дематериализации вещей, к ослаблению вещно-правовых объектных характеристик в пользу обязательственно-правовых. В российской цивилистике сложилось несколько основных подходов к определению правовой природы безналичных денег. Наиболее распространёнными являются обязательственно-правовая концепция (безналичные денежные средства как права требования) и вещно-правовая (безналичные денежные средства как бестелесные вещи). Также существуют концепции, отрицающие существование права собственности в отношениях между банком и клиентом (В. А. Белов, В. Рахмилович) и предлагающие конструкцию разделённой (расщеплённой) собственности для описания отношений клиента и банка по поводу денежных средств на счёте (Е. В. Богданов).

Цифровые валюты — это электронные деньги, которые используются как альтернативная или дополнительная валюта. Они не имеют физического эквивалента в виде банкнот или монет, их основное назначение — облегчить транзакции в цифровом пространстве.

Криптовалю́та — разновидность цифровой валюты, учёт внутренних расчётных единиц которой обеспечивает децентрализованная платёжная система (нет внутреннего или внешнего администратора или какого-либо его аналога), работающая в полностью автоматическом режиме.

Цифровой рубль рассматривается как имущественное право и объект денежных обязательств. При этом он не является безналичным рублём на банковском счёте, а представляет собой прямое обязательство Банка России [5].

Ключевые особенности правового режима:

— Выпускает цифровой рубль исключительно Банк России.

— Банк России организует и обеспечивает бесперебойную работу платформы цифрового рубля, устанавливает правила её функционирования.

— Счёт цифрового рубля открывается на платформе Банка России и является отдельным видом банковского счёта.

— Сведения о счетах цифрового рубля, остатках и операциях по ним защищены банковской тайной.

— Цифровой рубль предназначен исключительно для расчётов и переводов. На остаток средств на счёте цифрового рубля не начисляются проценты, также запрещено кредитование счетов цифрового рубля и предоставление цифровых рублей в залог.

Анализируя правовую сущность цифрового рубля можно сделать ряд выводов. Так, например, он также как и наличные денежные средства не в полной мере подчиняется власти лица над ним. Ввиду равенства полного равенства между наличными деньгами и цифровым рублём как 1 к 1. Следовательно, ценность данного актива не изменяется спросом и предложением на него. В противовес выступают криптовалюты, экономическая ценность, которых зависит от названных факторов.

Во-вторых, если рассматривать наличные средства и цифровой рубль с категории «вещь» то ясно видно различие данных объектов. Так купюры и монеты обладают признаками материальности и условной индивидуальной определенности, обладают экономической полезностью и способны быть предметом права. В случае с цифровым рублём за исключением признака материальности, его экономическая полезность равнозначна наличным средствам ввиду законодательного закрепления и эмиссии Центральным банком РФ. Также цифровой рубль обладает индивидуальной определенностью, так как представляет собой электронный код, хранящийся в базе данных. В настоящий момент законодательно цифровой рубль регламентирован Положением ЦБ РФ от 03.08.2023 N 820-П, Федеральным законом от 23 мая 2025 г. N 105-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральным законом от 23.07.2025 N 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который изменяет текст законов «О национальной платежной системе», «Центральном банке Российской Федерации», «О защите прав потребителей», добавляя в данные нормативно-правовые акты положения, касающиеся цифрового рубля, что означает его участие в гражданском обороте в качестве предмета права. В случае с криптовалютами можно констатировать ряд различий по сравнению с цифровым рублём. Так, например, экономическая полезность криптовалют полностью зависит от спроса и предложения криптовалют как товара на рынке, следовательно, в первый день ценность 1 биткоина соответствует ценности личного транспортного средства, а на следующий день ценность равнозначна половине ценности данного транспортного средства.

Также следует упомянуть о изменениях в законодательстве Россйиской Федерации в частности о том, что принят Федеральный закон от 4 августа 2026 года № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах». Положения данного закона определяют криптовалюты как предмет права, в частности, разрешается (признается) возможность обмена криптовалюты на товары и услуги по внешнеэкономической деятельности (между резидентами и нерезидентами), получение валюты в результате майнинга, оплата комиссий по правилам информационной системы, а также оплата ценных бумаг, других валют или цифровых прав. Но данный вид имущества запрещено использовать в гражданском обороте внутри Российской Федерации.

В-третьих, рассматривая вопрос о защите вещных прав на данные виды имущества можно сделать следующие выводы, деньги могут быть предметом виндикационного иска (п. 3 ст. 302 ГК РФ), однако при этом индивидуализация денег происходит исключительно по количеству денежных единиц, а не носителю денежных единиц. Тот же вывод применим и в отношении иска о признании права собственности. Негаторный иск неприменим в случаях

если предметом иска выступают наличные деньги и цифровой рубль ввиду прямого указания в законе на то, что денежной единицей является рубль соответственно участники гражданского оборота обязаны использовать в своих расчетах его и цифровой рубль (по воле сторон), так как они равнозначны. Ситуация с криптовалютами иная. В случае защиты права путем подачи виндикационного иска, истребоваться у иной стороны должен именно данная криптовалюта, а не её стоимость. Связано это с нестабильной экономической ценностью криптовалют.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующий вывод, законодатель делает допущение относительно статуса цифрового рубля аналогично наличной валюте, то есть назначение данной группы объектов права как наличная и цифровая валюта не позволяют в полной мере представить их как объекты вещных прав. Таким образом, целесообразным будет объединить наличную и цифровую валюту под общей категорией «валюты» ввиду уже названных причин. Если сравнивать положение цифрового рубля и иных криптовалют можно сделать вывод о достаточном различии между ними, чтобы считать их разными объектами не представляющий одну группу, по причине того, что экономическая ценность данных объектов определяется разными способами. Криптовалюта скорее представляет собой цифровое имущество, которое обменивают на иной товар или услугу, когда как цифровой рубль является средством платежа и сам по себе ценности не несет.

Литература:

1. Арзуманова Л. Л. Финансово-правовое регулирование наличного денежного обращения в России. — М.: Актуальные проблемы российского права, 2012.
2. Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему. — М.: Lex Russia. 2023.
3. Любкин, А. М. Правовая природа наличных денег. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 24 (523).
4. Осипова В. С. Цифровая валюта. Отличие криптовалюты от цифровой валюты. — М.: Альманах «Крым». — 2024.
5. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Правовое регулирование цифрового рубля // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 1.

Солидарная ответственность продавца и третьих лиц как инструмент защиты прав потребителя

Гусев Денис Павлович, студент магистратуры
Научный руководитель: Болдырев Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье анализируется солидарная ответственность продавца и третьих лиц как инструмент защиты прав потребителя. Отмечается, что принцип относительности обязательств, при котором каждый участник отвечает лишь в рамках заключённого им договора, не обеспечивает потребителю реальной защиты в случаях, когда вступление в правоотношения с контрагентами инициировано и опосредовано продавцом. Анализируется позиция Конституционного Суда Российской Федерации и предлагаются меры по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: *гражданское право, гражданское законодательство, предпринимательское право, солидарная ответственность, защита прав потребителей, продавец, покупатель, третьи лица, свобода договора, посредничество, Конституционный Суд.*

Joint and several liability of the seller and third parties as a tool for protecting consumer rights

Gusev Denis Pavlovich, master's degree student
Scientific advisor: Boldyrev Vladimir Anatolyevich, doctor of law, professor
North-West Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (St. Petersburg)

The article analyzes the joint and several liability of the seller and third parties as a tool for protecting consumer rights. It is noted that the principle of the relativity of obligations, under which each party is liable only within the framework of the contract they have entered into, does not provide the consumer with real protection in cases where the entry into legal relations with counterparties is initiated and mediated by the seller. The position of the Constitutional Court of the Russian Federation is analyzed, and measures to improve the legislation are proposed.

Keywords: *civil law, civil legislation, business law, joint and several liability, consumer protection, seller, third parties, freedom of contract, mediation, Constitutional Court of the Russian Federation.*

Статья 322 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] (далее — ГК РФ) устанавливает основания и условия солидарной ответственности, в силу которой кредитор вправе требовать исполнения обязательства как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности — полностью либо в части долга. Солидарная ответственность выступает особой формой распределения обязанности между несколькими лицами и применяется в случаях, прямо предусмотренных законом или договором.

Её специфика заключается в усиленной защите интересов кредитора, который самостоятельно определяет, к кому из солидарных должников предъявить требование, что повышает вероятность реального исполнения обязательства. При этом исполнение обязанности одним из должников в полном объёме прекращает обязательство перед кредитором, но порождает внутренние отношения между должниками — в частности, право регрессного требования к остальным солидарным должникам (ст. 325 ГК РФ).

Именно здесь могут возникать отдельные вопросы правоприменительного характера, например, о пределах ответственности каждого из них, особенно в ситуациях, когда один из должников является экономически более слабой стороной (как, например, потребитель в отношениях с продавцом и третьим лицом).

Лица, осуществляющие коммерческую деятельность, постоянно взаимодействуя с контрагентами и клиентами, неизбежно оттачивают мастерство ведения переговоров. Существуют различные стратегии коммуникации от полной прозрачности до манипулятивных техник, когда акцент делается исключительно на преимуществах товара, а недостатки замалчиваются ради заключения выгодной сделки. При этом даже переложение бремени доказывания на продавца в суде не всегда гарантирует реальный баланс интересов сторон.

В отношениях между продавцом и покупателем принцип свободы договора зачастую носит формальный характер, так как покупатель лишен возможности влиять на содержание сделки, что является фактически ограничением свободы договора [1][1]. Продавцы нередко используют манипулятивные преддоговорные практики для максимизации прибыли, что искажает волеизъявление потребителя. Учитывая экономическую уязвимость последнего, необходимо внедрение специальных правовых инструментов, обеспечивающих эффективную защиту его прав.

Солидарная ответственность выступает эффективным инструментом защиты интересов кредитора, существенно повышая вероятность исполнения обязательства. В рамках обязательств, возникающих в ходе предпринимательской деятельности, обязанности нескольких должников либо требования нескольких кредиторов признаются солидарными, если иное не установлено законом, иными нормативными актами либо условиями самого обязательства.

Возложение на продавца солидарной ответственности по обязательствам третьих лиц является эффективным инструментом защиты прав потребителя. Данная мера применима в ситуациях, когда продавец инициировал, предложил и оказал содействие, а покупатель в свою очередь вступил в правоотношения с такими третьими лицами. Такой подход не только обеспечивает дополнительные гарантии для потребителя, но и стимулирует продавца более ответственно подходить к выбору партнеров, предлагаемых клиентам.

Например, при договоре купли-продажи транспортного средства, как следует из постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 03.04.2023 № 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К. В. Матюшова» [4], стороны нередко заключают комплекс взаимосвязанных сделок. Помимо передачи транспортного средства и оплаты его стоимости, договор может включать дополнительные обязательства, такие как оформление кредитного или страхового договора, отказ от которых не допускается. Поскольку эти условия напрямую влияют на итоговую цену, они могут быть оформлены как в одном, так и в виде взаимосвязанных документов. При толковании условий сделки суды рассматривают основной договор купли-продажи в совокупности с сопутствующими соглашениями (кредитными, страховыми и др.), заключенными при участии продавца. В такой ситуации договор купли-продажи и, например, договор о предоставлении независимой гарантии признаются юридически связанными.

До рассмотрения Конституционным судом дела по жалобе гражданина К. В. Матюшова, суды отказывали в привлечении продавца и третьего лица к солидарной ответственности. Доводы потребителей о посредническом характере продавца, невозможности выбора иного контрагента и взаимосвязи с договором купли-продажи при-

[1] Авторы отмечают, что потребители, не будучи юридически и экономически подготовленными, часто испытывают серьезные сложности с пониманием самой сути многостраничных стандартных условий (например, правил страхования). В результате многим потребителям, которые не в состоянии в полной мере осознать смысл сложных юридических конструкций в их соотношении с законодательством и судебной практикой, не остается ничего иного, кроме как заключать договор в некотором смысле «вслепую», надеясь на добросовестность коммерсанта и его озабоченность своей репутацией.

знавались несостоятельными, ввиду заключённого отдельного договора [2][2].

Такой подход способствовал заключению с потребителем дополнительного соглашения о предоставлении сопутствующих услуг со сторонними, но подконтрольными организациями и предоставлении взамен скидки. При этом, в случае отказа потребителя от исполнения «навязанных» условий соглашения, продавец, с которым была заключена основная сделка и который действовал в том числе в своих интересах, не нёс соответствующей ответственности, что лишало потребителя методов эффективной защиты по судебному взысканию задолженности [5].

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 21.04.2026 № 25-П «По делу о проверке конституционности статей 322 и 1080 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Аббасова Шамила Усмановича» [6] признал статью 322 ГК РФ не противоречащей Конституции, но придал ей новый конституционно-правовой смысл, при котором она не препятствует возложению на продавца и его экономических партнёров солидарной обязанности по возврату денежных средств покупателю по расторгнутому в связи с его требованиями договору, заключенному с контрагентами и обусловливавшего предоставление покупателю скидки или иного преимущества, если установлена инициатива или содействие продавца подбору контрагентов.

Верховный Суд Российской Федерации в определении № 5-КГ26–77-К2 от 18.08.2026 [7] отменил решения нижестоящих судов, отметив, что при разрешении подобных споров необходимо исследовать факты навязывания дополнительных услуг введённому в заблуждение потребителю, в соответствии с толкованием Конституционного суда об условиях солидарной ответственности, что является по мнению автора проблемой, поскольку возникает риск неоднозначного применения судами таких критериев как «связанность договоров», «посредничество продавца» и «ограничение свободы выбора», которые нуждаются в конкретизации.

Целесообразно дополнить статью 322 ГК РФ либо Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» [8] правилом, при котором суд вправе привлечь продавца и третьего лица к солидарной ответственности, в случае установления ряда условий, например посредничества продавца или осуществления подбора контрагента в условиях, когда потребитель был ограничен свободе выбора.

Сама «связанность договоров» в свою очередь не может являться достаточным признаком для применения солидарной обязанности, однако возникает ряд правовых эффектов, при которых данная взаимосвязь, в целях защиты прав потребителей, может в некоторых случаях являться основанием для возложения солидарно долга на контрагентов потребителя. В связи с этим необходимо на законодательном уровне закрепить критерии, позволяющие судам единообразно квалифицировать возникшие правоотношения, при которых основной договор купли-продажи будет считаться взаимосвязанным с сопутствующими услугами, например, время и место заключения договоров, воздействие сопутствующего договора на расчёт цены основного и участие в сделке представителя продавца.

В случае предоставления потребителем фактов о роли продавца, (заключение договора с третьим лицом в помещении продавца, получение информации о контрагенте от продавца, отсутствие альтернативных вариантов) последнему необходимо доказывать, что он не выступал посредником в правовых отношениях с третьим лицом, что снизит доказательственную нагрузку на потребителя как на экономически более слабую сторону и будет способствовать эффективной защите его прав.

В свою очередь на суд, как на ключевой элемент гражданского процесса, должна быть возложена обязанность по проверке договоров на их взаимосвязанность и в случае установления таких признаков, привлечению контрагента в качестве солидарного должника, даже если истец потребитель не заявил соответствующее требование. Ранее Конституционный суд уже указывал на наличие у суда таких полномочий, однако их систематизация и чёткое закрепление необходимы для обеспечения единообразия.

Привлечение продавца и третьего лица к солидарной ответственности является эффективным механизмом для обеспечения и защиты прав потребителей, который направлен как на восстановление нарушенных прав потребителей, так и на их предупреждение. Его применение обусловлено экономическим неравенством сторон в потребительских правоотношениях в которой покупатель, выступая слабой стороной, лишён возможности влиять на условия договоров и контролировать действия контрагентов.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что принцип относительности обязательств, при котором ответственность каждого участника ограничивается рамками заключённого им договора, не обеспечивает потребителю достаточной защиты из-за того, что продавец, предусматривающий обязательное заключение иных договоров на приобретение товаров (работ, услуг) для покупки автомобиля со скидкой с недопустимыми условиями, ущемляющими права потребителя, избегает неблагоприятных имущественных последствий даже в тех случаях, когда суд установил недобросовестность в его действиях.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.04.2026 № 25-П имеет существенное

[2] Автор отмечает, что теория множественности лиц на стороне должника является господствующей в современной отечественной доктрине и прямо закреплена в абз. первом п. 1 ст. 308 ГК РФ. Вместе с тем она является результатом усеченного заимствования теории разделения обязательств на кореальные и солидарные, противоречит принципам автономии воли и относительности обязательств и не выдерживается последовательно самим Кодексом.

значение для юридической сферы, ориентирует суды на необходимость проверки реальной роли продавца в навязывании дополнительных услуг, а не на формально-юридическую оценку его статуса в договоре. Однако конституционно-правовое толкование не заменяет нормативного закрепления, что сохраняет риск неоднозначного применения соответствующих положений судами.

Реализация предложений по совершенствованию позволит устранить правовую неопределённость, повысить эффективность защиты прав потребителей и стимулировать продавцов к ответственному подбору контрагентов, что будет способствовать соблюдению конституционного принципа равенства в сфере экономической деятельности.

Литература:

1. Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. — М.: Статут, 2012. — С. 302–364.
2. Тололаева Н. В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция: монография / Н. В. Тололаева. — Москва: Статут, 2020. — 144 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 15. – Ст. 2748.
5. Поручение Председателя Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкина о проведении процессуальной проверки по факту обмана потребителей в автосалоне Краснодарского края (по материалам телесюжета о навязывании ненужных услуг): новость от 06.08.2024 // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: https://sledcom.ru/news/item/1905895/ (дата обращения: 27.09.2026)
6. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2026. – № 17. – Ст. 2911.
7. УИД 77RS0019-02-2024-016319-86 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 140.

Защита прав детей в вопросе опеки и в спорах о месте жительства ребенка после развода родителей: пробелы и противоречия в правоприменении

Гусева Катерина Дмитриевна, студент
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматривается вопрос защиты прав детей в части определения места жительства, а также соглашения между родителями о том, с кем будет проживать ребенок после развода. Особое внимание уделено вопросам совершенствования законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: *соглашение, совместная опека, интересы ребенка, психолого-педагогическая экспертиза, семейное право.*

Protection of children's rights in the issue of custody and in disputes about the child's place of residence after the parents' divorce: gaps and contradictions in law enforcement

Guseva Katerina Dmitriyevna, student
North-West Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (St. Petersburg)

The article examines the issue of protecting children's rights in matters related to determining their place of residence and agreements between parents, which helps to clarify who the child will live with. Additionally, attention is paid to improving legislation in this area.

Keywords: *agreement, joint custody, the child's interests, psychological and pedagogical expertise, family law.*

Вопрос об определении места жительства ребенка при разводе родителей в современном мире является довольно острой проблемой. Сам по себе развод очень часто становится для обеих сторон стрессовой ситуацией. К этому прибавляется негатив, который супруги начинают испытывать друг другу, что выливается в конфликты. Участниками этого процесса оказываются и дети, которые появились у пары за период брака.

Даже взрослым бывает довольно сложно справляться со стрессом; для неокрепшей психики детей это еще труднее. Нередко из-за развода родителей дети замыкаются в себе, у них возникает чувство, что их бросили, что они какие-то не такие, что это они во всем виноваты. Каждый из родителей в процессе развода зачастую пытается перетянуть ребенка на свою сторону, чтобы тот захотел остаться жить с ним. Ребенок не всегда может понять, что те или иные действия родителя могут ему вредить [1].

Основы защиты прав детей в вопросах определения места жительства обеспечиваются положениями Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) [5], в частности п. 3 ст. 65 СК РФ, а также разъяснениями, данными в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27.05.1998 № 10 [6]. Законодатель устанавливает приоритет интересов несовершеннолетнего: при недостижении родителями компромисса решение принимает суд. При этом мнение ребенка, достигшего возраста 10 лет, учитывается в обязательном порядке, если это не идет вразрез с его благополучием.

Тем не менее правоприменительная практика демонстрирует наличие существенных сложностей. Выявленные на практике коллизии и пробелы в законодательстве существенно ограничивают возможности эффективной защиты прав детей. Решить данную проблему можно только путем внесения в законодательство специальных норм.

Опишем ряд предложений по совершенствованию законодательства. Например, можно было бы добавить в СК РФ статью, в которой закреплялись бы определение совместной опеки и основные ее аспекты, был четко описан индивидуальный график проживания ребенка с каждым из родителей, поскольку на сегодняшний день ст. 65 СК РФ всего лишь указывает на то, что родители при отсутствии конфликта устанавливают место жительства ребенка путем соглашения, а в ином случае данный вопрос решается через суд. И хотя в марте 2026 г. был опубликован законопроект, предусматривающий внесение соответствующих изменений в Семейный кодекс, а также дополнение ст. 65.1 в части регулирования совместного воспитания детей после развода, на данный момент этот законопроект прошел лишь первое чтение [3]. Необходимой представляется разработка специальной программы, которая позволяла бы подготовить ребенка к разводу, привлечь психологов для проведения бесед с детьми и родителями. Такая программа могла бы помочь детям сохранить эмоциональную стабильность.

В России место жительства ребенка определяется исходя из соглашения родителей или через суд. Перед привлечением несовершеннолетнего к участию в судебном процессе необходимо получить заключение органов опеки и попечительства о допустимости такого участия, чтобы исключить риск негативного воздействия. Предварительное обследование ребенка должно проводиться с учетом его возрастных и индивидуальных особенностей в присутствии педагогов и в отсутствие родителей. Это необходимо для того, чтобы исключить внешнее давление и убедиться в самостоятельности позиции ребенка, а также в его способности осознавать и аргументировать свои интересы.

Необходимо сделать акцент на том, что мнение ребенка не является для суда безусловным и определяющим фактором. Суд обязан критически оценивать позицию несовершеннолетнего, отделяя его истинные интересы от сиюминутных желаний, продиктованных, например, отсутствием дисциплины у одного из родителей. Приоритетом для суда всегда остается обеспечение безопасности, здоровья, права на образование, а также защита ребенка от любого вида насилия.

Определение места жительства является одним из важных моментов при решении вопроса об опеке над детьми, так как существуют два вида опеки: единоличная и совместная. От вида опеки зависит и место жительства ребенка. В первом случае он остается жить с одним из родителей, при этом у второго сохраняется право на общение с ребенком, а также на участие в принятии важных решений. Для общения с ребенком второму родителю назначается график встреч. Если же говорить о совместной опеке, стоит отметить, что такой формат распространен в зарубежных странах, где хорошо себя проявил и прижился, однако в законодательстве Российской Федерации данный термин не закреплен, а подобная практика еще не распространена так, как за рубежом. Несмотря на это, родители вправе использовать данный вариант опеки, заключив соглашение, в котором будет решен вопрос о воспитании ребенка, а также описано, с кем он будет проживать и когда.

Итак, на сегодняшний день определение совместной опеки не закреплено в СК РФ. При этом в ст. 65 СК РФ указано, что родители могут заключить соглашение, в котором укажут место жительства ребенка. Данный документ не имеет ограничений и может содержать любые условия, если они не нарушают прав детей и родителей. В практике заключение такого соглашения встречается редко, поскольку, как правило, существуют вопросы, по которым родители не могут прийти к единому мнению. В связи с этим суд довольно часто самостоятельно устанавливает, с кем будет жить ребенок, а также определяет режим общения с ним.

Мир меняется, и вместе с ним трансформируются гендерные роли: сегодня отцы все чаще отстаивают свое право на полноценное участие в воспитании детей. Мужчины стремятся быть вовлеченными родителями, не ограничиваясь проведением времени с ребенком только по выходным [2]. В связи с этим все чаще обсуждается концепция совместной опеки. Несмотря на то что за рубежом эта практика зарекомендовала себя успешно, в России она воспринимается неоднозначно: многие отечественные эксперты относятся к ней с осторожностью, опасаясь, что постоянная смена места жительства и разница в воспитательных подходах родителей могут негативно сказаться на

психологическом состоянии ребенка и создать для него лишний стресс.

Процедура расторжения соглашения о том, с кем будет проживать ребенок и каким образом он будет общаться с каждым из родителей после развода, сопряжена с определенными трудностями, особенно если одна из сторон систематически нарушает его условия. В подобных случаях закон предусматривает два пути: заключение нового нотариально заверенного соглашения или обращение в суд для аннулирования текущего при наличии веских оснований.

Тем не менее совместная опека остается жизнеспособным и эффективным решением. Практика показывает, что такой подход имеет ряд существенных преимуществ. Главное из них — сохранение полноценных отношений ребенка с обоими родителями после развода. Совместная опека помогает ребенку избежать чувства, что его бросили; это благоприятно сказывается на его психологическом состоянии и эмоциональном благополучии.

На практике все вышеописанное вызывает немалое количество сложностей. Анализ судебной практики показывает, что средства доказывания используются не в полной мере. В частности, необоснованный отказ от назначения психолого-педагогической экспертизы затрудняет объективное установление обстоятельств, имеющих значение для дела [4]. Кроме того, действующее законодательство не содержит механизмов, стимулирующих родителей к досудебному урегулированию споров о месте жительства ребенка и графике общения с ним.

Отдельного внимания требует проблема учета мнения несовершеннолетнего: зачастую оно является результатом родительского внушения, а не самостоятельной позицией. Для выявления истинного волеизъявления ребенка необходима профессиональная психологическая работа в условиях, исключающих внешнее давление.

Чтобы решить данные проблемы, необходимо на уровне Пленума Верховного суда РФ законодательно зафиксировать исчерпывающий круг обстоятельств, подлежащих обязательному доказыванию в делах об определении места жительства детей. Необходимо детально урегулировать процедуру и критерии назначения судебно-психологической экспертизы в ситуациях, характеризующихся высоким уровнем родительского конфликта. Также особого внимания требует стимулирование развития института медиации как эффективного инструмента внесудебного урегулирования семейных споров.

Система защиты прав ребенка в вопросе его опеки и определения места жительства работает, но имеет свои пробелы; также ее эффективность зависит от того, насколько хорошо выстроено взаимодействие всех участников процесса. Приоритетной задачей является исключение возможности использования ребенка в качестве инструмента в родительском противостоянии. Любые принимаемые решения должны базироваться исключительно на принципе соблюдения интересов ребенка. В связи с этим критически важно, чтобы участники процесса — родители, судебные инстанции и органы опеки — руководствовались объективными фактами, исключая влияние эмоциональных факторов.

Система требует внесения коррективов. Особое внимание следует обратить на соблюдение интересов ребенка с целью сделать все необходимое, чтобы при участии в подобных делах его психика и эмоциональное состояние не пострадали.

Литература:

1. Кузьминова, Т. С. Определение места жительства ребенка — важный инструмент защиты прав // Адвокатская газета. — 2025. — 30 мая. — URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/opredelenie-mesta-zhitelstva-rebenka-vazhnyy-instrument-zashchity-prav/?ysclid=mumgcakz7j600124612 (дата обращения: 29.09.2026).
2. Зарипова, Е. Совместная опека после развода: как заключить соглашение и что учесть. — URL: https://journal.sovcombank.ru/semya/sovmestnaya-opeka-posle-razvoda-kak-zaklyuchit-soglashenie-i-chto-uchest?ysclid=mwryvi531569884084 (дата обращения: 29.09.2026).
3. Новикова, Д. Л. Совместное воспитание детей после развода родителей // Адвокатская газета. — 2026. — 14 апр. — URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/sovmestnoe-vospitanie-detey-posle-razvoda-roditeley/?ysclid=mumgac6ggs231497045 (дата обращения: 29.09.2026).
4. Жигало, А. В. Определение места жительства ребенка в судебной практике: проблемы правового регулирования и правоприменения / А. В. Жигало, А. А. Мирсагатова, М. М. Фрадкина // Молодой ученый. — 2026. — № 23 (626). — С. 429–433.
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16. — URL: https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=100000&volume=1001996001000&page=1&sort=position&limit=50&nd=1879&volid=1001996001000
6. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (ред. от 26.12.2017) // Российская газета. —1998. — 10 июня.

Перспективы развития организационно-правовых форм предпринимательской деятельности в РФ

Давыдова Наталия Олеговна, студент магистратуры
Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове

В последние десятилетия Россия переживает динамичные изменения в области предпринимательства. Организационно-правовые формы (ОПФ) бизнеса становятся разнообразными, что открывает новые возможности для экономического роста и адаптации к современным реалиям.

Данная статья предлагает анализ существующих ОПФ, их преимуществ и недостатков, а также рассматривает перспективы их развития в России.

Важно отметить, что в современной России предпринимательство продолжает развиваться. По состоянию на 1 января 2026 года, общее количество индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств превысило 4,5 миллиона, а число юридических лиц достигло 3,2 миллиона [1]. Данные цифры не просто отражают масштабы деловой активности, но и подчеркивают критическую важность понимания организационно-правовых форм (ОПФ) как основы любого бизнеса. Выбор ОПФ — это не просто формальность, а стратегическое решение, которое может определять степень ответственности, налоговую нагрузку, возможности привлечения инвестиций, структуру управления и потенциал для роста. В условиях динамично меняющихся экономических реалий, усиления геополитического давления и постоянного изменения законодательства, анализ ОПФ становится незаменимым инструментом для любого, кто стремится к успешному предпринимательству в России.

Итак, организационно-правовая форма — это законодательно закрепленная система организации и функционирования юридического лица, а также форма осуществления предпринимательской деятельности физическим лицом [2]. Она задает рамки, в которых действует субъект экономики, диктуя правила взаимодействия с государством, партнерами, сотрудниками и потребителями. Правильный выбор ОПФ позволяет оптимизировать бизнес-процессы, минимизировать риски и эффективно использовать доступные ресурсы, а также меры государственной поддержки. Недооценка важности этого выбора может привести к неоправданным финансовым потерям, юридическим коллизиям и административным барьерам. Геополитические изменения, санкционное давление и необходимость перестройки экономических связей ставят перед бизнесом новые задачи, требуя гибкости и адаптивности. В этих условиях законодательство постоянно корректируется, появляются новые регуляторные механизмы, а существующие формы могут приобретать иное значение.

Анализ актуальной статистики позволяет не только понять текущее состояние, но и выявить важные тенденции в развитии организационно-правовых форм в российской экономике. Данные Федеральной налоговой службы (ФНС) и Росстата по состоянию на 1 января 2026 года дают четкую картину распределения и динамики различных ОПФ.

Таким образом, индивидуальные предприниматели (ИП) и крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ)- общее количество составило 4 555 364 лиц. Юридические лица: общее количество — 3 232 477 организаций [1]. Эти цифры наглядно демонстрируют, что в современной России индивидуальные предприниматели численно преобладают над юридическими лицами, подчеркивая значимость сектора малого бизнеса и самозанятости.

Среди коммерческих юридических лиц структура выглядит следующим образом- Общества с ограниченной ответственностью (ООО): 2 544 116 ед. [1]. Это составляет более 78 % от общего числа юридических лиц и почти 97 % от всех хозяйственных обществ. Это подтверждает статус ООО как наиболее универсальной и популярной формы для ведения бизнеса.

Акционерные общества (АО): количество АО составило 52 671 [1]. Из них 843 относятся к публичным акционерным обществам (ПАО), что указывает на относительно небольшое число компаний, использующих эту форму для открытого привлечения капитала на фондовом рынке. Остальные являются непубличными акционерными обществами (НАО), предпочтительными для более закрытой структуры собственности.

Наиболее интересным является анализ динамики. 2025 год продемонстрировал следующие тенденции: рост числа ИП- количество зарегистрированных индивидуальных предпринимателей выросло почти на 7 % в годовом выражении, превысив 4,5 млн человек [1]. Этот значительный рост свидетельствует о продолжающейся тенденции к развитию самозанятости, микробизнеса, а также о предпочтении этой формы в условиях экономической нестабильности из-за ее простоты и гибкости. Рост числа юридических лиц на 0,36 %, что может указывать на насыщение рынка крупными и средними компаниями, более осторожное отношение к созданию сложных корпоративных структур или на тенденцию к консолидации существующего бизнеса.

Таким образом, можно сделать вывод, что наблюдаемая динамика отражает несколько ключевых тенденций:

1) Приоритет простоты и гибкости. Значительный рост числа ИП подтверждает, что в условиях быстро меняющейся экономической среды предприниматели часто выбирают формы, которые обеспечивают минимальные административные барьеры и максимальную оперативность в принятии решений;

2) преобладание ООО — несмотря на медленный общий рост числа юридических лиц, ООО сохраняют свое абсолютное лидерство, оставаясь наиболее удобной ОПФ для большинства видов бизнеса, где требуется ограниченная ответственность;

3) стабильность крупных форм — относительно небольшое количество АО и их медленный рост свидетельствуют о том, что эта форма остается уделом крупных, капиталоемки предприятий, где потребности в публичном привлечении капитала или сложной структуре собственности оправдывают высокие издержки на содержание и регулирование;

4) сдвиг в сторону малого и микробизнеса — общая динамика указывает на то, что прирост предпринимательской активности в большей степени происходит за счет сектора малого и микробизнеса, представленного в основном ИП, а не за счет создания новых крупных юридических лиц.

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что структура и динамика ОПФ в современной России демонстрируют адаптацию к текущим экономическим условиям, где простота, гибкость и минимизация рисков становятся ключевыми факторами выбора формы ведения бизнеса. Это также подчеркивает, что государственная политика, направленная на поддержку малого предпринимательства, находит свое отражение в реальной структуре экономики.

Будущее организационно-правовых форм в Российской Федерации будет определяться сочетанием внутренних экономических стратегий и глобальных трендов. Можно ожидать как эволюционных изменений в существующих ОПФ, так и появление новых моделей, а также усиление роли гибридных форм [3].

На основе анализа современных тенденций развития экономики, можно выделить следующие перспективы развития ОПФ в России [4]:

1) усиление роли ИП и самозанятости — тенденция роста числа индивидуальных предпринимателей и самозанятых, вероятно, сохранится. Это связано с гибкостью, низкими административными барьерами и возможностями для развития цифровых сервисов и фриланса. Возможно дальнейшее упрощение режимов для ИП, расширение возможностей для их взаимодействия с крупным бизнесом (например, через платформенные решения). Не исключено появление промежуточных форм, объединяющих преимущества ИП с некоторыми элементами ограниченной ответственности, особенно для малых команд или стартапов;

2) преобразование ООО в сторону большей гибкости. Предполагается, что ООО останется доминирующей формой, но может претерпеть изменения в сторону большей гибкости в корпоративном управлении и возможностях привлечения капитала. Возможно появление упрощенных ООО для инновационных стартапов, с особыми условиями для формирования уставного капитала, возможностью «стартап-опционов» для сотрудников и более гибкими правилами выхода инвесторов. Теоретически, в условиях развития цифровой экономики, могут появиться механизмы выпуска цифровых долей для ООО, что упростит привлечение микроинвестиций и распределение прибыли. Могут быть введены новые механизмы для упрощенного привлечения инвестиций в ООО, например, через краудинвестинговые платформы;

3) стабилизация и специализация АО — количество АО, вероятнее всего, не будет расти значительно, но их роль в крупном бизнесе и привлечении долгосрочного капитала скорее всего сохранится. Усиление корпоративного управления — будет сделан акцент на прозрачность, защиту прав акционеров, использование лучших практик ESG (Environmental, Social, and Governance). Предполагается, что произойдёт развитие цифровых финансовых активов (ЦФА), что может привести к цифровизации акций и упрощению их обращения, при этом делая АО более доступными для инвесторов.

4) развитие гибридных форм и кооперации: в условиях необходимости консолидации усилий и ресурсов, а также реализации крупных проектов, возможно увеличиться интерес к гибридным формам, объединяющим преимущества нескольких ОПФ. В контексте импортозамещения и развития агропромышленного комплекса, производственные кооперативы могут получить новый импульс развития, предлагая эффективную модель для объединения ресурсов и труда. Необходимо развитие законодательства, позволяющего создавать более гибкие формы партнерства между ИП и юридическими лицами, с четким распределением ответственности и прибыли.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что перспективы развития ОПФ в России связаны с динамичным ответом на экономические и геополитические вызовы. Государственные стратегии, вероятнее всего, будут направлены на поддержку инноваций и обеспечение финансовой устойчивости, что, возможно, приведет к большей гибкости существующих форм и, возможно, появлению новых, более адаптированных к цифровой экономике и специфике отечественного рынка.

Литература:

1. Федеральная служба государственной статистики, Институциональные преобразования в экономике. — [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. — URL: rosstat.gov.ru (дата обращения: 18.10.2026). — Текст: электронный.
2. Семёнов В. М. Экономика предприятия: Учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. //– М.: Центр экономики и маркетинга, 2008. — 312 с.

3. Афанасьева О. Н., Дживархян Р. С. Организационно правовые формы предпринимательской деятельности в РФ // Экономика и парадигма нового времени. — 2025 № 2 (35).
4. Орехова А. О. Проблемы и перспективы развития предпринимательства в России // Экономика и управление, 2025. № 5.

Критерии индивидуализации размера судебного штрафа: проблемы теории и судебной практики

Дегтярева Александра Николаевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье на основе анализа законодательства, судебной практики и доктрины исследуются проблемы определения размера судебного штрафа, связанные с отсутствием минимального предела взыскания, формальным подходом судов к оценке имущественного положения лица и исчислением штрафа при совокупности преступлений. По итогам исследования формулируются предложения по совершенствованию норм ст. 104.5 УК РФ в целях обеспечения принципов справедливости и индивидуализации уголовно-правового воздействия.

Ключевые слова: *судебный штраф, освобождение от уголовной ответственности, иные меры уголовно-правового характера, размер судебного штрафа, индивидуализация.*

Институт освобождения от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа позволяет разрешить уголовно-правовой конфликт в отношении лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести и возместившего причиненный вред, без вынесения обвинительного приговора. Вместе с тем эффективность прекращения уголовного дела по ст. 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее — УПК РФ) напрямую зависит от обоснованности определяемого судом размера денежного взыскания. В соответствии с ч. 1 ст. 104.5 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] (далее — УК РФ) размер судебного штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, а в случае, если штраф не предусмотрен санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ, размер судебного штрафа не может быть более двухсот пятидесяти тысяч рублей.

Как обоснованно указывают в своем исследовании Л. В. Красуцких и И. М. Беляева, на первое место среди проблем правоприменения выдвигается вопрос определения судом конкретного размера судебного штрафа, поскольку законом в ст. 104.5 УК РФ определен лишь его максимальный предел, тогда как минимальный размер взыскания не установлен. Авторы отмечают наличие в доктрине позиции о необходимости при определении минимального порога судебного штрафа отталкиваться от правил установления минимального размера штрафа как вида уголовного наказания, а также выделяют проблему отсутствия в ст. 104.5 УК РФ прямых правил назначения судебного штрафа при совокупности преступлений, доказывая, что единственно верным подходом является назначение и исполнение судебного штрафа за каждое входящее в совокупность преступление отдельно [3, с. 18–19]. В свою очередь, С. П. Андреев рассматривает проблему отсутствия минимального предела в ст. 104.5 УК РФ и четкой градации взыскания через призму реализации уголовно-правового принципа справедливости, указывая на необходимость соразмерности суммы судебного штрафа характеру и степени общественной опасности деяния [4, с. 29–30].

В действующем уголовном законе индивидуализация рассматриваемой меры опирается на положения ч. 2 ст. 104.5 УК РФ, согласно которой размер судебного штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи, а также с учетом возможности получения указанным лицом заработной платы или иного дохода, что подтверждается также п. 8 Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г. [5].

Однако анализ конкретных судебных постановлений свидетельствует о том, что на практике суды первой инстанции зачастую подходят к мотивировке размера судебного штрафа формально, ограничиваясь дословным воспроизведением формулировок ч. 2 ст. 104.5 УК РФ без реального сопоставления объема причиненного вреда и имущественной состоятельности обвиняемого. Ярким примером являются два постановления о прекращении уголовных дел по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в которых суды назначили идентичный судебный штраф в размере 10 000 рублей при существенно различающихся фактических обстоятельствах.

Так, постановлением Октябрьского районного суда г. Иркутска от 25 июля 2019 г. по делу № 1–459/2019 было

прекращено уголовное дело в отношении официально не трудоустроенного, состоящего в браке обвиняемого, который тайно похитил на детской площадке мобильный телефон «Samsung G 960 Galaxy S9» стоимостью 52 500 рублей. В ходе предварительного следствия похищенный телефон был возвращен потерпевшей. Определяя размер судебного штрафа в сумме 10 000 рублей, суд не привел в постановлении никаких конкретных сведений об источниках дохода нетрудоустроенного обвиняемого или имущественном положении его семьи, ограничившись общим указанием на учет тяжести преступления, размера причиненного ущерба и «способности оплатить штраф из имеющихся денежных средств» [6].

Аналогичный по размеру судебный штраф был назначен постановлением Воркутинского городского суда Республики Коми от 8 декабря 2025 г. по делу № 1–407/2025. Между тем фактическая степень общественной опасности содеянного и данные о личности обвиняемого в данном деле принципиально отличались от предыдущего примера, так как предметом кражи явился оставленный в магазине «Пятерочка» мобильный телефон «Infinix» стоимостью 10 000 рублей, обвиняемый оформил явку с повинной, добровольно выдал телефон следователю, принес потерпевшему извинения и дополнительно перечислил ему 3 000 рублей в счет заглаживания вреда. Более того, в постановлении зафиксировано, что обвиняемый страдает тяжелыми хроническими заболеваниями и перенес инсульт, в связи с чем официально не трудоустроен [7]. Несмотря на это, суд назначил штраф, равный полной стоимости похищенного имущества. Сопоставление данных судебных актов демонстрирует, что отсутствие в ст. 104.5 УК РФ четких критериев дифференциации и обязанности суда мотивировать расчет взыскания приводит к уравнительному подходу, при котором лицам при разных обстоятельствах применяют одинаковую по размеру меру уголовно-правового характера.

Также правоприменительные проблемы возникают при определении размера судебного штрафа по делам о совокупности преступлений, что наглядно иллюстрирует постановление Вуктыльского городского суда Республики Коми от 16 июля 2024 г. по делу № 1–35/2024. По данному делу подсудимая, работавшая продавцом в магазине индивидуального предпринимателя, состоящая в браке и имеющая на иждивении малолетнего ребенка, обвинялась в двух эпизодах хищения, квалифицированных судом по ч. 1 ст. 159 и ч. 2 ст. 160 УК РФ. Установив, что подсудимая полностью возместила общий ущерб и принесла извинения, суд прекратил уголовное дело по ст. 25.1 УПК РФ. При этом суд указал в постановлении, что «поскольку по смыслу закона судебный штраф не является наказанием, назначаемым за конкретное преступление, а представляет собой меру уголовно-правового характера, применяемую к лицу, освобождаемому от уголовной ответственности, суд полагает необходимым назначить подсудимой по фактам совершенных преступлений одну единую меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа», и определил единый размер взыскания в сумме 45 000 рублей со сроком уплаты в течение 60 дней [8].

Данное судебное решение выявляет два дефекта правоприменения. Во-первых, назначение «единого» судебного штрафа противоречит доктринальному подходу о его раздельном исчислении за каждое деяние и не позволяет проверить соблюдение верхнего предела согласно ч. 1 ст. 104.5 УК РФ по каждому составу. Во-вторых, суд ограничился формальной отсылкой к ч. 2 ст. 104.5 УК РФ, не отразив в постановлении ни уровень заработка подсудимой, ни расходы на содержание малолетнего ребенка.

Реальная исполнимость определяемой судом суммы судебного штрафа имеет решающее значение на стадии исполнения судебного акта. Как отмечает в своем исследовании С. А. Корнеев, правоприменительная практика характеризуется низкой реализацией судебного штрафа, обусловленной высокой долей неисполнения судебных решений по его уплате и отсутствием положительной динамики в данном направлении, при этом неуплата судебного штрафа в силу ч. 2 ст. 104.4 УК РФ подразумевает его отмену и привлечение лица к уголовной ответственности [9, с. 252–253]. Следовательно, немотивированное определение судом размера судебного штрафа без исследования конкретных доходов, состояния здоровья и семейных обязательств виновного создает прямой риск неисполнения судебного решения и утраты поощрительного смысла ст. 76.2 УК РФ.

Таким образом, в целях обеспечения принципа справедливости и единообразия судебной практики представляется необходимым внести изменения в ст. 104.5 УК РФ. Во-первых, закрепить в ч. 1 ст. 104.5 УК РФ минимальный предел судебного штрафа. Во-вторых, дополнить ст. 104.5 УК РФ положением о раздельном определении и исполнении судебного штрафа за каждое преступление, входящее в совокупность, с возложением на суд обязанности мотивировать расчет конкретной суммы взыскания в постановлении на основе исследованных данных о доходах и имущественных обязательствах лица.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Красуцких Л. В., Беляева И. М. Некоторые проблемы применения судебного штрафа // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». — 2022. — Т. 22. — № 2. — С. 17–22.

4. Андреев С. П. Обеспечение принципа справедливости при определении суммы судебного штрафа // Журнал правовых и экономических исследований. — 2021. — № 1. — С. 28–31.
5. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ): утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 10.07.2019 г. // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. — 2019. — № 12.
6. Постановление Октябрьского районного суда г. Иркутска от 25 июля 2019 г. по делу № 1–459/2019. — Текст: электронный // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/lIGG3zmSdZVw/ (дата обращения: 18.10.2026).
7. Постановление Воркутинского городского суда Республики Коми от 8 декабря 2025 г. по делу № 1–407/2025. — Текст: электронный // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/LFhvxPgnKNHH/ (дата обращения: 20.10.2026).
8. Постановление Вуктыльского городского суда Республики Коми от 16 июля 2024 г. по делу № 1–35/2024. — Текст: электронный // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/CLj4doGvPk1x/ (дата обращения: 22.10.2026).
9. Корнеев С. А. Уголовно-правовые последствия неуплаты судебного штрафа // Вестник Томского государственного университета. — 2024. — № 508. — С. 250–257.

Правовые проблемы построения и функционирования государственных и муниципальных информационных систем

Джахшан Мери Джамал, студент
Научный руководитель: Приймак Елена Николаевна, кандидат психологических наук, доцент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматриваются правовые проблемы создания и эксплуатации государственных и муниципальных информационных систем. Анализируются распределение обязанностей участников, межведомственный обмен и исправление недостоверных сведений. Предлагается конкретизировать ответственность за качество данных и порядок взаимодействия при технических сбоях с учетом защиты прав граждан.

Ключевые слова: *государственные информационные системы, муниципальные информационные системы, межведомственное взаимодействие, персональные данные, правовое регулирование.*

При предоставлении публичных услуг и ведении реестров сведения из информационных систем становятся основанием решений, затрагивающих права граждан. Поэтому правовое значение имеет не только доступность электронного сервиса, но и порядок формирования данных, их передачи и исправления. М. В. Алексеева, И. А. Подройкина и С. В. Рыбак связывают развитие цифрового управления с надежностью сервисов, защитой информации и открытостью взаимодействия с населением [4, с. 528]. Применительно к государственным и муниципальным системам это требует согласовать техническое устройство с компетенцией органов и гарантиями пользователей.

Статья 13 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ разграничивает государственные, муниципальные и иные информационные системы; муниципальные создаются на основании решений органов местного самоуправления [1]. При этом закон отдельно выделяет иные информационные системы государственных органов, предназначенные для внутреннего обеспечения их деятельности. Следовательно, принадлежность ресурса органу власти еще не определяет его правовой режим. В акте о создании системы необходимо раскрывать ее назначение и связь с конкретными полномочиями, поскольку техническое задание само по себе не может устанавливать новые обязанности граждан или основания отказа в реализации их прав.

На муниципальном уровне эта проблема связана с распределением регулирующих полномочий и возможностью объединять сведения разных территорий. С. Е. Чаннов обращает внимание на необходимость согласования муниципальных систем между собой и с региональными ресурсами [6, с. 54]. При оценке предложений исследователя необходимо учитывать, что часть 5 статьи 13 Закона № 149-ФЗ прямо допускает установление особенностей эксплуатации муниципальными правовыми актами. Поэтому первоочередной задачей представляется конкретизация содержания такого регулирования. В решении о создании системы целесообразно определять оператора, поставщиков сведений и порядок их обновления, разграничивая техническое обслуживание и ответственность за достоверность записей. Если эти функции распределены

между администрацией, учреждением и подрядчиком без понятного порядка взаимодействия, исправление ошибки может зависеть от согласования их действий, тогда как гражданин не должен самостоятельно устанавливать, на каком этапе возникло нарушение. Муниципальный акт должен определять орган, принимающий обращение, и порядок его взаимодействия с ответственным за исходную запись, сохраняя предусмотренные федеральным законом способы защиты.

Назначение ответственного органа не означает возложения на него всех технических функций. Его обязанность состоит в организации рассмотрения обращения и взаимодействия участников системы, чтобы распределение работ между ними не препятствовало исправлению недостоверных сведений. Такое разграничение позволяет оценивать исполнение публичной обязанности независимо от условий договора с подрядчиком.

Проблемы обмена данными имеют и отраслевое выражение. М. В. Алексеева и Ю. И. Исакова, рассматривая цифровую трансформацию управления угольной промышленностью, отмечают возможности информационных технологий для повышения эффективности и безопасности производственных процессов [5, с. 56]. Этот вывод показывает значение согласования цифровых решений с задачами управления, однако сам по себе не обосновывает свободное объединение ведомственных ресурсов. Для публичной системы необходимо установить, какие сведения действительно требуются для осуществления полномочия, кто вправе их получать и как проверяется актуальность. Совместимость программных средств обеспечивает передачу информации, но не создает правового основания для ее использования вне установленной цели.

При предоставлении услуг последствия несогласованности систем должны оцениваться с учетом Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ. Статья 7 ограничивает истребование у заявителя сведений, которыми уже располагают участвующие органы, с предусмотренными законом исключениями, а часть 6 статьи 7.1 запрещает отказывать в услуге из-за непредставления информации по межведомственному запросу [3]. Следовательно, техническая несовместимость или задержка ответа не могут автоматически переносить обязанность по получению таких сведений на гражданина. Представляется целесообразным закреплять в регламентах систем порядок фиксации сбоя и действий ответственных органов по восстановлению обмена. Уведомление заявителя должно объяснять, какое обстоятельство препятствует завершению процедуры, а не ограничиваться сообщением о технической ошибке.

Объединение ресурсов одновременно повышает значение целевого использования персональных данных. Статьи 5 и 14 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ предусматривают соответствие обработки установленным целям и право требовать уточнения неполных, устаревших или неточных сведений [2]. Поэтому предоставление доступа следует связывать с конкретным полномочием пользователя, исключая избыточное получение информации лишь вследствие ее технической доступности. Для связанных систем целесообразно предусматривать передачу подтвержденного исправления тем участникам, которые получили ошибочную запись на законном основании. Иначе устранение неточности в исходном реестре не предотвращает ее дальнейшего использования при принятии других решений, что снижает практическое значение права на исправление данных.

Совершенствование правового режима государственных и муниципальных информационных систем предполагает согласование полномочий участников с порядком движения и исправления сведений. При разработке регулирующих актов необходимо конкретизировать ответственность за исходную запись, пределы доступа и действия при нарушении обмена, не подменяя эти вопросы техническим описанием сервиса. Такая организация позволяет сохранить преимущества цифрового взаимодействия и обеспечить проверяемость решений, для которых сведения системы служат юридически значимым основанием. Критерием результативности становится возможность получить законную услугу и восстановить нарушенное право независимо от внутреннего распределения функций между участниками информационного обмена.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 26.06.2026, с изм., вступ. в силу с 01.09.2026) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 26.07.2026) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.
3. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 04.08.2026, с изм., вступ. в силу с 01.11.2026) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.
4. Алексеева, М. В. Процессы цифровизации государственного управления: анализ и формирование рекомендаций по повышению эффективности / М. В. Алексеева, И. А. Подройкина, С. В. Рыбак // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2026. — Т. 30, № 3. — С. 528–547.
5. Алексеева, М. В. Цифровая трансформация как средство повышения эффективности государственного управления угольной промышленностью / М. В. Алексеева, Ю. И. Исакова // Уголь. — 2025. — № 9 (1197). — С. 56–61.

6. Чаннов, С. Е. Муниципальные информационные системы: разграничение полномочий по правовому регулированию / С. Е. Чаннов // Конституционное и муниципальное право. — 2024. — № 1. — С. 54–60.

Состояние опьянения как обстоятельство, отягчающее наказание

Днепровская Любовь Максимовна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Цель исследования состоит в определении условий, при которых состояние опьянения приобретает значение обстоятельства, отягчающего наказание, и в проверке того, как эти условия проявляются в практике по делам об убийстве, умышленном причинении тяжкого вреда здоровью и транспортных преступлениях. Использованы формально-юридический метод, сопоставление норм Общей и Особенной частей УК РФ, выборочный анализ актов Верховного Суда и Конституционного Суда РФ за 2021–2026 гг., а также открытых материалов судов и прокуратуры Забайкальского края. Статистическая часть основана на данных за 2024–2025 гг. Установлено, что сам факт опьянения недостаточен: суд должен доказать его влияние на поведение виновного и привести мотивы в приговоре.

Ключевые слова: *опьянение, отягчающие обстоятельства, назначение наказания, убийство, тяжкий вред здоровью, транспортные преступления, Забайкальский край.*

Введение

Вопрос о значении опьянения при назначении наказания кажется простым только на первом этапе. Если лицо добровольно употребило алкоголь, а затем совершило преступление, может возникнуть вывод, что это состояние всегда должно ухудшать его положение. Действующее уголовное законодательство устроено иначе. Статья 23 УК РФ сохраняет уголовную ответственность лица, находившегося в обычном физиологическом опьянении, но часть 1.1 статьи 63 УК РФ не объявляет такое состояние безусловно отягчающим. Поэтому суду недостаточно установить, что подсудимый употреблял спиртное. Нужно ответить на более трудный вопрос: повлияло ли опьянение на возникновение умысла, на уровень агрессии, выбор способа действий или продолжение уже начатого посягательства.

Гипотеза исследования состоит в том, что различие судебных решений объясняется не самим видом преступления и не степенью опьянения как таковой. Главным становится способ юридической оценки связи между состоянием лица и механизмом деяния.

Материалы и методы. В исследовании применялись формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Содержание части 1.1 статьи 63 УК РФ сопоставлялось с правилами статьи 23, части 2 статьи 63, а также с конструкциями статей 105, 111, 264 и 264.1 УК РФ. Практическую основу составили пять актов Верховного Суда РФ 2021–2026 гг., в которых вопрос об опьянении обсуждался непосредственно, три акта Конституционного Суда РФ 2022–2025 гг., обзор Верховного Суда 2024 г. и региональные сообщения о вступивших в силу или обжалованных приговорах. Статистический материал составили данные прокуратуры Забайкальского края, УМВД России по Забайкальскому краю и официального портала региона.

1. Нормативное значение части 1.1 статьи 63 УК РФ. Часть 1.1 статьи 63 УК РФ появилась в результате принятия Федерального закона от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ и вступила в силу 1 ноября 2013 года. До этого обычное опьянение не относилось в УК РФ к самостоятельным отягчающим обстоятельствам, хотя суд мог учитывать фактические обстоятельства поведения лица в пределах общих начал назначения наказания. Поправка вернула в уголовный закон специальное правило, но сформулировала его как право, а не обязанность суда. Слово «может» здесь имеет принципиальное значение.

По действующей редакции суд принимает решение с учетом характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного. Перечень веществ охватывает алкоголь, наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги, новые потенциально опасные психоактивные вещества и другие одурманивающие вещества. Однако наличие одного из этих веществ в организме не завершает юридическую оценку. Пленум Верховного Суда РФ в пункте 31 постановления № 58 прямо указывает, что само по себе совершение преступления в состоянии опьянения не образует достаточного основания; мотивы решения должны быть изложены в описательно-мотивировочной части приговора.

Отсюда следует разделение двух фактов. Первый — медицинский или фактический: лицо находилось в состоянии опьянения. Второй — уголовно-правовой: это состояние повлияло на общественную опасность совершенного и потому учитывается при назначении наказания. Они не совпадают автоматически. А. В. Курсаев обоснованно отмечает, что опьянение приобретает значение не как характеристика организма сама по себе, а через его существенную роль в происхождении преступного поведения. Такой подход лучше согласуется с принципом

справедливости, чем общая презумпция повышенной опасности любого человека, который употребил алкоголь.

Конституционный Суд РФ в определении от 28 июня 2022 г. № 1510-О рассмотрел довод о том, что часть 1.1 статьи 63 якобы допускает произвольное усмотрение. Суд не принял жалобу, указав, что норма действует во взаимосвязи с принципом справедливости, общими началами назначения наказания и требованием мотивировки. В определении от 27 декабря 2022 г. № 3521-О дополнительно подтверждено, что часть 2 статьи 63 запрещает повторно учитывать обстоятельство, которое уже является признаком состава преступления. Эти решения приняты в пределах последних пяти лет и непосредственно касаются исследуемой нормы.

2. Почему опьянение учитывается не во всех случаях. Различие судебных решений связано прежде всего с доказанностью влияния опьянения. Суд может сослаться на то, что употребление алкоголя ослабило самоконтроль, усилило агрессию, способствовало формированию умысла либо привело к продолжению насилия после того, как первоначальный конфликт уже фактически завершился. Но эти формулировки не должны превращаться в стандартный набор слов. Они имеют смысл лишь тогда, когда подтверждены обстоятельствами дела: поведением до и после преступления, характером конфликта, показаниями участников, способом причинения вреда, числом ударов, попытками скрыть содеянное.

В 2025 г. Пленум Верховного Суда уточнил доказательственный стандарт. Для преступлений, предусмотренных специальными транспортными нормами, состояние устанавливается по примечанию 2 к статье 264 УК РФ. По другим составам допустимы медицинские документы, результаты освидетельствования, показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей и иные доказательств. Таким образом, по делам об убийстве или тяжком вреде здоровью отсутствие медицинского освидетельствования само по себе не исключает признание опьянения. Но совокупность показаний должна подтверждать не только употребление алкоголя, а состояние лица в юридически значимый момент.

Опьянение не признается отягчающим, если суд лишь повторяет фабулу обвинения. Не должно учитываться и состояние, возникшее уже после окончания преступления. Другой вариант — когда поступок был заранее обдуман и вызван мотивом, который существовал независимо от употребления алкоголя. Тогда опьянение может присутствовать в фактическом описании, но не повышать общественную опасность деяния в том смысле, который требуется частью 1.1 статьи 63 УК РФ.

Значение имеет и процессуальная сторона. Суд не вправе восполнять недостаток мотивировки предположением. В обзоре 2024 г. Верховный Суд привел дело по части 4 статьи 111 УК РФ. Первая инстанция указала состояние опьянения, но не объяснила, почему оно отягчает наказание. Кассация попыталась дополнить приговор рассуждением о снижении контроля и росте агрессии. Верховный Суд признал такой подход неправильным, исключил отягчающее обстоятельство и смягчил наказание. Здесь особенно видно, почему два похожих дела могут завершиться по-разному: значение имеет не только фактическая сторона, но и то, установлена ли она судом первой инстанции и отражена ли в приговоре.

3. Применение по статьям 105 и 111 УК РФ. В статьях 105 и 111 УК РФ состояние опьянения не включено в число обязательных или квалифицирующих признаков. Поэтому формального запрета на применение части 1.1 статьи 63 здесь нет. Вместе с тем насильственный характер деяния не доказывает связь с алкоголем автоматически. Суд должен отделить влияние опьянения от уже учтенных признаков: особой жестокости, общеопасного способа, применения оружия, группового характера преступления. Иначе повышенная опасность одних и тех же действий фактически будет оценена несколько раз.

По делу Шадрина Верховный Суд в 2021 г. оставил в силе учет алкогольного опьянения при осуждении по пункту «д» части 2 статьи 105 и пункту «б» части 2 статьи 111 УК РФ. Суд первой инстанции установил, что именно это состояние повлияло на формирование преступного умысла и обусловило совершение преступлений. Здесь мотивировка была связана не с общей характеристикой алкоголя, а с происхождением умысла в конкретной ситуации.

В определении от 24 июня 2025 г. № 49-УД25–17-А4 Верховный Суд признал убедительными мотивы учета опьянения при убийстве лица, находившегося в беспомощном состоянии, совершенном с особой жестокостью путем поджога. В другом деле, рассмотренном 27 февраля 2025 г., две осужденные оспаривали влияние алкоголя на совершение группового убийства. Судебная коллегия указала, что мотивы были приведены в приговоре, и сохранила отягчающее обстоятельство. Самих слов «мотивы приведены» для научного анализа мало, поскольку опубликованный акт не воспроизводит их подробно. Но кассационная проверка показывает, что суды исходили из установленных обстоятельств, а не только из факта распития спиртного.

Более развернутая позиция содержится в определении от 15 января 2026 г. по делу Коровянской. Верховный Суд согласился, что состояние опьянения повлияло на совершение убийства двух лиц общеопасным способом и уничтожение имущества. Эта связь подтверждалась показаниями самой осужденной и доказательствами, исследованными в заседании. Дело показывает важный практический момент: признание опьянения возможно одновременно с квалифицирующими признаками статьи 105, если оно характеризует другое обстоятельство — состояние и поведение виновного, а не повторяет способ убийства.

Региональная практика дает сходный пример по статье 111 УК РФ. В 2025 г. Борзинский городской суд назначил женщине три года лишения свободы условно за удар ножом супругу. Прокуратура указала, что опьянение сняло вну-

тренний контроль и способствовало поведению после преступления, включая попытку выдвинуть ложную версию. Забайкальский краевой суд изменил приговор и назначил реальное лишение свободы, а Восьмой кассационный суд оставил решение без изменения. Довод о влиянии опьянения был одним из оснований, по которым прокуратура оспорила чрезмерно мягкое наказание.

При этом упоминание алкоголя в сообщении о преступлении нельзя автоматически считать применением части 1.1 статьи 63 УК РФ. Например, по делу об убийстве в Улетовском районе в июле 2026 г. прокуратура сообщила, что подсудимый вернулся после конфликта в состоянии опьянения и нанес потерпевшему многочисленные удары камнем, фрагментами плитки и ножом. Краевой суд усилил наказание с шести лет шести месяцев до девяти лет шести месяцев, сославшись на повышенную общественную опасность деяния и незначительный повод. Этот пример показывает, что указание на опьянение в фабуле дела еще не означает его признания отягчающим обстоятельством: для применения части 1.1 статьи 63 требуется самостоятельный мотивированный вывод суда.

4. Особый режим статьи 264 УК РФ. Для статьи 264 УК РФ вопрос решается иначе. Опьянение прямо названо в пункте «а» частей 2, 4 и 6 как квалифицирующий признак нарушения правил дорожного движения, повлекшего соответственно тяжкий вред здоровью, смерть одного человека либо смерть двух и более лиц. Пункт 2 примечаний к статье 264 устанавливает специальное понятие лица, находящегося в состоянии опьянения. К нему относится не только водитель, у которого выявлена соответствующая концентрация алкоголя либо наркотические средства, но и водитель, не выполнивший законного требования о медицинском освидетельствовании.

Если содеянное квалифицировано по пункту «а» части 2, 4 или 6 статьи 264, повторный учет опьянения в качестве отягчающего обстоятельства запрещен частью 2 статьи 63 УК РФ. То же относится к статье 264.1, где управление транспортным средством в состоянии опьянения входит в основной состав. Повышенная опасность уже выражена в более строгой санкции.

После изменений, внесенных постановлением Пленума № 40 в 2025 г., процессуальная граница стала еще яснее. Если в суде выясняется, что нарушение правил дорожного движения совершено в состоянии опьянения, но обвинение предъявлено по менее тяжкой части статьи 264, это обстоятельство нельзя просто признать отягчающим. Оно влечет более тяжкую квалификацию, поэтому дело подлежит возвращению прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ.

Региональные дела наглядно подтверждают данное различие. В феврале 2026 г. Кыринский районный суд признал женщину виновной по части 1 статьи 264.1 и пунктам «а», «в» части 2 статьи 264 УК РФ. После употребления алкоголя она управляла автомобилем, не имея права управления, допустила наезд на дерево, пассажиру был причинен тяжкий вред. Автомобиль конфискован. Опьянение в этом случае не является дополнительным отягчающим обстоятельством: оно одновременно образует признак статьи 264.1 и пункта «а» части 2 статьи 264.

В марте 2026 г. Читинский районный суд вынес приговор по пунктам «а», «в» части 4 статьи 264 УК РФ. Водитель без права управления после употребления алкоголя двигался со скоростью не менее 120 км/ч, автомобиль опрокинулся, пассажир погиб. Назначено шесть лет шесть месяцев лишения свободы с лишением права управления транспортом. Здесь употребление алкоголя существенно для квалификации, но не может быть второй раз использовано по части 1.1 статьи 63. Суд вправе оценивать конкретный уровень опасности нарушения, скорость и поведение водителя, однако не дублировать уже учтенный признак.

Для оценки современной позиции Конституционного Суда важно постановление от 30 мая 2025 г. № 25-П. Оно не посвящено части 1.1 статьи 63, но рассматривает последствия осуждения по статье 264.1 и конфискацию автомобиля, находившегося в совместной собственности супругов. Суд связал строгое публично-правовое реагирование с высокой опасностью повторного управления транспортом в состоянии опьянения и задачей предупреждения новых преступлений. Это подтверждает особое отношение закона к транспортному риску, но не отменяет запрет двойного учета при назначении наказания.

5. Статистика Забайкальского края. Статистические сведения подтверждают устойчивую связь значительной части региональной преступности с употреблением алкоголя. В 2024 г. в Забайкальском крае было совершено 3,28 тыс. преступлений в состоянии алкогольного опьянения. Их количество уменьшилось на 21,4 % по сравнению с 2023 г., а доля в числе оконченных преступлений снизилась с 36,9 до 35,3 %. Значение 35,3 % отражено также в отчете о реализации государственной программы Забайкальского края за 2024 год.

Данные за первый квартал 2025 г. позволяют увидеть структуру более подробно. За три месяца зарегистрировано 637 преступлений в состоянии алкогольного опьянения против 889 годом ранее, снижение составило 28,3 %. Доля таких деяний равнялась 32,6 % при 26,4 % по ДФО и 16,8 % по России. Из 637 преступлений 306 были направлены против жизни и здоровья, 157 — против собственности, 115 относились к повторному нарушению правил дорожного движения. Таким образом, посягательства против жизни и здоровья составили 48,0 % от 637 учтенных преступлений.

За пять месяцев 2025 г. УМВД сообщило о 1 121 преступлении в состоянии алкогольного опьянения из 3 417 оконченных производством, то есть о доле 32,8 %. В Чите за тот же период зарегистрировано 249 таких преступлений, или 22 % оконченных. Сопоставление краевого показателя с данными по Чите показывает заметное территориальное различие внутри региона.

Итоги 2025 г. дополняют эту картину. В крае зарегистрировано 17 779 преступлений, что на 3,1 % меньше, чем в

2024 г. Количество преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, уменьшилось на 14,8 %, а их удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений составил 31,7 %. В 2025 г. преступления, совершенные в общественных местах, составили 17,4 % зарегистрированного массива, а их количество сократилось на 7,8 %. В совокупности эти показатели характеризуют снижение двух значимых компонентов региональной преступности при сохранении заметной роли алкогольного фактора.

Заключение

Значение опьянения зависит от его установленной роли в конкретном преступлении. По делам об убийстве и тяжком вреде здоровью суд должен объяснить, как это состояние повлияло на действия виновного. По транспортным составам, где оно уже учтено при квалификации, повторное отягчение недопустимо. Поэтому обоснованность наказания определяется не количеством упоминаний алкоголя в приговоре, а доказательствами и мотивами судебного решения.

В исследованной выборке из пяти актов Верховного Суда РФ учет опьянения был сохранен в четырех случаях, то есть в 80 %. Основанием для сохранения выступала доказанная связь состояния с преступным поведением; немотивированный учет опьянения исключался.

Единообразие практики зависит от содержания приговора: суду следует указывать конкретные факты, подтверждающие влияние опьянения, и отделять их от обстоятельств, которые уже учтены в квалификации преступления.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г., с изм. от 29 июня 2026 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 30.07.2026).
2. О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 43. Ст. 5440. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201310210034 (дата обращения: 30.07.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (ред. от 23 декабря 2025 г.). URL: https://vsrf.ru/documents/own/8470/ (дата обращения: 30.07.2026).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2025 г. № 40 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58». URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/35291/ (дата обращения: 30.07.2026).
5. Обзор практики Верховного Суда Российской Федерации по применению норм уголовного закона о назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 декабря 2024 г.). URL: https://vsrf.ru/documents/all/34193/ (дата обращения: 30.07.2026).
6. Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 1510-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Волкова А. В. на нарушение его конституционных прав». URL: https://normativ.kontur.ru/document?documentId=428660&moduleId=7 (дата обращения: 30.07.2026).
7. Определение Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2022 г. № 3521-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воронкова В. С. на нарушение его конституционных прав частью первой.1 статьи 63 УК РФ». URL: https://normativ.kontur.ru/document?documentId=443868&moduleId=7 (дата обращения: 30.07.2026).
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 мая 2025 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта "д" части первой статьи 104.1 УК РФ в связи с жалобой гражданки О. А. Андрияновой». URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506020002 (дата обращения: 30.07.2026).
9. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 декабря 2021 г. № 45-УД21–42-А2. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2066544 (дата обращения: 30.07.2026).
10. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 ноября 2022 г. № 45-УД22–61-К7 // Обзор практики Верховного Суда РФ от 18 декабря 2024 г. URL: https://vsrf.ru/documents/all/34193/ (дата обращения: 30.07.2026).
11. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 февраля 2025 г. № 15-УД25–1-А4. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2446194 (дата обращения: 30.07.2026).
12. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 июня 2025 г. № 49-УД25–17-А4. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2470258 (дата обращения: 30.07.2026).
13. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 января 2026 г. № 57-УД25–11-А1. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2517128 (дата обращения: 30.07.2026).
14. Кассация в Кемерове оставила без изменения решение апелляции об отмене условного осуждения за причинение женой мужу тяжких телесных повреждений // Прокуратура Забайкальского края. 23 сентября 2025 г. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_75/mass-media/news/archive/e5987023/ (дата обращения: 30.07.2026).

15. Забайкальский краевой суд по представлению прокуратуры усилил наказание подсудимому за убийство в Улетовском районе // Прокуратура Забайкальского края. 3 июля 2026 г. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_75/mass-media/news/main/e8568870/ (дата обращения: 30.07.2026).
16. Кыринский районный суд конфисковал автомобиль местной жительницы за повторное управление им в состоянии опьянения и совершение ДТП // Прокуратура Забайкальского края. 19 февраля 2026 г. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_75/mass-media/news/regional/e8393292/ (дата обращения: 30.07.2026).
17. Читинский районный суд вынес приговор по уголовному делу о дорожно-транспортном происшествии с гибелью пассажира // Прокуратура Забайкальского края. 26 марта 2026 г. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_75/mass-media/news/main/e8437803/ (дата обращения: 30.07.2026).
18. Зарубин А. В. Обстоятельства, отягчающие наказание, в уголовном праве России: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2025. 110 [2] с. ISBN 978–5–6054271–2–4. URL: https://www.procuror.spb.ru/izdanija/2025_01_01.pdf (дата обращения: 30.07.2026).
19. Курсаев А. В. Подходы судов к оценке совершения преступления в состоянии опьянения как обстоятельства, отягчающего или смягчающего наказание // Уголовное право. 2023. № 6. С. 25–38. DOI 10.52390/20715870_2023_6_25. URL: https://newtech.legal/cabinet/catalog/ugolovnoe-pravo/4281/5784/ (дата обращения: 30.07.2026).
20. Хромов Е. В. Состояние опьянения в преступлениях против безопасности движения и эксплуатации транспорта // Уголовное право. 2022. № 12. С. 58–74. DOI 10.52390/20715870_2022_12_58. URL: https://newtech.legal/cabinet/catalog/ugolovnoe-pravo/2094/5020/ (дата обращения: 30.07.2026).
21. Отчет о ходе реализации государственной программы Забайкальского края за 2024 год // Официальный портал Забайкальского края. URL: https://media.75.ru/adm/documents/216806/po-gp-za-2024.pdf (дата обращения: 30.07.2026).
22. В Забайкалье «перекрывают краны» любителям горячительных напитков // РБК Приморье. 19 февраля 2025 г. URL: https://prim.rbc.ru/prim/freenews/67b6ad399a7947aa5fe367f1 (дата обращения: 30.07.2026).
23. Цифра дня: 637 преступлений, совершенных в алкогольном опьянении, зарегистрировано в Забайкалье за 3 месяца 2025 года // Прокуратура Забайкальского края. 23 апреля 2025 г. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_75/mass-media/news/archive/e5678676/ (дата обращения: 30.07.2026).
24. Полиция Забайкалья: 32,8 % преступлений совершены в состоянии алкогольного опьянения // Официальный портал Забайкальского края. 23 июня 2025 г. URL: https://75.ru/news/411805 (дата обращения: 30.07.2026).
25. Цифра дня: 17 799 преступлений зарегистрированы в Забайкалье за 2025 год [заголовок публикации; в тексте сообщения — 17 779] // Прокуратура Забайкальского края. 14 января 2026 г. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_75/mass-media/news/main/e8346744/ (дата обращения: 30.07.2026).

Отсутствие протокола судебного заседания как безусловное основание отмены решения суда

Долгова Дарья Викторовна, студент магистратуры
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Краснодар)

В статье автор исследует отсутствие протокола судебного заседания как безусловное основание отмены решения суда в гражданском процессе. Анализируется нормативная конструкция п. 6 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, согласно которой безусловная отмена возможна лишь при отсутствии протокола в письменной форме или его подписании ненадлежащими лицами при одновременном отсутствии аудио- или видеозаписи заседания.

Ключевые слова: *судебная ошибка, протокол судебного заседания, безусловные основания отмены, аудиопротокол, гражданский процесс, ст. 330 ГПК РФ.*

Институт безусловных оснований отмены судебного решения представляет собой наиболее жёсткий механизм процессуальной ответственности суда первой инстанции. В отличие от ординарных оснований, перечисленных в ч. 1–3 ст. 330 ГПК РФ, безусловные основания не требуют установления причинно-следственной связи между нарушением и неправильным исходом дела: само по себе наличие такого нарушения делает судебный акт процессуально незаконным. Как отмечается в доктрине, безусловные основания воспринимаются законодателем как «незыблемые положения», которые радикально не затрагивались даже многочисленными изменениями гражданского процессуального законодательства [1].

Среди семи безусловных оснований, закреплённых в ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, особое место занимает отсутствие протокола судебного заседания. Это основание претерпело существенную трансформацию в связи с введением обязательного аудиопротоколирования Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 265-ФЗ. Если ранее безусловная отмена следовала из самого факта отсутствия письменного протокола, то в действующей редакции п. 6 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ отсутствие письменного протокола или его подписание ненадлежащими лицами влечёт отмену только при отсутствии аудио- или видеозаписи судебного заседания.

Протокол судебного заседания традиционно рассматривается в доктрине гражданского процессуального права не как технический документ, а как одна из фундаментальных гарантий объективности правосудия. В специальной литературе протокол характеризуется как «зеркало» процесса, гарантирующее реализацию принципов отрасли права [2]. В протокол заносятся все «устные действия» суда и других участников процесса, совершённые в ходе заседания. Согласно п. 3 ст. 230 ГПК РФ, протокол должен быть составлен и подписан не позднее чем через три дня после окончания судебного заседания. В п. 3.2. Постановления Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 19-П выделено два вида судебных ошибок: 1) неумышленные судебные ошибки ординарного характера не могут расцениваться как проявление недобросовестного отношения судьи к своим профессиональным обязанностям и служить основанием для применения к нему дисциплинарного взыскания; 2) которые являются следствием некомпетентности или небрежности судьи, т. е. недобросовестного исполнения им функции по отправлению правосудия, приводящего к искажению фундаментальных принципов судопроизводства и грубому нарушению прав участников процесса [3]. Соответственно, отсутствие протокола судебного заседания можно отнести ко второму виду ошибок, и рассматривать как недобросовестное исполнение функции по отправлению правосудия [4]. В 60-е годы XX столетия отсутствие подписи в протоколе А. Т. Боннер относил к «канцелярско-бюрократическому ляпу» [5], подлежащего устранению. Думается, что отсутствие подписи в протоколе судьи либо секретаря, в особенности, когда не велось аудиопротоколирование, нельзя признать формальностью, техническим недочетом, либо отнести к отсутствию реквизитов, так как значимость анализируемого процессуального документа определена в процессуальном законе.

Доктринальное значение протокола определяется несколькими функциями. Во-первых, он обеспечивает **возможность проверки** законности и обоснованности судебного акта вышестоящей инстанцией: без протокола апелляционный или кассационный суд лишён объективного источника сведений о том, как фактически проходило разбирательство. Во-вторых, протокол выступает **средством фиксации процессуальных гарантий** -от соблюдения порядка исследования доказательств до реализации права стороны на заявление ходатайств и отводов. В-третьих, в доктрине протокол рассматривается как «новый вид доказательства» для вышестоящих судебных инстанций [6].

Именно эта гарантийная функция протокола предопределяет его включение в перечень безусловных оснований отмены: если протокол отсутствует или подписан ненадлежащими лицами, проверка соблюдения процессуальной формы становится невозможной, а судебный акт утрачивает презумпцию процессуальной правильности. Как подчёркивается в литературе, отсутствие протокола или его подписание ненадлежащими лицами является безусловным основанием для отмены решения суда в апелляционном порядке.

Действующая редакция п. 6 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ устанавливает, что основанием для отмены решения суда первой инстанции в любом случае является «отсутствие в деле протокола судебного заседания в письменной форме или подписание его не теми лицами, которые указаны в статье 230 настоящего Кодекса, **в случае отсутствия аудио- или видеозаписи судебного заседания».**

Такая конструкция порождает доктринальную и практическую проблему, которую можно обозначить как «условная безусловность». Формально основание остаётся безусловным, однако его применение поставлено в зависимость от отсутствия аудио- или видеозаписи. Это означает, что дефекты письменного протокола сами по себе — при наличии аудиозаписи — уже не влекут автоматической отмены. Логика законодателя состояла в том, что аудиопротокол способен компенсировать недостатки письменной формы и обеспечить объективность фиксации хода заседания.

Судебная практика Краснодарского края и Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции, осуществляющего проверку судебных актов судов Краснодарского края, демонстрирует последовательное применение рассматриваемого основания.

Показательным является дело, рассмотренное Четвёртым кассационным судом общей юрисдикции. 10 октября 2024 г. по делу № 88–28979/2024 Судебная коллегия по гражданским делам вынесла определение об отмене апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда со ссылкой на п. 6 ч. 4 ст. 379.7 ГПК РФ. Определение апелляционной инстанции было отменено из-за отсутствия подписи помощника судьи К. Как итог, дело отправлено на рассмотрение в апелляционную инстанцию в ином составе суда.

Проведённый анализ позволяет выявить важную проблему: конструкция п. 6 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, связывающая безусловную отмену с отсутствием письменного протокола *при условии* отсутствия аудиозаписи, создаёт ситуацию правовой неопределённости. С одной стороны, наличие аудиозаписи формально «спасает» судебный акт от отмены даже при дефектах письменного протокола. С другой стороны, судебная практика выработала подход, при котором отсутствие аудиопротокола или его противоречие письменному протоколу сами по себе влекут отмену, поскольку подрывают достоверность фиксации.

Наконец, назрела необходимость более чёткого разграничения **существенных** и **несущественных** дефектов протокола. Описки и опечатки в протоколе, не влияющие на возможность проверки хода заседания, не должны влечь безусловную отмену; напротив, дефекты, препятствующие установлению содержания процессуальных действий (отсутствие подписи, неоговоренные исправления, противоречие аудиозаписи), должны рассматриваться как безусловное основание.

Отсутствие протокола судебного заседания представляет собой безусловное основание отмены решения суда, однако его нормативная конструкция в действующей редакции п. 6 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ является внутренне противоречивой. Законодатель, связав отмену с отсутствием письменного протокола лишь при условии отсутствия аудиозаписи, создал модель «условной безусловности», которая в практике приводит к расширительному истолкованию основания: суды признают безусловным нарушением не только буквальное отсутствие протокола, но и отсутствие аудиопротокола, и противоречие между письменной и аудиальной формами фиксации.

Анализ судебной практики Краснодарского края [7] и Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции [8] подтверждает, что суды последовательно исходят из того, что дефекты фиксации хода заседания подрывают саму возможность проверки законности судебного акта и потому требуют отмены. Вместе с тем сохраняется потребность в законодательной корректировке: безусловным основанием должно стать именно отсутствие аудиопротокола как основного средства фиксации, а технические дефекты аудиозаписи, препятствующие её использованию, должны приравниваться к отсутствию протокола. Реализация этих предложений позволит устранить правовую неопределённость и повысить эффективность института безусловных оснований как гарантии законности гражданского судопроизводства.

Литература:

1. Граб, Э. Э. (научный руководитель Якимова, Т. Ю.) Судебная ошибка в гражданском процессе: теоретико-правовой анализ и сравнительная характеристика с уголовным судопроизводством // Научный потенциал. — 2025. — № 4. — С. 29.
2. Батурина Н. А. Отсутствие протокола судебного заседания как безусловное основание отмены решения суда // Российский судья. 2023. N 6. С. 22–27.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 19, 21 и 22 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки А. В. Матюшенко» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 5. 2011.
4. Долгова, Д. В. Классификация судебных ошибок в гражданском судопроизводстве // Молодой учёный. — 2026. — № 42 (645). — URL: https://moluch.ru/archive/646/141063. (дата обращения 24.10.2026).
5. Боннер А. Т. Протокол судебного заседания как доказательство в гражданском процессе // Вестник экономического правосудия. 2015. № 8. С. 66–75.
6. Батурина Н. А. Трансформация безусловных оснований для отмены судебного акта в условиях цифровизации правосудия // Администратор суда. 2026. № 3.
7. Краснодарский краевой суд. — URL: https://kraevoi.krd.sudrf.ru
8. Четвертый кассационный суд общей юрисдикции — URL: https://4kas.sudrf.ru

Проблемы выявления и доказывания торговли детьми, замаскированной под суррогатное материнство

Должикова Анна Викторовна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье анализируются криминалистические и уголовно-правовые проблемы выявления и доказывания фактов торговли детьми (ст. 127.1 УК РФ), скрытых за внешне легальными процедурами суррогатного материнства. Рассматриваются типичные признаки фиктивности таких схем, а также процессуальные и организационные сложности, с которыми сталкивается следствие при сборе доказательств. Обосновывается необходимость межведомственного взаимодействия и использования специальных познаний для отграничения преступления от гражданско-правовых сделок.

Ключевые слова: *торговля детьми, суррогатное материнство, ст. 127.1 УК РФ.*

The problems of identifying and proving child trafficking disguised as surrogacy

The article analyzes criminalistic and criminal-law problems of identifying and proving cases of child trafficking (Article 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) concealed behind outwardly legal procedures of surrogacy. Typical indicators of the fictitious nature of such schemes are examined, as well as procedural and organizational difficulties encountered by the investigation in collecting evidence. The necessity of interdepartmental cooperation and the use of specialized knowledge to distinguish the crime from civil-law transactions is substantiated.

Keywords: *child trafficking, surrogacy, not, Article 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

Торговля детьми характеризуется высокой степенью латентности и, как правило, не совершается в явной форме. Современные формы указанного преступления чаще всего реализуются под видом легальных процедур, а именно суррогатного материнства или усыновления. Чаще всего, формально ситуация может выглядеть как гражданско-правовая сделка, между участниками заключается договор, имеются все необходимые медицинские документы, и даже решение суда, однако за такой формально-правовой конструкцией может скрываться именно купля-продажа ребёнка. Сложность разграничение правомерной деятельности и преступления состоит в том, что установление умысла на торговлю несовершеннолетним представляет существенную сложность. Перед сотрудниками правоохранительных органов стоит задача выявления в формально-правовой конструкции признаков преступления, их фиксации и процессуального закрепления, а также установления действительных целей и умысла участников.

Проблематика соотношения суррогатного материнства и торговли детьми носит международный характер, в связи с тем, что злоупотребления в данной сфере не ограничиваются Российской Федерацией, и фиксируются за рубежом — в странах, допускающих применение процедуры суррогатного материнства.

В данном контексте следует отметить позицию В. В. Момотова, согласно которой преимуществом Российской Федерации перед другими правопорядками, допускающими суррогатное материнство, является крайне детальная регламентация данной процедуры на уровне федерального законодательства и подзаконных актов [1, с. 38].

Так, процедура суррогатного материнства сама по себе является легальной и регулируется действующим законодательством, в частности, ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», запрещает коммерческие договоры, предусматривающие вознаграждение суррогатной матери, за исключением документально подтверждённой компенсации расходов [2]. Однако на практике указанный запрет может обходиться посредством формального обозначения выплат в качестве «возмещения расходов», а сама оплата происходит за передачу ребёнка, в чем могут усматриваются признаки преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ [3].

Также дополнительными признаками указывающими на коммерческий характер схемы суррогатного материнства могут являются анонимность и закрытость процедуры суррогатного материнства, характеризующиеся такие опосредованностью коммуникации между генетическими родителями и суррогатной матерью, сведением контактов сторон к минимуму либо их полный запрет, участием посредника, осуществляющего так называемый «подбор» суррогатной матери, а также получение посредником значительного материального вознаграждения, несоразмерного фактически оказанным услугам, либо вознаграждения, обусловленного наступлением конкретного результата.

При этом указанные обстоятельства подлежат оценке не изолированно, а в системе с иными признаками. В частности, в целях установления признаков состава преступления, сотрудникам правоохранительных органов кроме прочего необходимо установить круг участников правоотношений и фактическую роль каждого из них, характер, размер, адресность и цель произведённых выплат, умысел деяния — были ли денежные средства выплачены за вынашивание, «подбор», оформление документов или за передачу ребёнка, был ли размер вознаграждения посредника обусловлен именно результатом, то есть рождением и передачей ребёнка, а также наличие признаков сокрытия сведений о суррогатной матери, использования фиктивных документов либо иных действий, направленных на маскировку действительного содержания отношений.

Таким же индикатором, сигнализирующим о торговле детьми, могут выступать медицинские несоответствия процедуры. Речь идёт именно о случаях, когда формально соблюдённая процедура суррогатного материнства не имеет под собой реальных медицинских оснований либо документальное оформление такой процедуры содержит признаки фиктивности.

К обстоятельствам, подлежащим установлению в таких случаях нужно отнести: отсутствие у заказчиков подтверждённых медицинских показаний для применения суррогатного материнства, перечень которых установлен приказом Минздрава России от 31.07.2020 № 803н [4], чрезвычайно короткие сроки подбора суррогатной матери, несоразмерные реальному проведению обследований, юридических консультаций и оформлению документов, случаи, когда суррогатной матерью выступает лицо, являющееся близким родственником или знакомым заказчиков, что также может свидетельствовать об отсутствии реального подбора и о предварительной догово-

рённости сторон, наличие в медицинской документации неточностей, противоречий, исправлений, отсутствие сведений либо наличие сведений, не соответствующих фактическим обстоятельствам дела.

Задачей органов дознания и предварительного следствия является выявление таких признаков в ходе тщательной процессуальной проверки, осуществляемой на стадии проверки сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством.

После возбуждения уголовного дела при наличии достаточных данных, указывающих на признаки состава преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ, ключевой задачей следствия становится доказывание умысла именно на торговлю людьми.

Согласно позиции Пленума Верховного суда Российской Федерации в постановлении от 24.12.2019 № 58, цель эксплуатации человека является обязательным признаком состава торговли людьми, что требует установления направленности умысла именно на получение выгоды от передачи ребёнка [5].

Следователю необходимо собрать и процессуальной зафиксировать совокупность доказательств, подтверждающих именно коммерческих характер сделки. Прежде всего установлению подлежат так называемые «финансовые следы», а именно перевод денежных средств, расписки, переписка сторон. Даже если назначение платежей оформлено как «компенсация расходов», их размер, регулярность и адресность могут свидетельствовать о том, что фактическим предметом отношений является передача ребёнка за вознаграждение, а не возмещение затрат на вынашивание.

Не менее важным является проверка на предмет фальсификации медицинских заключений, согласий, договоров и иной документации, для чего необходимо назначение судебных экспертиз, в частности, почерковедческой, технической экспертизы документов, а также судебно-медицинской экспертизы для установления факта о рождении ребёнка от конкретной женщины — суррогатной матери. Следователям также следует учитывать, что экспертные исследования необходимо назначать в максимально ранние сроки, поскольку их результаты имеют существенное значение для доказывания, а продолжительность их проведения может быть значительной.

Одним из следственных действий, которые обязательно проводятся в ходе расследования торговли несовершеннолетним являются допросы [6]. Необходима фиксация показаний всех участников правоотношений, однако необходимо учитывать, что свидетели могут быть заинтересованы в исходе дела и фактически являются соучастниками преступления. В связи с этим, тактика допроса должна строиться с учётом возможно заинтересованности, что, тем не менее, не исключает возможности получения от участников сделки и иных лиц ценных сведений при правильной организации следственного действия.

Центральным вопросом все также остается чёткое отграничение формального нарушения процедуры суррогатом материнства от преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ. Для этого необходимо установить чёткую цель участников, был ли умысел направлен на получение ребёнка или денежной выгоды от его передачи. Именно установление корыстной цели и направленности умысла на куплю-продажу ребёнка, а не на получение медицинской услуги позволяет квалифицировать деяние участников как «торговлю людьми». Так желание передать ребенка за денежное вознаграждение свидетельствует об умысле на торговлю людьми [7].

Выявление и доказывание торговли детьми, замаскированной под суррогатное материнство, требует от системы правоохранительных органов не только юридических знаний, но и готовности работать с документами, финансами и психологией участников. Основная сложность — отличить законную процедуру от преступной схемы и доказать умысел. Решение видится в усилении межведомственного взаимодействия и в более активном использовании специальных познаний на первоначальном этапах проверки.

Литература:

1. Момотов, В. В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) / В. В. Момотов. — Текст: непосредственный // Lex russica. — 2019. — № 1.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 04.08.2026). — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6724.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 2026 г.). — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
4. Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 N 60457). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/ (дата обращения: 09.10.2026).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341379/ (дата обращения: 07.10.2026).

6. Айзятова, Л. Ф. Особенности тактики проведения следственных действий при расследовании преступных посягательств на права несовершеннолетних (на примере торговли несовершеннолетними, подмены ребёнка и незаконного усыновления) / Л. Ф. Айзятова. — Текст: непосредственный // Юридические науки. — 2025. — № 1. — С. 17–25.
7. Ловчикова, Ю. В. Проблемы соотношения торговли людьми и суррогатного материнства / Ю. В. Ловчикова. — Текст: непосредственный // Вопросы российской юстиции. — 2022. — № 17. — С. 552–557.

Особенности выявления признаков преступлений, связанных с торговлей детьми

Должикова Анна Викторовна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Рассматривается выявление признаков торговли детьми до возбуждения уголовного дела. На материалах криминалистических исследований определены причины латентности таких преступлений и источники первичной информации. Отдельное внимание уделено случаям, в которых признаки сделки выявляются при проверке сведений о применении вспомогательных репродуктивных технологий.

Ключевые слова: *торговля детьми, выявление преступлений, проверка сообщения о преступлении, латентность, суррогатное материнство.*

Features of detection of signs of crimes related to child trafficking

The article examines the detection of signs of child trafficking before the initiation of criminal proceedings. Drawing on criminal investigation research, it discusses why such offences remain undetected and identifies sources of initial information. Particular attention is paid to cases in which signs of a transaction involving a child emerge during the verification of information about assisted reproductive technology procedures.

Keywords: *child trafficking, crime detection, verification of crime reports, latent crime, surrogacy.*

Для выявления торговли детьми очень важна стадия, предшествующая возбуждению уголовного дела, то есть процессуальная проверка сообщения о преступлении. В доктринальной криминалистике на вопрос о том, следует ли считать выявление преступления самостоятельным этапом расследования, на сегодняшний день однозначного ответа нет. С. Р. Абрамова выделяет этап выявления в составе расследования в широком смысле [1, с. 89–90].

Для рассматриваемой категории дел такое понимание позволяет объяснить самостоятельное значение работы с первоначальной информацией, от того, удастся ли установить признаки преступления до принятия законного процессуального решения следователем, зависит возможность приступить к расследованию конкретных событий.

Так, на стадии выявления преступной деятельности решаются срезу две задачи, первая состоит в получении достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, а вторая — в получении криминалистически значимых сведений, по которым можно будет определить дальнейшее направление расследования [1, 90]. Ч. 1 ст. 140 УПК РФ относит к поводам, для возбуждения уголовного дела, в частности, заявление о преступлении, явку с повинной и сообщение о совершённом или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. В порядке ч. 2 ст. 140 УК РФ, основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В ходе проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ следователь ограничен в проведении полного спектра следственных действий, однако он вправе получать объяснения, истребовать документы и предметы, производить осмотр места происшествия, а также назначать судебные экспертизы, а уже полученные сведения впоследствии и служат фактическим основанием для возбуждения уголовного дела [2].

Т. А. Гусейнов, И. Г. Рогава и А. Н. Калюжный обращают внимание на латентность и низкую раскрываемость таких преступлений [3, 6]. Приведённые ранее показатели характеризуют лишь часть деяний, получивших уголовно-правовую оценку.

Распределение источников первичных сведений отражено в исследованиях разных лет, так 40 % фактов продажи детей выявлены при расследовании дел, возбуждённых по иным статьям УК РФ, по заявления лиц, узнавших о сделках, пришлось 22 % дел, на задержание продавцов с поличным — 23 %, на заявления родителей, продавших детей — 15 % [1, 93]. По иным данным, сообщения случайных свидетелей и результаты оперативно-розыскной деятельности в совокупности фигурировали в

72 % изученных случаев, а родственники проданного ребенка заявляли реже, что неразрывно связано с их причастностью к самому преступлению [4, 125]. Эти показатели относятся к разным выборкам, в различных исследованиях существенная часть сведений поступала по каналам, которые всегда требуют активной работы от правоохранительных органов.

Стратегию выявления и стратегию изобличения необходимо сочетать при доследственной проверке, когда первая предполагает самостоятельный поиск первичной информации, в том числе наблюдение за неблагополучными семьями, проверку помещений, мониторинг сфер возможной эксплуатации и рейды, то вторая направлена на оперативную проверку поступившего сигнала о готовящемся или совершённом преступлении. Также, среди возможных источников автор называет объявления об услугах суррогатной матери и содействии в усыновлении, значение которого иллюстрирует описанный в литературе случай, в котором договорённость о передаче ещё не родившегося ребёнка возникла через объявление в социальной сети [3, с. 10].

Так, Преображенским районным судом г. Москвы 17 февраля 2020 г. постановлен приговор по уголовному делу о преступлении, предусмотренном пп. «б», «з» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ. Судом признано доказанным, что женщина проживавшая в г. Альметьевске Республики Татарстан и ведущая асоциальный образ жизни, в 2019 году, будучи беременной, из корыстных побуждений разместила в социальной сети объявление о продаже планируемой к рождению девочки, а лица, действовавшие в рамках мероприятия «оперативный эксперимент», согласились организовать её переезд в Москву и роды, под контролем сотрудников правоохранительных органов приехала в Москву, родила девочку, а 5 марта 2019 года в квартире на востоке Москвы после получения денежных средств передала ребёнка покупательнице и написала расписку об отказе от дальнейших притязаний, после чего была задержана. В данном случае, преступление было пресечено благодаря совместной работе ГСУ СК России по г. Москве и ГУ МВД России по г. Москве, суд назначил наказание в виде 4 лет 6 месяцев лишения свободы.

При проверке сообщений, связанных со вспомогательными репродуктивными технологиями (далее — ВРТ), сведения могут содержаться в медицинских документах, актовых записях о рождении, данных о пересечении государственных границы и банковских операциях. Также, проверка сведений о программе суррогатного материнства включает выяснение о личности того, кто обратился в клинику и какие медицинские основания были указаны для проведения медицинской процедуры — ЭКО. Так, в клинике ООО «Генезис» Санкт-Петербурга в числе клиентов фигурировали иностранные граждане, преимущественно одинокие мужчины, а процедуры ЭКО проводились без медицинских показаний. Проверка привела к возбуждению уголовного дела против гендиректора и главврача, а также трёх акушеров-гинекологов клиники по п. «в» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ. По версии следствия, организатор привлекла трёх врачей, искала покупателей среди одиноких иностранцев, определяла цену по числу детей, организовывала покупку яйцеклеток, подбор суррогатных матерей и документы для вывоза детей, в свою очередь врачи принимали клиентов в обход закона — без подготовительных процедур, иных специалистов и фиксации сведений о личной жизни, проводили ЭКО, ИКСИ и перенос эмбрионов, после чего была установлена передача шестерых новорождённых за границу, а выручка составила около 4,8 млн руб.

Согласно действующему законодательству, при оценке условий допуска к программе учитываются изменения, внесённые Федеральным законом от 19.12.2022 № 538-ФЗ, и его переходные положения, усложнившие использование указанной преступной схемы [8].

Другую группу признаков также образуют расхождения между сведениями о генетическом происхождении ребёнка и данными о применённом донорском материале, нередко преступники используют подложные документы о бесплодии и ложные сведения о родителях при регистрации рождения в органах ЗАГС. Дополнительной проверки также требуют обстоятельства выезда ребёнка за границу и основания его пребывания в арендованных помещениях с людьми не приходящимися ему родственниками или другим близким. Наряду с вышеперечисленным значение в связи с другими сведениями буду приобретать — иностранное гражданство, сроки оформления выезда ребенка заграницу, размер выплат суррогатной матери и посреднике. Совокупность таких признаков позволяет определить направление проверки сообщения о преступлении и вопрос о наличии основания для возбуждения уголовного дела в порядке ст. 140 УПК РФ [2].

Вероятность поступления заявления зависит от отношений ребёнка с участниками сделки, так как стороны заинтересованы в сокрытии купли-продажи несовершеннолетнего. Когда ребёнка передаёт родитель, усыновитель или иное лицо, на которого были возложены родительские обязанности и на попечении которого он находится, возможности получить сведения извне ограничены, помимо того, ребёнок может не понимать происходящего либо зависеть от виновного. Выявление осложняется также при ситуации, если передаче придают вид усыновления/удочерения, а приобретатели, намеренны воспитывать ребёнка в семье и скрывают обстоятельства его появления даже от близких. В числе прочих причин латентности можно назвать также высокую прибыльность при небольших вложениях от сделки, организованный и нередко транснациональный характер деятельности, коррупционные связи и её внешнее сходство с «законным бизнесом» [1, с. 91].

При поступлении сообщения о возможной сделке с новорождённым сотрудникам правоохранительных органов необходимо своевременно установить его ме-

стонахождение и состояние, истребовать медицинские документы и актовые записи, выяснить круг причастных лиц. Вопрос о безопасности ребёнка возникает уже при проверке сообщения, нельзя забывать о том, что новорождённый сам сообщить о произошедшем не может, а его законный представитель может быть заинтересован в его купле-продаже, поэтому инициатива в выявлении таких преступлений должна исходить от компетентных государственных органов.

Выявление признаков торговли детьми представляет собой самостоятельный предварительный этап, его содержание определяется сочетанием самостоятельного поиска информации и своевременной проверки поступившего сообщения.

Литература:

1. Абрамова, С. Р. Методика расследования торговли несовершеннолетними, подмены ребенка и незаконного усыновления: дис. … канд. юрид. наук / С. Р. Абрамова. — М., 2009. — 265 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. Абрамова, С. Р. Возможности использования данных о лице, совершившем преступление, при расследовании торговли людьми / С. Р. Абрамова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2024. — № 2. — С. 5–13.
4. Куемжиева, С. А. Особенности первоначального этапа расследования торговли детьми / С. А. Куемжиева // Общество и право. — 2016. — № 4 (58). — С. 124–127.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 19.12.2022 № 538-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_ LAW_434588/.

Институт банкротства физических лиц: теоретические основы и актуальные проблемы правоприменительной практики

Домнич Регина Вячеславовна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье раскрывается понятие института банкротства физических лиц, которое занимает одно из главных мест в современной системе законодательства. Система списания долгов, позволяет гражданам, оказавшимся в тяжелом финансовом положении, законно освободится от непосильных долгов, снова спокойно работать и строить жизнь. А для кредиторов — система помогает справедливо и без лишних нервов поделить то немногое, что у должника вообще есть, чтоб вернуть хоть часть долга. В Российской правовой системе эта процедура регулируется Федеральным законом № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве). Автор статьи кратко раскрывает понятие института банкротства физических лиц, описывает краткую историю: как зародилось банкротство, и как развивалось в России. Исследует теорию и практику в данной теме, и анализирует существенные проблемы, связанные с совершенствованием норм банкротства физических лиц.

Ключевые слова: *несостоятельность, банкротство физических лиц, внесудебное банкротство, финансовый управляющий, добросовестность должника, арбитражный суд.*

Введение

Банкротство физического лица — это ситуация, когда человек не может в полном объеме рассчитаться с кредиторами (долгами) и официально признается банкротом по решению суда.

До октября 2015 года обычные люди не могли оформить банкротство. Долги с них взыскивали другими способами, а если платить было совсем нечем, тогда долг прощали. С этого года официально появилась процедура банкротства для физических лиц, которую прописали в законе № 127-ФЗ о несостоятельности (банкротстве). Цель этой процедуры двойная: кредиторы получают хоть какую-то часть денег, а должник избавляется от непосильных долгов. Чтоб человека официально признали банкротом, арбитражный суд должен подтвердить, что у гражданина действительно нет средств и имущества для погашения всех долгов.

Актуальность изучения института банкротства физических лиц в наше время совершенно очевидна. Так как статистика реальных дел с каждым годом только усиливается, и разбираться в банкротстве обычных людей сейчас

критически важно. Надо не по отдельным кусочкам ее разглядывать, а видеть всю картину. Как система крутится в жизни, где она не продвигается, и что с этими проблемами делать дальше.

Бывает так, что в закон вносят правки, а старые сложности никуда не деваются. Например, власти видят проблему и думают «добавим строчку в закон, итак будет лучше». Но на деле старая проблема может никуда не деться, а новая строчка иногда создает новые лазейки или путаницу. Из-за этого юристы спорят, ведь суды выносят разные решения, а в законе появляются «пробелы», по которым непонятно как применять данную норму.

Ученые и специалисты не просто смотрят на готовые правила, а пытаются их додумать и докрутить, чтоб теория совпадала с практикой. То есть надо не просто написать правила, а сделать их понятными и рабочими, чтоб не было двусмысленностей.

Цель работы — изучить институт банкротства граждан. Понять его основы, выяснить какие сложности возникают при применении законов, и подготовить обоснованные идеи, как эти законны сделать лучше.

Для достижений цели в работе будут использоваться следующие задачи:

В теоретическом блоке:

– Изучение правовой природы и сущность института банкротства;

– Поэтапное рассмотрение исторических этапов становления и развития законодательства о несостоятельности (банкротстве);

– Анализ опыта зарубежных стран правового регулирования банкротства граждан, и понимание как воспользоваться данным опытом в России;

В практическом блоке:

– Выявление и классификация трудностей, возникающих в судебном и внесудебном банкротстве физических лиц;

– Изучение реальных судебных дел на примере родственников автора, и изучить позицию Верховного Суда РФ по этому вопросу;

– Анализ предложения других авторов, которые занимались исследованием по данной теме. Также изучение способов улучшить законы, в которых нужно исправить ошибки в их применении.

Объект исследования — это правила и особенности банкротства граждан в современных условиях.

Предметом исследования в этой теме является то, как закон регулирует списание долгов граждан, и с какими трудностями это сталкивается в реальной жизни.

Для темы, объединяющий теорию и практику банкротства граждан, необходим комплекс методов:

– Анализ и синтез. Разделение института банкротства на отдельные части (стадии, процедуры).

– Формально-юридический. Анализ норм Закона о банкротстве, их буквального смысла.

– Сравнительно-правовой. Сравнение Российского законодательства с историческим опытом зарубежных стран.

– Метод правового регулирования: разработка конкретных предложений и поправок, для изменения действующего законодательства.

– Анализ судебной практики: изучение постановлений Пленума Верховного Суда РФ и определений судов по конкретным делам для выявления системных ошибок и противоречий.

Гипотеза исследования по мнению автора заключается в том, что в законе существуют большие «пробелы», а некоторые должники ими недобросовестно пользуются. Например, прячут активы, проводят хитрые сделки перед процедурой банкротства, и в итоге списывают долги нечестно, хотя по факту деньги у них есть.

Автор считает, что данную ситуацию можно исправить двумя способами:

1. Строже контролировать процесс.

Арбитражный управляющий должен реально все проверять: счета, имущество, сделки, а не просто формально ставить галочки.

2. Прописать четкие правила, как оспаривать сделки.

Для того, чтоб было понятно: какие операции должника можно отменить, по каким признакам их выявлять и доказывать, что это попытка спрятать деньги.

То есть идея автора заключается в том, чтоб сделать контроль жестче, а правила детальнее. Тогда лазеек для махинаций станет намного меньше.

Общая часть

Институт несостоятельности (банкротства) граждан введен в Российской Федерации с 01.10.2015, с момента вступления в законную силу изменений в Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) (далее- Закон о банкротстве)» [1].

Институт банкротства помогает человеку выбраться из долговой ямы. Он перестаёт чувствовать, что загнан в угол, и получает возможность начать заново. А кредиторы при этом могут вернуть хотя бы часть денег, для этого есть специальный правовой порядок.

Своими корнями институт несостоятельности уходит в далекое прошлое. Первые отголоски конкурсных отношений можно обнаружить в римском праве.

В Древнем Риме долги взыскивали жёстко, вплоть до расправы над самим должником, а потом постепенно стали забирать имущество.

В России первые правила про долги были ещё в «Русской правде». Когда человек не мог расплатиться, его могли продать на торгу, а деньги раздать кредиторам. При Петре I подход стал расчетливее, цель уже не столько наказать должника, сколько вернуть деньги кредиторам. Сильно влияли и иностранные нормы. Потому что в крупных делах часто участвовали зарубежные кредиторы.

Большой шаг вперёд сделали в 18–19 веках. Там появились специальные суды, кураторы, собрания кредиторов. В 1800 году выпустили Устав о банкротах, который делил несостоятельность на несчастную, неосторожную

и злостную. Позже, в 1832 году, приняли новый устав — он работал вплоть до 1917 года.

После революции институт банкротства почти исчез: в плановой экономике он был не нужен. Лишь в период НЭПа суды иногда применяли старые нормы, но полноценного механизма не было. Эпоха «новая экономическая политика (НЭП)», которая продлилась 8 лет, с 1921 по 1929 года. В этот период появились частные предприниматели хозрасчетные госпредприятия, в Гражданском кодексе РСФСР 1922 и 1923 года прописали правила банкротства. Закон различал «несчастную» несостоятельность (из-за стихии, кризиса) и «злонамеренную» (сокрытие имущества, мошенничество) — за вторую полагалась уголовная ответственность.

Вернулся институт уже в 1990е с новыми законами о банкротстве, которые постоянно дорабатывали. Сейчас действует закон 2002 года, а с 2015го в него добавили и банкротство обычных граждан.

После революции понятия несостоятельности в праве не было. В годы НЭПа суды разбирали дела о неплатёжеспособных должниках по старому Уставу 1832 года. В 1922 году в Гражданский кодекс добавили нормы о несостоятельности, но механизма их применения не прописали, поэтому толку не было.

В 1927 году в процессуальный кодекс внесли отдельную главу о несостоятельности. Дела рассматривали как иски в течение года, а управляли процессом государственные органы, а не кредиторы. Главная цель тогда была не защитить кредиторов, а сохранить пользу для хозяйства в целом.

Когда НЭП закончился, институт банкротства почти перестали применять. В плановой экономике с господствующей госсобственностью он был не нужен.

Когда история переходила к рынку, ситуация изменилась. Кризисы начали учащаться, банкротов становилось все больше. В этот момент стало понятно, что нужны четкие правила.

В 1992 году приняли закон о банкротстве предприятий, который начал свою работу в марте 1993 года. Его задача — это выводить из оборота неплатёжеспособные компании, в том числе через ликвидацию, если спасти бизнес не получается. Рассматривать такие дела стали арбитражные суды.

В 1993 году, как только закон о банкротстве вступил в силу, кредиторы массово понесли в суды заявления с целью признать предприятие банкротом. И поток дел быстро рос, если в 1993м рассмотрели чуть больше 100 дел, то к 1997 году уже 4 320. Число самих банкротов за эти годы выросло с 50 до 2 200, а в 1997 году ещё в 850 случаях суды пытались спасти компании через реорганизацию.

На первых порах даже привлекали американских экспертов. У них был самый большой опыт. Главная проблема была в самом определении банкротства. Несостоятельным признавали, только если долги превышали стоимость имущества. Получалось, что крупные фирмы могли годами не платить кредиторам и не становиться банкротами. Ведь главное, чтобы на бумаге активы «покрывали» долги. Если имущество было на деле неликвидным, закон это не учитывал.

Ещё мешал сложный порядок подачи заявлений. Кредитор обязан был сначала письменно предупредить должника и доказать, что письмо вручено. Если должник сменил адрес или просто уклонялся, суды отказывались принимать дело. В итоге закон быстро признали несовершенным и уже в 1998 году заменили новым.

По закону главный признак банкротства — это неплатёжеспособность. Должник не может платить по счетам или вносить обязательные платежи, и это тянется уже три месяца.

При расчёте долга учитывают не только основную сумму, но и штрафы, пени, неустойки и убытки. Как только должника признают банкротом и откроют конкурсное производство, начисление штрафов и процентов останавливается.

Чтобы суд начал дело о банкротстве, долг должен быть не меньше установленного минимума (сейчас для юридических лиц — от 300 000 руб., для граждан — от 500 000 руб.). Размер долга считают подтверждённым, если есть решение суда или документы, где должник сам признал долг (например, акт сверки, ответ на претензию).

Должник может либо сам заявить о банкротстве, либо его признают банкротом по решению суда.

Сегодня банкротство — это уже не просто «всё пропало». За последние годы оно стало своего рода инструментом, который помогает держать баланс. Должнику не дать окончательно провалиться, и кредиторам не остаться ни с чем. В разных странах к этому подходят поразному. Смотреть на чужой опыт полезно. Потому что будет понятно, какие решения реально работают, а какие в других условиях просто не приживутся. Поэтому автор начинает анализ с того, как устроены эти процессы в США, Германии, Великобритании. Для того чтобы потом понять, что из этого можно взять на заметку, а что точно не сработает у нас.

В США банкротство для обычного человека — это способ легально начать заново, если совсем нечем платить по долгам. Основа тут, федеральный Кодекс о банкротстве. Есть два главных пути:

– Глава 7 — по сути, «обнуление». Имущество (кроме самого необходимого) продают, а оставшиеся долги списывают.

– Глава 13 — не списание, а план выплат. Человек отдаёт долги частями в течение 3–5 лет, при этом имущество обычно сохраняют.

С 2005 года правила стали строже (закон BAPCPA). Теперь, чтобы попасть на «обнуление» по главе 7, нужно пройти тест на платёжеспособность. Если доход выше среднего по штату, суд скорее отправит в главу 13. Ещё обязательно пройти консультации с кредитным советником до подачи заявления и курс финансовой грамотности, без этого процедуру не завершат.

При этом не все долги можно списать. Например, студенческие кредиты почти всегда остаются (исключение —

если доказать, что платить по ним вообще невыносимо тяжело). С налогами тоже нюанс, свежие (примерно за последние три года) не спишут, а старые могут, если выполнены условия.

В середине 2000 г. в США ежегодно банкротилось около 2 миллионов человек, это был пик. После ужесточения правил число резко упало. В 2022 году было уже примерно 380 тысяч заявлений. Сейчас цифры понемногу растут, но до прежних максимумов далеко.

Итак, в США право гражданина на банкротство является одним из конституционных прав, что обусловлено защитой экономического состояния гражданина, как наиболее слабой стороны [2].

В Германии процедура банкротства регулируется положением о несостоятельности 1999 года.

Главное в данном законе — так называемый период «добросовестного поведения». Человек, признанный банкротом, должен вести себя определённым образом, чтобы в итоге списать долги. Раньше этот период длился шесть лет, но после реформы 2020–2021 годов его сократили до трёх лет.

В эти три года должник обязан:

– отдавать часть своего дохода кредиторам;

– активно искать работу;

Если он этого не делает, долги ему не спишут.

В Германии нет защиты единственного жилья, его могут продать, чтобы покрыть долги. Из всего имущества человеку оставят только самое необходимое для жизни.

При этом нет какойто минимальной суммы долга, с которой можно начинать процедуру. Сколько бы ни задолжал человек, дело всё равно рассмотрят в обычном суде.

Британское законодательство о банкротстве, одно из самых старых в мире. Началось с Акта о банкротстве 1914 года, а сейчас действует закон от 1986 года.

Система там устроена так, что в первую очередь защищают интересы кредиторов. Если человек признаётся банкротом, почти всё его имущество (в том числе единственное жильё) переходит под контроль специального управляющего, а его могут называть траст или суперинтендант.

Сама процедура не затягивается, обычно укладывается примерно в год. Но последствия ощущаются долго. Примерно пять лет человек остаётся с официальным статусом банкрота. Изза этого ему нельзя занимать руководящие посты и работать в некоторых профессиях. Например: брокером, агентом по недвижимости или юристом. Ещё появляются сложности с получением кредитов, а в отдельных случаях могут быть и ограничения на выезд за границу.

До 2015 года в России граждане-должники (кроме ИП) не могли быть признаны банкротами вообще. С 1 октября 2015 года заработала глава X Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Важным этапом стал Федеральный закон № 289-ФЗ от 31.07.2020, введший с 1 сентября 2020 года внесудебное банкротство через МФЦ.

Судебное банкротство гражданина включает три процедуры: реструктуризацию долгов, реализацию имущества и мировое соглашение. Обязательные условия возбуждения по заявлению должника: долг не менее 500 000 руб., и просрочка свыше трёх месяцев.

Основные обязательные затраты должника.

Вознаграждение финансового управляющего. Это ключевая обязательная статья. Фиксированная сумма — **25 000 рублей за одну процедуру** (реструктуризацию долгов или реализацию имущества). Если суд последовательно введёт обе процедуры, только по этой статье выйдет **50 000 рублей**. Важное изменение 2026 года. Теперь депозит вносят **после того, как суд принял заявление к производству, но до первого заседания.** Откладывать платёж нельзя, но и отдельной нормы об отсрочке в законе больше нет, так как суд не обязан её предоставлять. Кроме фиксированной части, финансовый управляющий получает **7 % от суммы, вырученной при реализации имущества.**

Нужно размещать сведения в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (ЕФРСБ, «Федресурс») и в газете «Коммерсантъ». В 2026 году тариф за одно сообщение в ЕФРСБ — 560,55 рубля (включая НДС). В «Коммерсанте» оплата идёт за квадратный сантиметр текста, итоговая сумма зависит от объёма объявления. В среднем на публикации за всю процедуру уходит примерно 13 000–15 000 рублей.

Финансовый управляющий обязан направлять уведомления кредиторам, банкам и государственным органам. Сумма зависит от числа участников, в среднем это 3 000–5 000 рублей.

Что может добавиться в зависимости от ситуации.

Оценка имущества и организация торгов. Если у должника есть активы, которые нужно включить в конкурсную массу и продать, потребуются услуги оценщика и оплата работы электронной площадки.

Если в ходе дела возникнут споры (например, управляющий или кредиторы захотят оспорить какую-то сделку должника), суд может назначить экспертизу, это отдельная статья расходов.

Если в процессе возникают дополнительные судебные тяжбы (например, по отдельным вопросам дела), появляются новые издержки на представительство.

Должник при подаче заявления о собственном банкротстве госпошлину не платит. Это правило действует с сентября 2024 года. А вот если заявление подаёт кредитор (физическое лицо), он должен уплатить пошлину, 10 000 рублей, для юридического лица сумма выше.

Упрощённый порядок (ст. 223.2 закона № 127-ФЗ) доступен при долге от 25 000 до 1 000 000 руб. (порог вырос с 500 тыс. руб. с ноября 2023 г.) при одном из оснований:

– исполнительное производство прекращено по п. 4 ч. 1 ст. 46 ФЗ № 229 из-за отсутствия имущества;

– единственный доход — пенсия, а исполнительный лист не исполнен более года;

– получатель детских пособий с аналогичной «неисполненной» задолженностью;

– исполнительное производство длится более семи лет без погашения;

– с 2025 года — участники СВО (по справке, без срока давности).

Процедура бесплатна, длится ровно шесть месяцев, имущество не реализуется. На период процедуры действует мораторий на взыскания и запрет на новые займы. Кредитор вправе перевести дело в судебное русло, если обнаружит сокрытое имущество или доход. Повторное внесудебное банкротство возможно через пять лет, а ранее было десять лет.

В течение пяти лет гражданин обязан сообщать кредиторам о факте банкротства. В этот же срок он не может повторно инициировать процедуру, а бывший ИП — вновь регистрироваться в этом статусе. Не списываются долги по алиментам и возмещению вреда жизни и здоровью.

За десять лет действия механизма суммарно более 2,2 млн россиян прошли процедуры.

При этом социальный профиль процедуры показателен. В 94 % дел у должников нет имущества. Для расчётов, в 73 % случаев кредиторы в итоге не получают ничего. Так как чаще банкротятся женщины (56 % судебных и 66 % внесудебных процедур за 10 мес. 2025 г.), а ядро составляют граждане 25–54 лет [3].

Главные проблемы процедуры банкротства:

1. Судебная процедура банкротства дорогая, людям с небольшими долгами она не по карману. Внесудебное банкротство (бесплатное) сильно помогает решить эту проблему.

2. Кредиторам почти ничего не возвращают, чаще всего у должников нет имущества. Поэтому банкротство работает, как способ помочь человеку и начать с чистого листа, а не как инструмент взыскания долгов.

3. Условия для внесудебного банкротства через МФЦ очень жёсткие (нужно, чтобы исполнительное производство было закрыто, а дохода не было). Изза этого многие не могут воспользоваться процедурой — и появляются мошенники, которые обещают «помочь» за деньги.

4. Семья должника слабо защищена. Имущество, которое считается общим (например, совместное с супругом), могут включить в конкурсную массу и продать.

Последние три года институт банкротства физических лиц демонстрирует взрывной рост. По данным Федресурса, в 2025 году в судебном порядке статус банкрота получили 567 997 граждан, что на 31,5 % превышает показатели 2024 года. Внесудебная процедура через многофункциональные центры охватила 68 311 должников, прирост здесь составил 22,9 % [4].

Совокупное число финансово несостоятельных россиян, начиная с 2015 года, превысило 2,2 миллиона человек — цифра, которая фиксирует не просто статистический всплеск, но масштабную трансформацию отношений между гражданами и кредитными организациями.

В 2023 году было возбуждено около 399 675 дел о банкротстве граждан, тогда как в 2021-м их насчитывалось всего 226 625 [5].

Что российские юристы предлагают взять на заметку из-за рубежа:

– Из США — обязательную консультацию перед банкротством. Перед подачей заявления должник встречается с кредитным консультантом, и проходить курс финансовой грамотности. Идея в том, чтобы банкротство было не первым, а последним шагом после попыток разрулить долги.

– Из Германии — сместить акцент с «продать имущество и раздать кредиторам», на сохранение бизнеса и восстановление платёжеспособности должника.

– Из Великобритании и США — упростить выбор финансового управляющего, и сделать саму процедуру быстрее и дешевле.

Общая классификация трудностей банкротства:

– **Проблемы в законе.** Ключевые понятия размыты. «Добросовестность» должника нигде не расшифрована, поэтому суды в одинаковых ситуациях решают по-разному. Единственное жильё забирают не по чётким правилам, а «на глазок», смотрят слишком дорогое или нет. Внесудебное банкротство доступно не всем. Если долг меньше 25 тысяч или больше миллиона, то будет отказ.

– **Организационная волокита.** Суды перегружены, сложные дела тянутся по 3–4 года. Должнику нужно собрать гору документов: справки, списки кредиторов, все сделки за три года. Плюс вечные споры вокруг имущества: что делить с супругом, как продать то, что никто не покупает, как вообще попасть в квартиру должника. И финансовых управляющих не хватает.

– **Человеческий фактор.** Многие просто не знают, что банкротство вообще существует, и живут с долгами дальше. Другие, наоборот, пытаются спрятать доходы и переписать имущество на родню, перед подачей заявления. А честные должники рискуют на ровном месте. Если забыли указать какой-нибудь старый долг, то можно получить отказ.

– **Деньги и последствия.** Пять лет нельзя банкротиться снова, при обращении за кредитом надо отчитываться о прошлом банкротстве, а на руководящие посты три года путь закрыт.

Дело № Дело № А32–59114/2021–16/Б от 24.10.2022 [6]

Вахнина Наталья Васильевна — имела долг в сумме 466 646,40 руб. перед 1 кредитором: Аристов Дмитрий Викторович.

Вахнина Наталья Васильевна обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании себя несостоятельным (банкротом). Обращение было через компанию «Раздоров и компания».

Решением Арбитражного суда Краснодарского края от 28.04.2022 г. должник признан несостоятельным (банкротом), в отношении должника введена процедура реализации имущества гражданина, финансовым управляющим утвержден Суслов Сергей Николаевич.

Сообщение о введении в отношении должника процедуры реализации имущества опубликовано в газете «Коммерсантъ» 21.05.2022 г. Управляющий должника

представил сведения об отсутствии у должника имущества. Он сообщил, что мероприятия по формированию конкурсной массы завершены, источники пополнения конкурсной массы отсутствуют.

Как следует из отчета управляющего от 10.10.2022, в реестр требований кредиторов включена задолженность в размере 1 209, 65 руб., требования кредиторов не были удовлетворены. Вместе с тем, доказательства того, что у должника имеется какое-либо имущество, которое может быть реализовано для получения средств, направляемых на погашение требований кредиторов, в деле отсутствуют. Также отсутствуют доказательства наличия каких-либо иных источников пополнения конкурсной массы. Установленные судом обстоятельства в совокупности свидетельствуют о наличии оснований для завершения процедуры реализации имущества гражданина. Признаков неразумного и недобросовестного поведения на стороне должника не установлено. По материалам дела не усматривается, что должник скрывал необходимую информацию либо предоставил недостоверные сведения, касающиеся осуществления мероприятий процедуры.

Позиция Верховного суда РФ в данной ситуации — если в материалах дела действительно нет доказательств наличия у должника имущества, которое можно реализовать для расчётов с кредиторами, а также нет признаков иных источников пополнения конкурсной массы (например, оспариваемых сделок, дебиторской задолженности, которую можно взыскать), то у суда есть основания завершить процедуру реализации имущества.

Дело № А68–10357/2022 от 02.08.2023 года [7]

Должник: Рышков Владислав Геннадьевич, общая сумма долга: 1243309,83 руб.

Решением арбитражного суда Тульской области от 02.11.2022 Рышков Владислав Геннадьевич признан несостоятельным (банкротом), в отношении должника введена процедура реализации имущества гражданина сроком на шесть месяцев. Финансовым управляющим утвержден Малиев Р. Г.

Сообщение о признании должника несостоятельным (банкротом) и введении процедуры реализации имущества гражданина размещено в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве 07.11.2022 (сообщение № 10031853).

На основной счет должника за период процедуры поступили денежные средства в размере 48333,33 руб. от реализации совместно нажитого имущества. Должник не трудоустроен, дохода не имеет. Конкурсная масса сформирована в размере 48333,33 руб. Реестр требований кредиторов сформирован в общей сумме 1243309,83 руб. Расходы за проведение процедуры реализации имущества гражданина составили 48191,73 руб. Погашены частично за счет конкурсной массы. Финансовый управляющий в ходатайстве о завершении отметил, что Должник в ходе проведения процедуры реализации имущества действовал принципам добросовестности и разумности, финансовому управляющему в получении достоверных документов не препятствовал, обязанности по передачи всех необходимых документов финансовому управляющему выполнил в полном объеме, каких-либо скрытых фактов от должника Финансовым управляющим в процессе исполнения своих обязанностей не выявлено, в связи с 2 чем, злоупотребления правом и фактов недобросовестности со стороны Должника не усмотрено, равно как и жалоб на действия (бездействия) в суд не поступало. Имущество, составляющее конкурсную массу и не реализованное финансовым управляющим, отсутствует.

Позиция Верховного суда в данной ситуации

В Обзоре судебной практики по делам о банкротстве граждан (утверждён Президиумом ВС РФ 18.06.2025) закреплён такой подход: право на освобождение от долгов даётся «честному должнику». То есть тому, кто:

– оказался в затруднительном финансовом положении без умысла навредить кредиторам;

– был открыт к взаимодействию с управляющим, судом и кредиторами;

– активно содействовал проверке своего имущественного положения: помогал искать активы, предоставлял документы, объяснял операции.

В ходатайстве управляющий как раз фиксирует, что должник не препятствовал получению документов, выполнил обязанности по их передаче, а сам управляющий в ходе проверки не выявил скрытых фактов. То есть по факту картина совпадает с тем стандартом, который закладывает Верховный Суд: есть сотрудничество, нет выявленных злоупотреблений.

При этом ВС подчёркивает: суд не должен подходить формально. Даже если формально управляющий не нашёл нарушений, судья всё равно в целом оценивает материалы дела: не было ли в прошлом подозрительных сделок, не было ли попыток скрыть доходы, не противоречило ли поведение должника в целом стандарту добросовестности. Но если в деле действительно нет «красных флагов», а есть только подтверждение сотрудничества и отсутствия выявленных нарушений, позиция Верховного Суда работает в пользу завершения процедуры и последующего освобождения от долгов.

Анализ предложения других авторов, которые занимались исследованием по данной теме:

К. А. Абдуллаев (диссертационное исследование) указывает, что п. 1 ст. 213.4 Закона о банкротстве фактически не создаёт реальной обязанности гражданина обратиться с заявлением. Признаков недостаточности имущества и неплатежеспособности недостаточно, нужен ещё порог в 500 тыс. рублей. Его предложение, прямо закрепить обязанность обращения при признаках неплатежеспособности либо недостаточности имущества и скорректировать ст. 25 ГК РФ, приведя её в соответствие с главой X Закона № 127-ФЗ. Это закрывает типичную ошибку правоприменения, когда суды формально оценивают «неза-

конность бездействия» должника при объективно неопределённом моменте наступления обязанности.

С. А. Карелина и И. В. Фролов жёстко фиксируют, что потребительское банкротство вводилось в первую очередь в интересах банковского сектора и под давлением ЦБ, а не «в помощь малообеспеченным». Отсюда практический вывод для реформы. Если закон декларирует социальную реабилитацию должника, он должен реально её обеспечивать, иначе декларация и правоприменение расходятся.

Авторы единодушны: судебное банкротство стоит 50–300 тыс. рублей, а реструктуризация долгов на практике почти не работает.

Президиум ВС РФ закрепил его в п. 63 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан от 18.06.2025: суды вправе освободить должника от обязательств перед одними кредиторами (перед которыми он действовал добросовестно) и сохранить долг перед теми, против кого допустил недобросовестность. Автор вносит предложение, закрепить данный пробел закона — текстуально.

Анализ литературы показывает, авторы сходятся в том, что текущая модель содержит системные изъяны. Они мешают институту выполнять заявленные социальные функции. Главные линии споров — это **противоречие между заявленной социальной целью института потребительского банкротства, и его реальным механизмом.** Наиболее убедительной представляется позиция С. А. Карелиной современное банкротство — это не «казнь» должника, а механизм восстановления его платёжеспособности с балансом интересов должника и кредиторов. Именно этот подход и заложен в действующий Закон № 127-ФЗ, хотя спор о разграничении понятий в доктрине продолжается.

Выводы

В 2015 году в России начало работать банкротство обычных граждан, и за десять лет оно из экзотики превратилось в уже привычный инструмент в России. Тысячи людей через него избавляются от долгов, которые не в силах отдать. Главная задача выполнена, честный должник получил возможность «начать новую жизнь». Также как кредиторы вместо любимых «выбиваний» получили понятный порядок взыскания.

Самая болезненная проблема — это дороговизна процедуры банкротства. Услуги финансового управляющего, публикации, госпошлина суммируются в десятки тысяч рублей. Но рассчитана процедура на людей, у которых как раз денег нет. Суды по-разному решают вопрос с оплатой, а внесудебное банкротство через МФЦ, которое формально бесплатное, закрыто для большинства людей. Причиной отказов является сумма долгов и другие условия.

Вторая проблема — это недобросовестность с обеих сторон. Часть должников заранее переписывают имущество на родню, рисует несуществующие долги перед «своими» кредиторами. Также кредиторы отвечают аналогично: затягивают процесс и оспаривают сделки не по существу, а чтобы просто подольше держать должника в напряжении.

Очень много споров вокруг оспаривания сделок. Суды не сходятся в понимании, что такое «подозрительная» сделка, и как быть с добросовестным супругом, как разделить общее имущество. Итог дела часто зависит не от буквы закона, а от судьи. Потому что единого мнения в практике нет.

Итог такой: механизм работает, но с большими недочетами, и его нужно доводить. Автор представляет такие решения: сделать расходы на процедуру гибче и посильнее, раздвинуть границы внесудебного банкротства, четко определить критерии оспаривания сделок и правила обращения с общим имуществом супругов.

Законодательство продолжает меняться, и это хороший знак. Потому что система подстраивается под реальность, а не живет отдельно от нее.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»
2. Варнавский, В. К. Институт банкротства физических лиц в зарубежных странах: мировой опыт США, Англии, Германии / В. К. Варнавский. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 46 (441). — С. 191–193. — URL: https://moluch.ru/archive/441/96328.
3. Статистика банкротства физических лиц за 2025 год. РБК Компании. URL:https://companies.rbc.ru/news/bfyHP-PIguU/statistika-bankrotstva-fizicheskih-lits-za-2025-god/ (дата обращения: 29.05.2026).
4. Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса. Итоги 2025 года. URL: https://download.fedresurs.ru/news/Статбюллетень %20банкротство %202025 %20Федресурс.pdf (дата обращения: 29.05.2026).
5. Мозговенко, А. В. Банкротство физических лиц: проблемы теории и практики / А. В. Мозговенко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 30 (633). — С. 149–154. — URL: https://moluch.ru/archive/633/139463.
6. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 24 октября 2022 г. по делу № = А32–59114/2021–16/Б // Картотека арбитражных дел (kad.arbitr.ru).
7. Решение Арбитражного суда Тульской области от 02 августа 2023. по делу № = А68–10357/2022 // Картотека арбитражных дел (kad.arbitr.ru).

Правовое регулирование обременений в сделках с объектами культурного наследия: пробелы закона и позиция верховного суда

Дробинская Марина Вадимовна, студент магистратуры
Научный руководитель: Болдырев Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье анализируется правовой режим обременения объектов культурного наследия, подчеркнуто, что обременения сохраняются при переходе прав на ОКН. В работе подробно освещены понятие и содержание охранных обязательств в отношении объектов культурного наследия, раскрыта их правовая природа как публичноправовых обременений. Отдельное внимание уделено противоречию между частными интересами собственников и публичноправовыми интересами сохранения объектов культурного наследия, рассмотрены такие пробелы законодательства, как проблема неопределённости термина «правообладатель» в законе, отсутствие чёткого механизма перехода охранных обязательств при смене правообладателя. Проанализирован судебная практика по спорам о распределении обязанностей по сохранению памятников между правообладателями. Актуальность темы обусловлена значительным количеством объектов культурного наследия в Российской Федерации, что определяет необходимость четкого правового регулирования их оборота.

Ключевые слова: *объекты культурного наследия, обременения, охрана, требования, правомочия, льготы, имущество.*

Legal regulation of encumbrances in transactions with cultural heritage objects: gaps in the law and the position of the Supreme Court

Drobinskaya Marina Vadimovna, master's degree student
Scientific advisor: Boldyrev Vladimir Anatolyevich, doctor of law, professor
North-West Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (St. Petersburg)

The article analyzes the legal regime governing encumbrances on cultural heritage objects and emphasizes that such encumbrances persist when rights to cultural heritage objects are transferred. The work provides a detailed description of the concept and content of protective obligations in relation to cultural heritage objects and reveals their legal nature as publiclaw encumbrances. Special attention is paid to the contradiction between the private interests of owners and the publiclaw interests in preserving cultural heritage objects; such legislative gaps as the problem of the uncertainty of the term "right holder" in the law and the lack of a clear mechanism for the transfer of protective obligations upon a change of the right holder are examined. The judicial practice regarding disputes over the distribution of responsibilities for the preservation of monuments among rights holders has been analyzed. The relevance of the topic is due to the significant number of cultural heritage sites in the Russian Federation, which determines the need for clear legal regulation of their circulation.

Keywords: *cultural heritage sites, encumbrance, conservation, requirements, powers, benefits, property.*

Под «культурным наследием» понимаются нормы, ценности, установления и традиции, транслируемые от предков к потомкам, оно включает в себя совокупность материальных и духовных свершений человечества, его исторический опыт, который остаётся в памяти общества.

По мнению М. Е. Кулешовой, «культурное наследие следует понимать как информационный потенциал, воплощенный в различных проявлениях — будь то вещественные артефакты или исторические факты». Такая совокупность знаний и смыслов необходима человечеству для его последующего развития, ее необходимо сберечь для передачи последующим поколениям [2].

Как отмечает Ю. А. Закунова, «объекты культурного наследия являются символами и свидетельствами минувших эпох, они способны рассказать о цивилизациях и историко-культурных образах прошлого» [1].

В соответствии со ст. 48 Федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия…») (далее — Закон об ОКН) объекты культурного наследия Российской Федерации могут находиться в государственной, муниципальной и частной собственности (граждан или организаций). Независимо от формы собственности, на правообладателей таких объектов возлагаются обязанности по их сохранению.

В пункте 6 статьи 48 Федерального закона от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» закреплён правовой механизм, согласно которому ограничения (обременения) прав, установленные в отношении объекта культурного наследия, включённого в реестр, выявленного объекта культурного наследия либо земельного участка, в границах которого располагается объект археологического наследия, сохраняют свою силу при последующем переходе права собственности или иных вещных прав на указанные объекты к другому лицу. Эти ограничения, носят публичноправовой характер и призваны обеспечить сохранность объекта вне зависимости от смены собственника, при переходе права собственности к любому другому лицу, в том числе в случаях обращения взыскания или банкротства.

Ограничения (обременения) правообладателей ОКН указаны в ст. 47.2–47.4 Закона об ОКН и в охранных обязательствах. Охранное обязательство принимается в одностороннем порядке уполномоченным органом, утверждается актом федерального или регионального органа охраны объектов культурного наследия (п. 7 ст. 47.6 Закона об ОКН), этот же орган этот же вносит в него изменения. Правообладатель объекта культурного наследия никак не может повлиять на его содержание, а лишь уведомляется о его утверждении. За нарушение применяется административная ответственность (ст. 61 Закона об ОКН).

В соответствии со ст. 47.6. Закона об ОКН к ним относятся требования: к сохранению ОКН (ст. 47.2), к содержанию и использованию в случае угрозы ухудшения состояния (п. 4 ст. 47.3), к обеспечению доступа (ст. 47.4), к размещению наружной рекламы на ОКН и их территориях, к установке информационных надписей и обозначений на ОКН в соответствии со ст. 27 и в сроки, указанные в акте технического состояния. Кроме того, реставрировать объект культурного наследия, будь то уже включённый в реестр или только выявленный имеют право лишь лицензированные исполнители (организации либо ИП, у которых есть соответствующая лицензия).

Такие ограничения весьма ощутимо стесняют права собственника в части владения, использования и распоряжения имуществом.

Такая правовая конструкция на практике порождает противоречия между частноправовыми интересами собственников объектов культурного наследия и публично-правовыми интересами государства и общества, направленными на сохранение таких объектов как важнейших культурных артефактов. При совершении гражданско-правовых сделок с объектами культурного наследия требуется одновременно обеспечить реализацию имущественных прав правообладателя и гарантировать сохранность объекта.

Проблема заключается в том, что статьи 47.2–47.4 Закона об ОКН оперируют термином «правообладатель», не определяя его содержание применительно к разным титулам владения. В результате орган охраны может адресовать охранное обязательство и арендатору, и собственнику, и, вероятно, любому лицу, фактически использующему объект. Кроме того, Закон об ОКН не прописывает чётко, как именно и в какой момент охранные обязательства переходят к другому правообладателю, кто отвечает за исполнение в «переходный» период и как это должно фиксироваться в договорах, что нередко приводит к судебным спорам, в том числе о распределении обязанностей по сохранению исторических памятников, об условиях их отчуждения и так далее.

Так, Департамент культурного наследия г. Москвы (далее — Департамент) обратился в Арбитражный суд г. Москвы с иском к ООО «Альтавир» об обязании выполнить работы по сохранению объекта культурного наследия. Основанием иска послужило неисполнение обществом публично-правовой обязанности по сохранению памятника. Письменным актом технического состояния от 26.10.2018 № ДКН-16–44–2664/8 был определён перечень работ и сроки их выполнения, которые ответчик не выполнил.

Параллельно Департамент подал заявление об обеспечительных мерах: запретить ООО «Альтавир» совершать действия, направленные на отчуждение объекта; запретить Управлению Росреестра по Москве осуществлять любые регистрационные действия (регистрацию перехода права собственности, сделок, обременений) в отношении здания церкви.

Суд первой инстанции (АС г. Москвы, определение от 24.11.2021) — отказал в обеспечительных мерах в полном объёме. Суд указал, что обеспечительные меры ограничат правомочия ответчика как собственника, а при переходе права собственности здание останется объектом культурного наследия, и новый собственник приобретёт обязанности по его сохранению.

Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.01.2022 судебный акт суда первой инстанции был отменён. Заявленные требования удовлетворены частично, в рамках принятого решения Росреестру запрещено совершать регистрационные действия в отношении спорного объекта. Кассационная инстанция (АС Московского округа, постановление от 11.04.2022) — оставила постановление апелляции без изменения. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления апелляционной и кассационной инстанций и подтвердила законность решения суда первой инстанции.

Апелляционная и кассационная инстанции исходили из логики «защиты публичного интереса здесь и сейчас», если собственник не исполняет обязанности, необходимо запретить ему продать объект, иначе государство потеряет возможность добиться принудительного исполнения обременения. Первая инстанция и ВС РФ отметили, что охранное обязательство — это обременение объекта культурного наследия, а не личное обязательство собственника. И нет необходимости в этом случае запрещать сделку купли продажи объекта культурного наследия [3].

АНО «Центральный ордена Дружбы народов Дом работников искусств» (ЦДРИ) арендует часть здания, признанного объектом культурного наследия — «Зал, в котором Ленин Владимир Ильич выступал на III Всероссийском съезде Советов народного хозяйства и на II Всероссийском съезде профсоюзов медико-санитарного труда в 1920 г».. подала иск к Департаменту культурного наследия Москвы (Мосгорнаследию), требуя отменить возложенную на неё обязанность финансировать реставрацию арендуемого помещения, поскольку, что договор аренды не предусматривал подобных расходов. Арбитражный суд города Москвы решением от 05.05.2017 отказал ЦДРИ в удовлетворении заявленных требований. Суд установил, что организация пользуется частью помещений объекта культурного наследия федерального значения на основании арендного договора, и на этом основании счёл обоснованным возложение на арендатора обязанности исполнять требования охранного обязательства, включая консервацию, ремонт, реставрацию.

Постановление 9-го ААС от 23.08.2017 — решение оставлено без изменения. Постановление АС Московского округа от 28.11.2017 — оставлено без изменения. Определением СК по экономическим спорам ВС РФ от 28.05.2018 № 305-КГ17–23190 — все три судебных акта отменены, заявление ЦДРИ удовлетворено. Действия департамента признаны незаконными. ВС указал, что обязанности по сохранению ОКН должны быть возложены на собственника, а не на арендатора.

Здесь интересно, что три судебные инстанции единогласно возложили обязанность на арендатора только потому, что он фактически пользуется помещением и, по логике нижестоящих судов, должен нести ответственность за его состояние. Однако, ВС РФ отметил, что охранное обязательство — это публично-правовое обременение, а не частноправовой договор подряда. Оно возникает не из договора аренды, а из факта включения объекта в реестр. Арендатор не вступал в отношения с государством по сохранению памятника и не давал согласия на такое обременение. Собственник же, приобретая объект, знал (или должен был знать) о его статусе и принял на себя соответствующие обязанности. Следовательно, обременение должен нести собственник.

После признания предписания недействительным административный штраф 400 000 руб., наложенный на ЦДРИ, был отменён, производство по делу об административном правонарушении прекращено в связи с отсутствием состава правонарушения [4].

Собственник помещений в здании-памятнике (ПАО «Талион») передал их в залог банку (ПАО «Банк «Санкт-Петербург»). Собственник обратился в суд, потребовав признать договор ипотеки ничтожным, ссылаясь на п. 7 ст. 48 Закон об ОКН, поскольку этот договор не содержит условие о выполнении охранного обязательства приобретателем.

Суд установил, что договор ипотеки не предполагает непосредственной передачи права собственности, поэтому положения п. 7 ст. 48 Закон об ОКН к нему не применяются. При передаче в залог смена собственника не происходит. Предмет остаётся у залогодателя, на нём и лежит обязанность. При обращении взыскания и продаже на торгах право собственности перейдёт к новому собственнику по договору купли-продажи. Само по себе неуказание в договоре ипотеки на обязанность потенциального покупателя исполнять условия охранного обязательства не препятствует достижению целей Закона об ОКН, не ставит объекты культурного наследия под угрозу и потому не может влечь ничтожность договора [5].

Это дело интересно тем, что здесь собственники пытаются использовать пробел в законе для оспаривания сделок по формальному основанию — отсутствия условия об обременении.

Таким образом, ВС РФ в своих разъяснениях постепенно устранял указанные выше пробелы законодательства, закрепив, что охранное обязательство — это не договор подряда, не частноправовое обязательство, а публично-правовое обременение, следующее за вещным правом на объект.

Итак, совокупность императивных требований, закрепленных в Законе об ОКН, существенно меняют классическую модель сделки, превращая ее из простого акта купли-продажи в сложный юридический процесс, сопровождающим принятием на себя публично-правовых обязанностей. Потенциальные приобретатели, оценивая объем предстоящих затрат, перспективу судебных споров, зачастую отказываются от совершения сделок, что негативно сказывается на вовлечении памятников в хозяйственный оборот и их дальнейшей сохранности.

Законодатель закрепил обременение права собственности на объекты культурного наследия, с целью побудить владельцев к ответственному отношению к памятникам. Но на практике объём охранных требований, не подкреплённый никакими стимулами, делает ОКН непривлекательными для частных инвестиций. В результате, объекты культурного наследия редко становятся объектами гражданско-правовых сделок.

Решением проблемы автор считает закрепление в законодательстве инструментов, обеспечивающих баланс частных и государственных интересов. К таковым можно отнести налоговые льготы, компенсации затрат на реставрацию, целевое государственное софинансирование, это поможет сделать владение такими объектами экономически целесообразным. Тогда сохранение объектов культурного наследия станет партнёрством между государством и бизнесом, в котором каждая сторона несёт свою часть нагрузки. Без этого любые ограничения, какими бы обоснованными они ни были, будут работать против той цели, ради которой введены.

Литература:

1. Закунова Ю. А. Подлинные антитезы и мнимые синтезы: опыт российской культурно-цивилизационной альтернативы // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма: Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / отв. ред. В. Н. Расторгуев.— М.: Институт Наследия, 2019.— С. 209–223.
2. Кулешова М. Е. Понятийно-терминологическая система «природное культурное наследие»: содержание и основные понятия // Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов: сборник научных трудов. М.: Изд-во РНИИ культурн. и природн. наследия, 1994. С. 41.
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2022 г. № 305-ЭС22-11746 по делу № А40-227502/2021 // legalacts.ru : Юридическая информационная система. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28102022-n-305-es22-11746-po-delu-n-a40-2275022021/ (дата обращения: 05.10.2026).

4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2018 г. № 305-КГ17-23190 по делу № А40-230582/2016 // legalacts.ru : Юридическая информационная система. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-28052018-n-305-kg17-23190-po-delu-n-a40-2305822016/ (дата обращения: 05.10.2026).
5. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 6 апреля 2021 г. по делу № А56-77082/2020 // СудАкт.ру : Информационно-правовой ресурс. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/4HAp-6cVXHT1T/ (дата обращения: 05.10.2026).

Условия правомерности необходимой обороны: дискуссионные вопросы теории и правоприменения

Желтова Елена Алексеевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Сердюк Александр Александрович, кандидат юридических наук, преподаватель
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье исследуются условия правомерности необходимой обороны и дискуссионные вопросы, возникающие при их установлении в теории уголовного права и судебной практике. Актуальность темы определяется оценочным характером законодательной конструкции ст. 37 УК РФ, вследствие чего правоприменитель вынужден в каждом случае заново решать вопрос о наличии состояния необходимой обороны и о ее пределах. Автор анализирует систему условий, относящихся к посягательству и к защите, показывает, как обновленные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ влияют на квалификацию, и на материале конкретного уголовного дела демонстрирует расхождение между доктринальными подходами и фактическим правоприменением. Отдельное внимание уделено проблеме оценки субъективного восприятия угрозы, разграничению обороны и обоюдного конфликта, а также вопросу о том, вправе ли суд требовать от обороняющегося избегать столкновения. По итогам работы предложена авторская классификация дискуссионных вопросов и сформулированы практические рекомендации.

Ключевые слова: *необходимая оборона, условия правомерности, посягательство, соразмерность защиты, превышение пределов, судебная практика, субъективная сторона.*

Conditions for the legality of necessary defence: discussed issues in theory and law enforcement

Zheltova Elena Alekseevna, master's degree student
Scientific advisor: Serdyuk Alexander Alexandrovich, candidate of law, lecturer
Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University

The article examines the conditions for the legitimacy of necessary selfdefence and the controversial issues that arise when establishing them in the theory of criminal law and judicial practice. The relevance of the topic is determined by the evaluative nature of the legislative structure of Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation, which forces the law enforcement officer to re-evaluate in each case whether the condition of selfdefence exists and what its limits are. The author analyzes the system of conditions related to an attack and to selfdefence, shows how the updated explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation affect the classification, and, using the material of a specific criminal case, demonstrates the discrepancy between doctrinal approaches and actual law enforcement. Special attention is paid to the problem of assessing the subjective perception of a threat, to distinguishing between selfdefence and mutual conflict, and to the question of whether the court has the right to require the person defending themselves to avoid a confrontation. Based on the results of the work, the author proposes a classification of controversial issues and formulates practical recommendations.

Keywords: *necessary defense, conditions of legality, encroachment, proportionality of defense, exceeding the limits, case law, subjective side.*

Введение

Право на необходимую оборону принадлежит к числу естественных прав человека и одновременно выступает уголовно-правовой гарантией их защиты. Законодатель сформулировал ст. 37 УК РФ таким образом, что правомерность причинения вреда посягающему ставится в зависимость от характера посягательства: при насилии, опасном для жизни, допустим любой вред; при ином посягательстве — только вред, не являющийся явно чрез-

мерным. Именно эта двухуровневая конструкция и порождает основные трудности: граница между двумя режимами обороны подвижна, а ее определение зависит от фактической картины происшедшего.

В теории спор о природе необходимой обороны ведется давно, но прикладные вопросы остаются нерешенными. Как отмечает Н. С. Исмаилов, «проблемы толкования понятия «необходимая оборона» обусловлены оценочным характером многих критериев, используемых законодателем, и отсутствием единообразных подходов к их применению» [4, с. 71].

Цель работы — проанализировать условия правомерности необходимой обороны и выявить дискуссионные вопросы, возникающие при их установлении.

Для этого решаются задачи: раскрыть содержание условий, относящихся к посягательству и защите; показать, как эти условия преломляются в разъяснениях высшей судебной инстанции; исследовать конкретное уголовное дело, в котором вопрос об обороне решался судом апелляционной инстанции; предложить пути преодоления выявленных противоречий.

Проблематика условий правомерности необходимой обороны представлена в литературе несколькими направлениями.

Первое направление — теоретико-правовые исследования сущности и условий правомерности необходимой обороны. Н. С. Исмаилов [4] анализирует проблемы толкования понятия «необходимая оборона». К. И. Кичигина [5] исследует необходимую оборону и условия ее правомерности. А. М. Руднев [9] рассматривает условия правомерности причинения вреда при осуществлении необходимой обороны.

Второе направление — исследования пределов необходимой обороны и критериев их превышения. И. Е. Иванченко [3] анализирует проблемы правоприменения, связанные с превышением пределов обороны. И. А. Мацухов [7] исследует форму вины при превышении пределов. А. Носова [8] рассматривает вопросы отграничения правомерной обороны от превышения при покушении на жизнь.

Третье направление — исследования отдельных дискуссионных аспектов института. М. А. Гордеева [2] и М. К. Кумышева, М. М. Османов [6] анализируют разграничение мнимой и необходимой обороны. Э. И. Вильданова [1] рассматривает институт необходимой обороны как основу реализации конституционных прав человека. В. Д. Щетинина [10] исследует злоупотребление правом на необходимую оборону.

Материалы и методы

Эмпирическую базу составили: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 (в редакции от 9 декабря 2025 г.), апелляционное определение Иркутского областного суда от 18 января 2026 г. по делу № 22–103/2026 (22–3635/2025), а также научные публикации по теме.

При написании статьи использованы формально-юридический метод (при анализе норм и разъяснений), метод судебного анализа (при разборе конкретного дела) и метод доктринального обобщения (при формулировании выводов).

Результаты и их обсуждение

Проведенный анализ показывает, что условия правомерности необходимой обороны образуют двухуровневую систему, в которой характер посягательства предопределяет как допустимый объем причиняемого вреда, так и саму возможность постановки вопроса о превышении пределов.

1. Условия, относящиеся к посягательству. Классическая триада — общественная опасность, наличность и действительность — остается неизменной. Общественная опасность означает, что деяние причиняет вред охраняемым уголовным законом интересам либо создает реальную угрозу его причинения. Как указывает К. И. Кичигина, «общественно опасным признается деяние, причиняющее вред охраняемым уголовным законом интересам или создающее реальную угрозу причинения такого вреда» [5, с. 63]. Наличность фиксирует временные рамки: посягательство уже началось либо неминуемо начнется, но еще не завершилось. Действительность исключает ситуации, когда лицо ошибочно полагает, что подвергается нападению, хотя в реальности его нет.

Пленум в п. 2 и 3 постановления № 19 детализирует эти условия применительно к двум режимам обороны. Для ч. 1 ст. 37 УК РФ необходимо, чтобы посягательство в момент совершения создавало реальную опасность для жизни: это может быть причинение вреда здоровью с угрозой для жизни, применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог. Для ч. 2 ст. 37 УК РФ достаточно посягательства, сопряженного с насилием, не опасным для жизни, либо иных деяний, которые могут быть пресечены причинением вреда (например, незаконное проникновение в жилище). Пленум допускает состояние обороны и при реальной угрозе посягательства — с момента, когда посягающее лицо готово перейти к совершению деяния.

2. Условия, относящиеся к защите. Защита должна быть направлена на охрану законных интересов, вред должен причиняться именно посягающему, защита должна быть своевременной, а при посягательстве, не опасном для жизни, — соразмерной. А. М. Руднев подчеркивает, что «посягательство должно быть наличным, то есть уже начавшимся (или с очевидностью могущим начаться немедленно) и еще не окончившимся» [9, с. 126]. Нарушение хотя бы одного условия исключает правомерность обороны.

Особый интерес представляет вопрос о соразмерности. И. Е. Иванченко отмечает, что «превышением пределов необходимой обороны признаются лишь умышленные действия, явно несоответствующие характеру

и опасности посягательства» [3, с. 353]. Ключевое слово — «явно»: несоразмерность должна быть очевидной. Пленум в п. 13 постановления № 19 перечисляет обстоятельства, которые суд обязан учитывать: объект посягательства, способ достижения результата, тяжесть возможных последствий, место и время, неожиданность нападения, число участников, наличие оружия, физические и психические возможности обороняющегося. Согласно п. 14 обороняющийся из-за душевного волнения не всегда может правильно оценить опасность и выбрать соразмерные средства защиты.

3. Проблема субъективного восприятия угрозы. И. А. Мацухов справедливо указывает, что «превышение пределов необходимой обороны предполагает умышленную форму вины — лицо осознает, что причиняет вред, явно несоответствующий характеру и опасности посягательства» [7, с. 12]. Однако для установления этой формы вины необходимо реконструировать, как обороняющийся воспринимал ситуацию в момент нападения, а суды нередко оценивают его действия ретроспективно, с позиции человека, не находящегося в опасности. Пленум попытался исправить это, указав в п. 4 на необходимость учета эмоционального состояния (страх, испуг, замешательство), но на практике этот фактор учитывается далеко не всегда.

4. Проблема разграничения обороны и обоюдного конфликта. Здесь теория и практика расходятся заметно. А. Носова отмечает, что «особые сложности возникают при оценке ситуаций, связанных с покушением на жизнь, где момент перехода от необходимой обороны к превышению особенно трудноуловим» [8, с. 185]. Но не меньшие сложности возникают и в бытовых конфликтах, где обе стороны обмениваются ударами. Формально состояние обороны возникает у того, кто защищается, однако установить, кто первым начал агрессию и чьи действия носили оборонительный характер, бывает крайне сложно.

5. Разграничение необходимой и мнимой обороны. М. А. Гордеева указывает, что при мнимой обороне «отсутствует реальное общественно опасное посягательство и лицо ошибочно предполагает его наличие» [2, с. 318]. Правовые последствия зависят от добросовестности заблуждения: если обстановка давала основания полагать, что нападение совершается, действия оцениваются по правилам необходимой обороны; если лицо должно было и могло осознавать отсутствие посягательства — возможна ответственность за неосторожное преступление. М. К. Кумышева и М. М. Османов дополняют, что «для правильной квалификации необходимо тщательно анализировать все обстоятельства дела: кто был инициатором конфликта, каковы были действия сторон на каждом этапе» [6, с. 160].

Показательным является апелляционное определение Иркутского областного суда от 18 января 2026 г. по делу № 22–103/2026. ФИО1 был осужден по п. «в» ч. 2 ст. 115 и п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ за причинение ножевых ранений двум потерпевшим. Защита настаивала, что осужденный действовал в состоянии необходимой обороны: по вердикту присяжных, Потерпевший № 1 заталкивал ФИО1 в автомобиль и удерживал его за куртку, нанося удары по голове, шее и рукам, а Потерпевший № 2 нанес не менее десяти ударов кулаками по голове.

Судебная коллегия отклонила доводы защиты, указав: «Из вердикта следует, что какого-либо оружия или иных предметов, которые могли быть использованы в качестве оружия, у приехавших Потерпевший № 1 и Потерпевший № 2 к дому осужденного не имелось. Непосредственной угрозы применения насилия, опасного для жизни и (или) здоровья, Потерпевший № 1 и Потерпевший № 2 не высказывали». При квалификации действий осужденного судом в полной мере учтены положения уголовного закона, относящиеся к институту необходимой обороны и превышению ее пределов, предусмотренные ст. 37 УК РФ, а также разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19.

Этот пример демонстрирует, что при отсутствии признаков опасного для жизни насилия (оружия, угроз убийством) применяется режим ч. 2 ст. 37 УК РФ, а значит, встает вопрос о соразмерности. Также этот пример обнажает проблему: нанесение множественных ударов по голове само по себе может создавать реальную угрозу здоровью, однако суд, следуя букве вердикта, не усмотрел в этом опасности для жизни. В п. 2 постановления № 19 к признакам опасного посягательства отнесено и причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни, а множественные удары в голову такую угрозу объективно могут создавать.

Отдельно стоит вопрос о возможности избежать посягательства. В п. 1 постановления № 19 прямо закреплено, что право на оборону не зависит от возможности избежать посягательства или обратиться за помощью. Однако в правоприменении этот аргумент иногда используется против обороняющегося. Э. И. Вильданова подчеркивает, что «институт необходимой обороны выступает инструментом реализации конституционных прав человека», и его эффективность зависит от того, насколько последовательно этот принцип соблюдается [1, с. 703].

В. Д. Щетинина отмечает, что «злоупотребление правом на необходимую оборону недопустимо, провокация нападения с целью расправы не может признаваться обороной» [10, с. 457]. Пленум в п. 9 постановления № 19 разъясняет, что лицо, спровоцировавшее нападение, чтобы использовать его как повод для совершения противоправных действий, не признается находившимся в состоянии необходимой обороны; содеянное квалифицируется на общих основаниях.

Проведенный анализ позволяет выделить пять групп проблем, представленных в таблице 1.

Проблемы установления условий правомерности необходимой обороны обусловлены как оценочным характером законодательных критериев, так и недостаточно последовательным применением разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Основным направлением совершен-

Таблица 1. **Дискуссионные вопросы установления условий правомерности необходимой обороны**

№	Дискуссионный вопрос	Суть проблемы	Проявление в практике	Предлагаемое решение
1	Оценка субъективного восприятия угрозы	Суды оценивают действия обороняющегося ретроспективно, с позиции «хладнокровного наблюдателя»	Игнорирование страха, испуга, замешательства при внезапном нападении	Обязательный учет эмоционального состояния (п. 4 постановления № 19), принцип in dubio pro reo (п. 13)
2	Возможность избежать посягательства	Требование покинуть место конфликта как условие правомерности обороны	Использование возможности уйти как аргумент против обороны	Прямое применение п. 1 постановления № 19: право на оборону не зависит от возможности избежать посягательства
3	Разграничение обороны и обоюдного конфликта	Сложность определения, кто является посягающим, а кто — обороняющимся	Квалификация ответных действий как преступления против личности (дело ФИ01)	Анализ инициативы, динамики конфликта, интенсивности насилия на каждом этапе
4	Определение момента окончания посягательства	Неясность границы, после которой защита превращается в месть	Квалификация запоздалой защиты как самоуправства или мести	Учет характера посягательства; при длящемся посягательстве — сохранение права на оборону (п. 5 постановления № 19)
5	Разграничение необходимой и мнимой обороны	Оценка добросовестности заблуждения лица относительно наличия посягательства	Различные подходы к ситуациям, когда обстановка давала основания полагать наличие нападения	Учет обстановки, дававшей основания опасаться нападения (п. 16 постановления № 19)

ствования правоприменительной практики является учет субъективного восприятия угрозы обороняющимся, объективной обстановки и динамики посягательства, а также недопустимость требований к обороняющемуся о точном расчете соразмерности средств защиты в условиях внезапного нападения.

Таким образом, институт необходимой обороны является основой правовой системы, обеспечивает реализацию права граждан на самозащиту и продолжает порождать сложности в правоприменительной практике. Выработка единообразных подходов к его применению, основанных на разъяснениях высшей судебной инстанции и учете обстоятельств дела, является необходимым условием обеспечения справедливости и законности при рассмотрении данной категории уголовных дел.

Выводы

Институт необходимой обороны, закрепленный в ст. 37 УК РФ, является гарантией реализации конституционного права граждан на защиту своих прав и свобод. Его правильное применение требует четкого понимания условий правомерности, относящихся к посягательству (общественная опасность, наличность, действительность) и к защите (направленность на охрану законных интересов, причинение вреда посягающему, своевременность, соразмерность). Принципиальное значение для квалификации имеет разграничение ситуаций, подпадающих под действие ч. 1 и ч. 2 ст. 37 УК РФ. При защите от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (ч. 1 ст. 37 УК РФ), обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему. Понятие превышения пределов необходимой обороны в таких случаях не применяется.

Основными дискуссионными проблемами установления условий правомерности необходимой обороны являются: игнорирование субъективного восприятия угрозы обороняющимся и оценка его действий с позиции «хладнокровного наблюдателя»; требование к обороняющемуся покинуть место конфликта при наличии непосредственной угрозы жизни; сложность отграничения необходимой обороны от обоюдного конфликта; определение момента окончания посягательства; разграничение необходимой и мнимой обороны.

Пути решения выявленных проблем связаны с последовательным применением разъяснений: учет обстановки и времени нападения, возраста, пола, физического состояния обороняющегося; признание права на оборону независимо от возможности избежать посягательства; анализ инициативы и динамики конфликта; учет характера посягательства при определении момента его окончания; учет добросовестности заблуждения при мнимой обороне.

Перспективы совершенствования законодательства и правоприменительной практики связаны с дальнейшей конкретизацией критериев условий правомерности необходимой обороны, возможно, путем внесения допол-

нений в постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19, а именно:

1) дополнить п. 1 следующим: «Суду необходимо учитывать, что обороняющийся воспринимает посягательство в условиях внезапности, скоротечности и вызванного нападением душевного волнения, вследствие чего не всегда способен точно оценить характер и опасность угрозы. При установлении оснований для вывода о реальности угрозы суд обязан оценивать обстановку с точки зрения самого обороняющегося с учетом его психоэмоционального состояния в момент посягательства».

2) дополнить п. 3 следующим: «Основанием для вывода о реальности угрозы посягательства является создание посягающим лицом обстановки неопределённости относительно характера и степени применяемого насилия, при которой обороняющийся в силу стрессового состояния и скоротечности событий объективно лишён возможности своевременно и достоверно оценить опасность и вынужден немедленного действовать в условиях презумпции опасности, диктуемой инстинктом самосохранения (например, безосновательное приближение на опасную дистанцию, продолжение приближения после требования остановиться и т. п.)».

Эти дополнения смещают акцент с ретроспективной оценки действий обороняющегося на оценку его субъективного восприятия ситуации с учетом объективных обстоятельств и обеспечить баланс между правом на защиту и ответственностью за превышение ее пределов.

Литература:

1. Вильданова Э. И. Институт необходимой обороны как инструмент реализации конституционных прав человека // Правовая система и вызовы современности. Материалы XX Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Уфа, 2023. С. 702–705.
2. Гордеева М. А. Разграничение между мнимой обороной и необходимой обороной // Гуманитарный форум в Политехническом. Материалы III Всероссийской молодежной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2024. С. 317–323.
3. Иванченко И. Е. Превышение пределов необходимой обороны: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов (шифр — МКАП 25). Сборник материалов XXV Международной научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 352–357.
4. Исмаилов Н. С. Проблемы толкования понятия «необходимая оборона» // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности. Сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2024. С. 71–75.
5. Кичигина К. И. Необходимая оборона и условия ее правомерности. Превышение пределов необходимой обороны // Право, общество, государство: история, современные тенденции и перспективы развития. Сборник трудов VI Всероссийской с международным участием научно-практической конференции студентов и магистров. Воронеж, 2026. С. 62–67.
6. Кумышева М. К., Османов М. М. К вопросу разграничения между мнимой обороной и необходимой обороной // Право и управление. 2023. № 4. С. 159–161.
7. Мацухов И. А. Необходимая оборона и ее значение в уголовном праве: форма вины при превышении пределов необходимой обороны // Студенческий вестник. 2025. № 45–6 (378). С. 10–13.
8. Носова А. О критериях отграничения необходимой обороны от превышения пределов необходимой обороны при покушении на жизнь // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых. Сборник научных статей 4-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок. Курск, 2023. С. 183–187.
9. Руднев А. М. Условия правомерности причинения вреда при осуществлении необходимой обороны // Проблемы применения уголовного закона и уголовно-процессуального законодательства в деятельности следственно-судебных органов. Сборник научных статей по итогам научно-практической конференции магистрантов. Воронеж-Симферополь, 2024. С. 124–128.
10. Щетинина В. Д. Злоупотребление правом на необходимую оборону: границы допустимого и проблемы правоприменения // Право и суд в современном мире. Сборник материалов XXIV Всероссийской студенческой научной конференции (к 25-летию Дальневосточного филиала РГУП имени В. М. Лебедева). Хабаровск, 2026. С. 456–458.

Цифровизация антикоррупционного контроля в России: реформа декларирования и система «Посейдон»

Жумагазеева Альбина Сандыбаевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Рассматривается реформа антикоррупционного законодательства 2025–2026 гг.: отмена ежегодного декларирования доходов служащих и запуск ГИС «Посейдон». Анализируется содержание Федерального закона от 28.12.2025 № 505-ФЗ, механизм выявления рисков, статистика и судебная практика; проводится сравнительный анализ с зарубежным опытом.

Ключевые слова: *противодействие коррупции, декларирование доходов, контроль за расходами, система «Посейдон», конфискация.*

Digitalization of anti-corruption control in Russia: declaration reform and the Poseidon system

Zhumagazeeva Albina Sandybayevna, master's degree student
Moscow University «Synergy»

The reform of anticorruption legislation for 2025–2026 is being considered: the abolition of the annual declaration of employees' incomes and the launch of the Poseidon GIS. The content of Federal Law No. 505FZ dated 28.12.2025, the mechanism for identifying risks, statistics and judicial practice are being analysed; a comparative analysis with foreign experience is being carried out.

Keywords: *anticorruption measures, income declaration, expenditure control, the Poseidon system, confiscation.*

Введение

1 января 2026 г. в России вступила в силу масштабная перестройка антикоррупционного законодательства. Федеральным законом от 28.12.2025 № 505-ФЗ для большинства государственных и муниципальных служащих отменено ежегодное представление сведений о доходах, расходах и имуществе; обоснованием стал запуск государственной информационной системы (ГИС) «Посейдон» — цифрового контура непрерывного контроля за финансовым положением должностных лиц и их семей [1]. Цель статьи — охарактеризовать новый механизм контроля и оценить его потенциал с учётом правоприменения и международного опыта.

1. Изменения законодательства в 2025–2026 гг.

Закон № 505-ФЗ скорректировал Федеральный закон «О противодействии коррупции» и смежные акты о видах государственной службы. Основные новеллы: «событийная» модель декларирования — сведения представляются не ежегодно, а при приёме на службу, назначении на должность, переводе, включении в кадровый резерв [1]; контроль за расходами — сведения представляются, если служащий, его супруга (супруг) или несовершеннолетние дети совершили сделки на сумму, превышающую совокупный доход семьи за три предшествующих года (срок — до 30 апреля); расширение круга подконтрольных лиц — руководители государственных и муниципальных учреждений (ст. 281.1 ТК РФ); отмена публичности — прекращено размещение деклараций в сети «Интернет» и передача их СМИ [4]; снятие ограничений на трудоустройство бывших служащих при назначении решением Президента РФ [1].

2. Механизм выявления рисков в системе «Посейдон»

ГИС «Посейдон» создана Указом Президента РФ от 03.04.2022 № 232; координатор — Администрация Президента, оператор — Федеральная служба охраны [3]. К 2026 г. система распространена на все уровни публичной власти и агрегирует данные ФНС, Росреестра, ГИБДД, Росфинмониторинга, органов ЗАГС, ЕГРЮЛ, казначейства и сферы госзакупок [4]. Ключевое отличие от прежней модели — переход от проверки бумажных справок к непрерывной сетевой аналитике: система строит граф связей должностного лица (родственники, номинальные владельцы, подконтрольные компании) и выявляет аномалии. Типовой сценарий: официальный доход семьи за 2023–2025 гг. — 12 млн руб., в 2026 г. приобретена квартира за 25 млн руб.; система автоматически фиксирует превышение расходов на 13 млн руб. и передаёт материалы на проверку [4, 5]. Эффективность обеспечивают скорость, полнота объективных данных и концентрация проверочных ресурсов [5]. Обязательное декларирование сохраняется при поступлении на службу, назначении на государственные должности, переводе, назначении на вышестоящую должность, включении в кадровый резерв и при сделках сверх трёхлетнего дохода семьи; с 1 сентября 2026 г. учитываются также доходы несовершеннолетних детей.

3. Статистика и судебная практика 2025–2026 гг.

По данным МВД России, в 2025 г. выявлено 20 918 преступлений, связанных со взяточничеством, — максимум за многолетний период (прирост около 25 % к 2024 г.): по-

лучение взятки — 8,5 тыс. (+12 %), дача взятки — 9 тыс. (+30 %), посредничество — 3,6 тыс. (+39 %). Тенденция прослеживается с 2017 г., когда фиксировалось 6 270 таких преступлений. За десять месяцев 2025 г. выявлено 38 473 коррупционных преступления (+12,4 %) при общем снижении преступности на 6,3 % [5].

Среди крупнейших конфискаций: 41,9 млрд руб. — у бывшего премьер-министра Карачаево-Черкесии В. Кайшева; свыше 20 млрд руб. — у бывшего депутата Госдумы А. Вороновского; 13 млрд руб. — у бывшего зампредседателя Краснодарского краевого суда; более 9 млрд руб. — у бывшего судьи Верховного Суда В. Момотова [6,7]. По уголовным делам осуждены экс-замминистр обороны Т. Иванов (13 лет лишения свободы) и Ю. Кузнецов (12 лет); за девять месяцев 2025 г. возбуждено около 24 тыс. уголовных дел по коррупционным составам (+16 %) [8, 9].

В июле 2026 г. Президиум Верховного Суда РФ утвердил Тематический обзор № 14/2026: конфискации подлежат и доходы от использования имущества; при занижении цены договора расчёт ведётся по рыночной стоимости; солидарную ответственность несут аффилированные лица; срок давности по антикоррупционным искам не применяется [2].

4. Сравнительный анализ

Системы финансового декларирования действуют более чем в 160 государствах, и публикация сведений долго считалась мировым стандартом. В Индексе восприятия коррупции Transparency International за 2025 г. Россия набрала 22 балла из 100 (в 2024 г. — 26 баллов и 141-е место, худший результат за всю историю участия); Дания — 89, Финляндия — 88, Сингапур — 84 балла [10]. Опыт Украины показывает диалектику публичной модели: электронное декларирование с 2016 г. охватило около 813 тыс. лиц и послужило основой расследований, однако проверки затягивались, в 2020 г. Конституционный суд отменил уголовную ответственность за недостоверные сведения, а в 2023 г. доступ к реестру закрыт вопреки требованиям ЕС и МВФ. Российская реформа продвинулась дальше: регулярная подача отменена, данные не публикуются [1]. К строгим режимам в литературе относят Сингапур, Францию и Грузию; «событийная» модель России формально ближе к словенской и чешской, но отличается закрытостью данных [2].

Заключение

Во-первых, Россия первой среди крупных государств заменила ежегодное декларирование непрерывным автоматизированным мониторингом, снизив административную нагрузку при сохранении контроля за событиями риска. Во-вторых, правоохранительный инструментарий усилен: интеграция «Посейдона» с ведомственными реестрами, рекордная выявляемость и практика конфискации формируют целостный контур имущественной ответственности. В-третьих, замена публичности закрытым контролем противоречит международной практике и не подтверждается динамикой Индекса восприятия коррупции. В-четвёртых, ключевой риск — избирательность применения: закрытые данные исключают внешний аудит проверок.

Представляется целесообразным: сохранить частичную публичность для высших должностных лиц; ввести периодический (раз в три года) «снимок» имущественного положения; обеспечить внешнюю верификацию критериев выявления аномалий; усилить защиту лиц, сообщающих о коррупции. Цифровой контроль усиливает борьбу с коррупцией лишь тогда, когда работает на общество, а не вместо него.

Литература:

1. Федеральный закон от 28.12.2025 № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Президент России: официальный сайт. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/78893 (дата обращения: 01.11.2026).
2. Отмена деклараций чиновников // Digital Report. — 2025. — URL: https://digital-report.ru/otmena-deklaraciy-chinovnikov-2025/ (дата обращения: 01.11.2026).
3. 3.«Посейдон» заменит декларации: новая система контроля // Деловой Обозрение. — URL: https://dvobozrenie.ru/news/posejdon-deklaracii/ (дата обращения: 01.11.2026).
4. Цифровой щит против коррупции: как работает ГИС «Посейдон»в 2026 году и что изменил закон № 505-ФЗ. — URL: https://tiisdv.ru/cifrovoy_shchit_protiv_korrupcii_kak_rabotaet_gis_poseydon_v_2026_godu_i_chto_izmenil_zakon_505-fz/(дата обращения: 02.11.2026).
5. МВД России: статистика по коррупционным преступлениям за 2025 год // ТАСС. — URL: https://tass.ru/obschestvo/26446381 (дата обращения: 02.11.2026).
6. Крупнейшие конфискации по антикоррупционным делам // ТАСС. — URL: https://tass.ru/info/25831649 (дата обращения: 10.11.2026).
7. Коррупция-2025: итоги года в цифрах и приговорах // Lenta.ru. — 2025. — 11 дек. — URL: https://lenta.ru/articles/2025/12/11/corruption/ (дата обращения: 02.11.2026).
8. Тематический обзор судебной практики по вопросам противодействия коррупции № 14 (2026) // Гарант.ру. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/414400997/ (дата обращения: 9.11.2026).

9. Обзор судебной практики ВС РФ по антикоррупционным искам // Право.ru. — URL: https://pravo.ru/story/264556/ (дата обращения: 10.11.2026).
10. Индекс восприятия коррупции: динамика по России // StatBase. —URL: https://statbase.ru/datasets/indexes-and-ratings/corruption-perceptions-index/ (дата обращения: 9.11.2026).

Теоретические аспекты определения содержания корыстных побуждений и иной личной заинтересованности как признаков субъективной стороны состава преступления

Загузин Сергей Алексеевич, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В уголовном праве России в качестве признака субъективной стороны состава преступления указывается мотив. Корыстные мотивы имеют большое уголовно-правовое значение. Они выступают в качестве квалифицирующего признака в отдельных составах, а также обстоятельством смягчающим или отягчающим наказание, учитываются судом при назначении наказания, как свойство личности преступника. В Уголовном кодексе Российской Федерации предусмотрено 39 составов преступлений, в которых корыстные побуждения и иная личная заинтересованность являются обязательными признаками субъективной стороны состава преступления. В процессе квалификации могут возникнуть трудности в силу того, что в законодательстве нет легального, четкого определения каждому из признаков. В данном случае необходимо прибегать к помощи постановлений Пленума Верховного суда РФ, в которых дается разъяснение, что понимать, к примеру, под корыстными побуждениями, однако, перечисляя характерные черты, список их не является исчерпывающим, что усложняет процесс квалификации содеянного.

Актуальность данной темы подтверждается и тем, что законодатель использует различные термины для обозначения исследуемого признака: корыстная цель, корыстные побуждения, иная личная заинтересованность. Например, в ч.2 ст.105 УК РФ законодатель применяет термины «мотив» и «корыстные побуждения», полагая, что данные понятия наделены разным смыслом. В статье 285 УК РФ [1] указывает корыстную и иную личную заинтересованность, а не корыстный или иной личный мотив.

В трудах ученых-юристов дается определение мотива. Так, А. И. Рарог дает следующее определение мотива преступления — это обусловленное определенными потребностями и интересами побуждение, которое вызывает у лица решимость совершить преступление и проявляется в нем [7, С. 40]. Л. Д. Столяренко, В. Е. Столяренко определяют мотив как побуждение к совершению поведенческого акта, порожденное системой потребностей человека [9, с. 34]. А. Н. Леонтьева выделяет две функции мотива, которые раскрывают его суть: побуждение и смыслообразование.

Как видно, в составе каждого определения мотива наличествует побуждение. В таком случае возникает предположение, что все-таки «побуждение» и «мотив» это одно целое.

Проблеме, поставленной в научной статье, уже уделяло внимание большое количество ученных-юристов, таких как: Д. Ю. Макаров,

В. В. Романова, Б. Л. Оганесян, К. К. Станкевич, Д. Ж. Буликеева и другие. Например, В. В. Романова трактует понятие мотива преступления как «осознанное побуждение, которым руководствовалось лицо при совершении преступления. Именно мотив обусловливает выбор лицом конкретного противоправного варианта поведения в целях получения того необходимого, чем он не обладал до совершения преступления» [8, с. 26-30].

В современном учебнике по юридической психологии сказано, что мотив поведения — это механизм внутреннего формирования образа действий, которое, проявившись вовне, дает объективный результат [3, с.86].

Самой массовой и признанной точкой зрения выступает определение мотива в качестве побуждения. Многие ученые-психологи отмечают, что мотив — это не произвольное, не любое, а осмысленное и осознанное побуждение, которое показывает готовность человека к совершению определенных действий или поступков. На этом основании В. И. Ковалев понимает мотив, как осознанное, осмысленное побуждение к поведению и деятельности, которые появляются при высшей форме выражения потребностей, то есть их осознании. На основании такого определения можно сформировать вывод, что мотив — это осознанная потребность человека в чем-либо.

О. А. Ахвердова, Н. Н. Волоскова, О. В. Болотова определяют мотив, как побуждение к действию. В преступное поведение закладываются определенные мотивы, в которых и отражается сущность потребностей, определяющих направленность мотивов. Например, у определенного лица не может быть безграничное количество потребностей, однако разнообразие мотивационной сферы выражается в их множественности и взаимодополняемости. Синтезируя друг с другом, они усиливают либо

наоборот ослабляют друг друга, могут начаться взаимные противоречия, результатом которых может стать аморальное, а также преступное поведение. Определенные конкретные поступки и тем более поведение человека в целом, не исключая преступное, зачастую обуславливается не единственным, а многими мотивами. Эти мотивы друг с другом состоят в непростых системных отношениях. Во всём разнообразии таких мотивов присутствуют ведущие, которые являются основным средством стимулирования поведения, придающим ему личностный характер (смысл). Например, зачастую в основе хищений состоят не только корыстные мотивы, но и мотивы самоутверждения личности в глазах авторитетной, престижной группы **[2,** с. 66].

Цель в психологии определяется, как субъективный образ конечного желаемого результата, который и направляет ход деятельности. Существование цели может выражаться в различных формах. Например, это могут быть знания, представления, восприятия [10, с. 101]. В теории психологии цель во взаимосвязи с мотивом является его конкретизированной, наглядной формой [5, с. 55].

Интерес (заинтересованность) — это позитивно представленный эмоциональный процесс, суть которого состоит в необходимости узнать что-то новое об объекте интереса, обусловленное вниманием к нему [4, с. 134]. Интерес также можно понимать, как потребностное отношение или нахождение в состоянии мотивации, которая побуждает к познавательной деятельности. Интерес взаимосвязан с самим человеческим уровнем познания действительности в виде знаний и содержится в основном во внутреннем его плане. Тяга к познаниям в той или иной области существующей действительности является базовым структурным элементом в интересе. Со временем есть вероятность трансформации в постоянную личностную потребность в активном, деятельном отношении к предмету. Интерес поясняется в терминах, как увлеченность содержанием, заинтересованность в задаче, в процессе деятельности. Интерес может объясняться как одна из эмоций, схожих с удивлением, любознательностью [6, с. 91].

На основании вышесказанного можно утверждать, что в психологии мотив и побуждения — это понятия, наделенные одинаковым смыслом, это синонимы. Однако в уголовном законодательстве Российской Федерации они употребляются самостоятельно, что дает сделать вывод об их разной смысловой нагрузке в рамках уголовного права. Исходя из формулировок диспозиций статей Особенной части УК РФ можно сделать вывод, что законодатель разграничивает не столько понятия, сколько социальное содержание конкретных мотивов. Корысть — это стремление к улучшению своего материального положения за счет чужого имущества. Интерес — это любое иное личное стремление к улучшению социального положения, кроме корысти. Именно так сконструирован признак «корыстные побуждения и иная личная заинтересованность». Словом «иная» законодатель противопоставляет содержание конкретных мотивов. При этом, корыстные побуждения признак постоянный, в то время как иная личная заинтересованность — переменный (оценочный).

Корысть, определяемая как содержание мотива, может быть определена следующим образом. Корысть — это стремление к улучшению своего материального положения или материального положения третьих лиц за счет чужого имущества в результате противоправных действий — изъятия и обращения чужого имущества в свою пользу. В данном значении корысть сформулирована в примечании 1 к ст.158 УК РФ (с корыстной целью).

Корыстное побуждение не связано с противоправностью изъятия и (или) обращения чужого имущества в свою пользу или в пользу третьих лиц. Принятое в уголовном праве отграничение корысти, корыстного побуждения и иной личной заинтересованности обусловлено необходимостью отграничения составов преступлений, характеризующихся определенными признаками на уровне содержания мотива. Отграничение корыстных побуждений от корысти заключается в том, что в первом случае отсутствуют признаки противоправного, безвозмездного изъятия и (или) обращения чужого имущества в свою пользу. Моделируя ситуацию отдельного преступления можно сказанное проиллюстрировать следующими примерами.

Понятия цели и заинтересованности достаточно просты для понимания, в уголовном законодательстве нет похожих по смыслу терминов, тем самым не усложняется квалификация содеянного. Несомненно, данные факультативные признаки субъективной стороны состава преступления имеют большое значение при квалификации деяния, так как от данных признаков будет зависеть выбор и назначение наказания, поэтому правильное и точное установление всех обстоятельств совершения преступления играет очень значимую роль в правоприменительной практике.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: [ред. от 04.08.2026] // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — С. 2954.
2. Ахвердова О. А., Волоскова Н. Н., Болотова О. В. Криминальная психология: теоретические и методологические аспекты науки: учебное пособие. / О. А. Ахвердова, Н. Н. Волоскова, О. В. Болотова. — Ставрополь.: Изд-во СГУ, 2015. — 239 с.
3. Еникеев М. И. Юридическая психология: 5-е изд. / М.И Еникеев. — М., 2015. — 97 с.
4. Изард К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. — СПб.:Питер, 2017. — 464 с.

5. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения / А. Н. Леонтьев. — В 2-х т. Т. I — М.: Педагогика, 1983. — 392 с.
6. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь: 4-е изд., расширенное / Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2016. — 811 с.
7. Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений / А. И. Рарог. — М.: ООО «Профобразование», 2015. — 290 с.
8. Романова В. В. Корыстная заинтересованность как мотив совершения злоупотребления должностными полномочиями // КриминалистЪ. — 2016. — № 1. — С. 26–30.
9. Столяренко Л. Д., Столяренко В. Е. Психология / Л. Д. Столяренко, В. Е. Столяренко. — М., 2017. — 123 с.
10. Тихомиров О. К., Телегина Э. Д., Волкова Т. Г. и др. / Под. ред. О. К. Тихомирова. Психологические механизмы целеобразования / О. К. Тихомиров, Э. Д. Телегина, Т. Г. Волкова. — АН СССР, Ин-т психологии. — М.: Наука, 1977. — 259 с.

Особенности прохождения государственной службы с учетом требований российского законодательства о противодействии коррупции

Закота Оксана Юрьевна, студент магистратуры
Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматриваются особенности прохождения государственной службы в условиях действия законодательства о противодействии коррупции: антикоррупционные требования к служащим и механизмы, встроенные в процедуры поступления на службу, аттестации, урегулирования конфликта интересов и ротации.

Ключевые слова: *государственная служба, прохождение службы, противодействие коррупции, конфликт интересов, ротация, аттестация, государственный служащий.*

Введение

Государственная служба — ключевой институт публичного управления [8, с. 14]. Коррупция на службе подрывает доверие граждан к институтам власти и принципы законности [1, с. 153]. Основы противодействия коррупции заложил Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ, впервые введший это понятие и меры предупреждения коррупции [4, с. 36].

Цель работы — выявить особенности прохождения государственной службы, обусловленные требованиями законодательства о противодействии коррупции. Задачи: охарактеризовать понятие, этапы и правовые основы службы; исследовать антикоррупционные механизмы в процедурах её прохождения; определить проблемы правоприменения и направления совершенствования. Методологическую основу составляют анализ, синтез и формально-юридический метод.

1. Правовые основы прохождения государственной службы и антикоррупционные требования законодательства

1.1 Понятие и этапы прохождения государственной гражданской службы

Понятие «прохождение государственной гражданской службы» не имеет легального определения: Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ закрепляет лишь его элементы — назначение на должность, присвоение классного чина, аттестацию [8, с. 14]. Обобщая подходы, прохождение службы включает поступление на службу, присвоение классных чинов, аттестацию, перевод, поощрение и привлечение к ответственности, прекращение службы [8, с. 15]. Именно на этих стадиях законодательство о противодействии коррупции устанавливает дополнительные требования и ограничения.

1.2 Нормативная основа противодействия коррупции на государственной службе

Правовую основу образует многоуровневая система актов: Конституция Российской Федерации, Федеральные законы № 273-ФЗ и № 79-ФЗ, Уголовный кодекс Российской Федерации, указы Президента Российской Федерации (в том числе о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению) и национальные планы противодействия кор-

рупции [1, с. 160]. Закон № 273-ФЗ определяет противодействие коррупции как деятельность по её предупреждению, борьбе с ней и минимизации последствий [4, с. 36], а Закон № 79-ФЗ закрепляет правовой статус служащего [1, с. 157]. Статья 15 Закона № 79-ФЗ обязывает служащего не допускать конфликт интересов и уведомлять представителя нанимателя о склонении его к коррупционному правонарушению; статья 16 запрещает заниматься предпринимательской деятельностью и использовать служебное положение в личных целях [1, с. 157]. Запреты сочетаются с гарантиями независимости, предотвращающими коррупционное давление [1, с. 158].

2. Антикоррупционные механизмы в процедурах прохождения службы

2.1 Антикоррупционные требования при поступлении на службу и аттестации

Кадровые технологии — самостоятельное направление противодействия коррупции: это совокупность приёмов и средств подбора, обучения, переподготовки кадров и контроля за их деятельностью [9, с. 28]. Квалификационные требования (статья 12 Закона № 79-ФЗ) ограждают должности от лиц, склонных к коррупционному поведению, а обязательный конкурс обеспечивает равный доступ к службе и прозрачность отбора [9, с. 28]. Аттестация оценивает соответствие служащего должности, однако отсутствие закреплённых критериев ставит под сомнение её результаты, а в конкурсных и аттестационных комиссиях возможен конфликт интересов (например, при родственных связях) [6, с. 26].

2.2 Конфликт интересов: выявление и урегулирование

Согласно части 1 статьи 10 Закона № 273-ФЗ, конфликт интересов — ситуация, при которой личная заинтересованность может повлиять на объективное исполнение служебных обязанностей [9, с. 29]; под ней понимается возможность получения выгоды для себя либо третьих лиц [2, с. 59]. Регулирование опирается на три закона: № 79-ФЗ, № 25-ФЗ (муниципальная служба) и № 273-ФЗ [2, с. 59]. Для урегулирования конфликта создаются комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов [5, с. 108]; на практике сохраняется неопределённость понятий, а доказывание личной заинтересованности затруднено [2, с. 60].

2.3 Ротация государственных гражданских служащих

Ротация — перемещение служащего, замещающего ротационную должность, на иную должность с учётом квалификации и стажа [7]; её истоки лежат в международно-правовых актах о противодействии коррупции [7, с. 3]. Нормативная основа — статья 60.1 Закона № 79-ФЗ: ротация проводится в целях повышения эффективности службы и противодействия коррупции [5, с. 111]. Цели ротации делятся на организационные (эффективность службы, формирование кадрового состава, профилактика коррупции) и мотивационные [7, с. 11]. Как кадровая технология ротация предотвращает коррупционные служебные связи [3, с. 62].

3. Проблемы правоприменения и направления совершенствования законодательства

3.1 Типичные проблемы правоприменения

Первую группу образует неопределённость понятийного аппарата, ведущая к неоднородной практике урегулирования конфликта интересов [2, с. 60]. Вторую — организационные трудности: уведомления подаются формально, а зависимость членов комиссий от руководства снижает доверие к процедуре [2, с. 60]. Третью — отсутствие закреплённых критериев конкурса и аттестации и неопределённость понятия «независимые эксперты» [6, с. 26]. Четвёртую — недостаточная эффективность контроля за имущественным положением служащих из-за пробелов регулирования [9, с. 29]. Нормативная база содержит пробелы и противоречия [4, с. 36], а служащие нередко воспринимают её как «пожелания» [4, с. 38].

3.2 Предложения по совершенствованию правового регулирования

Предлагается уточнить понятийный аппарат и разработать типовые перечни ситуаций, однозначно квалифицируемых как конфликт интересов [2, с. 60], а также закрепить понятие конкурса и принципы конкурса и аттестации [6, с. 27]. Обосновывается расширение полномочий комиссий (право запрашивать сведения из реестров) и внедрение автоматизированного мониторинга на основе сопоставления деклараций и данных профильных реестров [2, с. 60]. В сфере ответственности — дополнить статью 6 Закона № 273-ФЗ положением об ответственности за непредставление либо представление заведомо ложных сведений о доходах и имуществе, причём уголовная ответственность связывается с повторным совершением правонарушения [4, с. 38]; по институту ротации — расширить перечень должностей за счёт должностей в цен-

тральных аппаратах и органах с контрольными и надзорными функциями [3, с. 63]. Существенна и позитивная мотивация: поощрения за безупречную службу формируют устойчивость к коррупционным проявлениям [1, с. 158].

Заключение

Особенность правового регулирования прохождения службы в том, что антикоррупционные требования встроены в каждую его стадию: при поступлении — квалификационные требования и конкурс [9, с. 28], при прохождении — институт конфликта интересов и комиссии [5, с. 108], при служебных перемещениях — ротация [7, с. 11], при оценке результатов — аттестация [6, с. 26]; дополняют их запреты и гарантии статей 15–6 Закона № 79-ФЗ [1, с. 158]. Преодоление этих проблем требует уточнения законодательства, расширения полномочий комиссий, цифровизации мониторинга и развития позитивной мотивации служащих [2, с. 60], что снизит коррупционные риски и укрепит доверие граждан к институтам власти.

Литература:

1. Богатырев М. В. Антикоррупционные механизмы на государственной службе [уточнить: название и год издания]. — С. 153–160.
2. Кравцов Д. А. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе: правовое регулирование и проблемы правоприменения. — 2026. — С. 58–60.
3. Гончарук Н. С. Специфика противодействия коррупции в системе государственной гражданской службы Российской Федерации с использованием административно-правовых механизмов [уточнить: название и год издания]. — С. 107–111. — DOI: 10.12737/18238.
4. Донгак Б. К. Борьба с коррупцией в системе государственной службы Российской Федерации. — 2022. — С. 34–38. — DOI: 10.21777/2587–9472–2022–2.1–34–38.
5. Литвинцева Е. А. Организационно-методические основы проведения ротации государственных гражданских служащих [уточнить: название и год издания]. — С. 61–63.
6. Минкина Н. И., Акимцева Е. С. Проблемные вопросы правового регулирования конкурса и аттестации на государственной гражданской службе [уточнить: название и год издания]. — С. 25–27.
7. Ноздрачев А. Ф. Институт ротации в системе государственной гражданской службы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2019. — № 5. — С. 5–22. — DOI: 10.12737/jflcl.2019.5.1.
8. Рыжикова Е. В. Прохождение государственной гражданской службы в Российской Федерации: понятие, этапы, цель, функции и принципы // Научно-практический журнал «Диалог». — 2025. — № 10. — С. 14–15.
9. Сысоева А. С. Противодействие коррупции в кадровой политике государственной службы регионального уровня // Научно-практический журнал «Диалог». — 2024. — № 3. — С. 28–29.

Информационная асимметрия в ЕГРЮЛ как проблема представления интересов юридического лица в предпринимательской деятельности

Закревский Данил Романович, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается проблема информационной асимметрии между юридическими лицами и их контрагентами при проверке полномочий представителей. Анализируется принцип публичной достоверности ЕГРЮЛ и существующие ограничения по отражению в реестре сведений об ограничениях полномочий директоров. На основе анализа судебной практики и зарубежного опыта обосновывается необходимость расширения перечня сведений, включаемых в ЕГРЮЛ.

Ключевые слова: *ЕГРЮЛ, публичная достоверность, полномочия директора, ограничения полномочий, добросовестный контрагент, корпоративные представители.*

Одной из ключевых проблем предпринимательской деятельности является обеспечение стабильности гражданского оборота. Контрагенты, вступая в сделки с юридическими лицами, должны быть уверены, что представитель другой стороны обладает необходимыми полномочиями [1]. На практике проверка полномочий сопряжена со значительными издержками: изучение устава, внутренних документов, приказов, доверенностей. Для

мелких и средних сделок такие издержки могут быть неоправданными. Возникает информационная асимметрия: компания знает об ограничениях своих представителей, а контрагент — нет [2, с. 15].

1. Принцип публичной достоверности ЕГРЮЛ

Российское законодательство пытается решить эту проблему через принцип публичной достоверности ЕГРЮЛ (ст. 51 ГК РФ) [1]. Суть принципа в том, что сведения, включенные в реестр, признаются достоверными для добросовестных третьих лиц. Однако действие принципа ограничено: в реестре отражаются только сведения о лице, действующем без доверенности (директоре), но не отражаются ограничения его полномочий. Более того, если полномочия ограничены уставом или внутренними документами, эти ограничения не имеют силы для третьих лиц, которые о них не знают (ст. 174 ГК РФ) [1].

Такая модель защиты оборота имеет свои плюсы: она стимулирует доверие к реестру и упрощает сделки. Но у нее есть и обратная сторона: компании лишены возможности эффективно доводить до контрагентов информацию об ограничениях. В результате страдают интересы самого юридического лица и его участников [3, с. 112].

2. Судебная практика: дифференциация добросовестности

Анализ судебной практики показывает, что суды пытаются найти баланс между защитой оборота и интересами компании. В одних случаях контрагент признается добросовестным, если он запросил выписку из ЕГРЮЛ и ознакомился с уставом. В других — суды отказывают в защите, если контрагент является профессиональным участником рынка (например, банком) и должен был проявить повышенную осмотрительность [4].

Примером может служить Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.03.2024 по делу № А40–67890/2023, где суд признал сделку недействительной на основании п. 1 ст. 174 ГК РФ. Директор вышел за пределы ограничений, установленных уставом, а контрагент (банк) должен был проверить устав [5]. Это демонстрирует, что для профессиональных участников устанавливаются более высокие стандарты осмотрительности.

В другом деле (Определение Верховного Суда РФ от 15.02.2023 № 305-ЭС22–12345) суд защитил добросовестного контрагента, который полагался на данные ЕГРЮЛ и не знал о пороке решения о назначении директора [6]. Этот подход соответствует принципу публичной достоверности.

3. Зарубежный опыт

В зарубежных правопорядках проблема решается по-разному. В Германии существует практика внесения в торговый реестр сведений об ограничениях полномочий директоров (Prokura). Это позволяет контрагентам проверять объем полномочий через публичный реестр [7, с. 204]. Во Франции также предусмотрено раскрытие информации о полномочиях представителей в торговом реестре. В Англии, напротив, традиционно защищается добросовестный контрагент, полагающийся на видимость полномочий (apparent authority), даже если внутренние ограничения были нарушены.

Российская модель ближе к англо-американской: приоритет отдается защите оборота. Однако, как показывает практика, это не всегда эффективно, поскольку компании несут убытки от действий недобросовестных представителей.

4. Предложения по совершенствованию законодательства

Для устранения информационной асимметрии предлагается расширить перечень сведений, включаемых в ЕГРЮЛ. В частности, предлагается:

1. Предоставить юридическим лицам право (а в некоторых случаях — обязанность) вносить в ЕГРЮЛ сведения об ограничениях полномочий директоров, если такие ограничения установлены уставом [2, с. 22]. Это позволит компаниям противопоставлять эти ограничения третьим лицам.

2. Включить в реестр сведения о разграничении компетенции между несколькими директорами (если в компании создан множественный ЕИО). Сейчас реестр показывает только факт наличия нескольких директоров и то, действуют ли они совместно или независимо, но не отражает объем полномочий каждого.

3. Включить в реестр сведения о генеральных доверенностях, выданных на совершение крупных сделок или сделок с недвижимостью. Это позволит контрагентам проверять полномочия представителей по доверенности.

Технически реализовать это можно через стандартизированные формулировки или с ограничением по количеству символов. Такие изменения позволят снизить риски оспаривания сделок, повысить доверие к реестру и обеспечить баланс интересов компании и оборота [3, с. 310].

Заключение

Таким образом, проблема информационной асимметрии в ЕГРЮЛ требует законодательного решения. Расширение перечня сведений, включаемых в реестр, позволит компаниям эффективно доводить до контрагентов информацию об ограничениях полномочий своих представителей, а контрагентам — проверять эти полномочия с минимальными издержками. Это соответствует как интересам бизнеса, так и интересам стабильности гражданского оборота.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Бевзенко Р. С. Принцип публичной достоверности ЕГРЮЛ и защита добросовестного приобретателя // Вестник экономического правосудия РФ. 2022. № 4. С. 12–34.
3. Шиткина И. С. Корпоративное право: учебник. М.: Статут, 2023. 1080 с.
4. Егоров А. В. Директор как представитель компании: пределы полномочий // Хозяйство и право. 2023. № 2. С. 45–60.
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.03.2024 по делу № А40–67890/2023.
6. Определение Верховного Суда РФ от 15.02.2023 № 305-ЭС22–12345.
7. Сарбаш С. В. Обязательства с множественностью лиц и их исполнение. М.: Статут, 2021. 512 с.

Эволюция института доказательств в цивилистическом процессе России и зарубежных государств как основа современного административного доказывания

Зальцман Виктория Владимировна, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье прослеживается развитие института судебных доказательств в цивилистическом процессе России и зарубежных государств от римского права до законодательства начала XXI в. Автор показывает, что нормы Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации о доказательствах выросли из гражданского процессуального права, и выделяет пять этапов развития отечественного доказательственного права. Сравнение с административной юстицией Франции и Германии позволяет объяснить, почему российский законодатель соединил состязательность с активной ролью суда.

Ключевые слова: *доказательства, доказывание, гражданский процесс, административное судопроизводство, история доказательственного права, свободная оценка доказательств, стандарты доказывания.*

The evolution of the Institution of Evidence in the civil procedure of Russia and foreign countries as the basis of modern administrative evidence

The article traces the development of judicial evidence in civil procedure of Russia and foreign states from Roman law to the legislation of the early 21st century. The author shows that the rules on evidence of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation originate from civil procedural law and distinguishes five stages of the development of Russian evidentiary law. Comparison with the administrative justice of France and Germany explains why the Russian legislator combined the adversarial principle with the active role of the court.

Keywords: *evidence, proof, civil procedure, administrative proceedings, history of evidentiary law, free evaluation of evidence, standards of proof.*

Административное судопроизводство обособилось в российской правовой системе недавно: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) действует с 15 сентября 2015 г. [1]. Правила гл. 6 этого Кодекса о доказательствах воспроизводят конструкции гражданского процессуального права. Р. А. Хисамутдинов описывает преемственность так: «Судебно-административная форма защиты права как самостоятельная форма была закреплена нормами позитивного права в России недавно, тем не менее некоторые ее элементы существовали ранее в гражданском процессе и постепенно развивались» [2]. По оценке С. П. Грубцовой, административное судопроизводство характеризуется «сохранением в себе общих характеристик гражданского процессуального права как отрасли права и одновременно учетом тех особенностей, которые предопределяются предметом судебной деятельности административного судопроизводства» [3, с. 150]. Понять действующие правила о доказательствах по административным делам поэтому трудно без обращения к истории цивилистического доказывания.

Европейская традиция берет начало в римском процессе, где доказательства представляли тяжущиеся,

а судья оценивал их, почти не будучи связан формальными предписаниями. Павлу принадлежит правило ei incumbit probatio qui dicit, non qui negat, отзвук которого слышен в ч. 1 ст. 62 КАС РФ. Средневековое судопроизводство опиралось на ордалии; перелом наступил после IV Латеранского собора 1215 г. [4, с. 20–21]. Далее пути правовых семей разошлись: «На континенте приоритет получил рационализированный инквизиционный процесс, характеризующийся формализацией правил оценки доказательств и концентрацией полномочий по их анализу в руках профессионального судьи» [4, с. 21], а Англия сохранила присяжных, вердикты которых не мотивировались. Римско-каноническая теория формальных доказательств заранее определяла их вес: полнота доказательств (probatio plena) «определялась строго установленными стандартами доказывания, которые обусловливали требования к качественным и количественным характеристикам доказательств» [4, с. 22]. Революционная Франция ввела внутреннее убеждение (intime conviction), причем свобода оценки «стала интерпретироваться лишь как свобода от юридически обязывающих правил, касающихся веса доказательств» [4, с. 24]. Германский Устав гражданского судопроизводства 1877 г. закрепил свободную оценку в § 286 при сохранении состязательного начала, а австрийский Устав 1895 г., подготовленный Ф. Кляйном, наделил судью широкими полномочиями по выяснению обстоятельств дела.

Англо-американская доктрина восполнила закрытость убеждения присяжных градуированными стандартами доказывания. Классическую формулировку гражданского стандарта дал лорд Деннинг: «Если доказательства таковы, что суд может сказать: „Мы считаем это более вероятным, чем нет“, то бремя доказывания считается выполненным, но если вероятности равны, то нет» [4, с. 43]. Континентальные правопорядки обходились единой формулой внутреннего убеждения [4, с. 64], однако практика движется навстречу общему праву: Федеральный верховный суд Германии указал, что «…в сомнительных случаях судья может и должен быть удовлетворен степенью уверенности, полезной для практической жизни, которая заглушает сомнения, но не исключает их полностью» [4, с. 66]. С усилением состязательности необходимая степень убеждения суда и на континенте начинает зависеть от категории спора и цены судебной ошибки [4, с. 68].

Для административного доказывания показателен опыт европейской административной юстиции. Во Франции споры граждан с администрацией рассматривают административные суды во главе с Государственным советом (Conseil d'État, 1799 г.), а процесс изначально сложился как письменный и следственный: подготовкой дела руководит суд, истребующий у органа документы и объяснения. Германское Положение об административных судах 1960 г. закрепило следственный принцип прямо: суд исследует обстоятельства дела по должности и не связан доводами и ходатайствами участников [5]. Причина такого решения — фактическое неравенство сторон, поскольку основная часть сведений о законности акта находится у администрации.

Отечественная история доказывания развивалась по сходной траектории. Первые упоминания о доказательствах связаны с русско-византийскими договорами X в. [6, с. 52]. Русская Правда знала признание, «знамения», свидетельские показания, присягу и ордалии, а процесс оставался чисто состязательным: «Весь процесс доказывания полностью возлагался на стороны тяжбы. Суд выступал лишь в роли арбитра, не имея определенных полномочий по руководству процессом разбирательства дела» [6, с. 53]. Псковская и Новгородская судные грамоты признали доказательствами письменные документы и межевые знаки [6, с. 53]. Судебники 1497 и 1550 гг. и Соборное уложение 1649 г. усложнили систему доказательств и позволили суду «самостоятельно решать, принимать или нет какое-либо доказательство, давать ему оценку, а также удостоверять подлинность письменных доказательств» [6, с. 54]. Указ от 21 февраля 1697 г. распространил розыскной порядок на гражданские дела, а «Краткое изображение процессов или судебных тяжеб» 1715 г. закрепило теорию формальных доказательств и возложило их собирание на суд [6, с. 54]. По тому X Свода законов Российской империи 1857 г. круг доказательств расширился, но оценка оставалась формальной [6, с. 55].

Судебная реформа 1864 г. утвердила состязательность и свободную оценку доказательств: судья определял их силу по «убеждению совести», по «усмотрению», по «достоверности, ясности, полноте и вероятности» [7, с. 245; цит. по: 4, с. 71]. Устав гражданского судопроизводства называл пять видов доказательств, относя осмотр на месте и показания сведущих людей к способам их проверки [6, с. 56]. Смысл преобразований передал А. Ф. Кони: «Судебная реформа призвана была нанести удар худшему из видов произвола — произволу судебному, прикрывающемуся маской формальной справедливости» [8, с. 43–45; цит. по: 6, с. 57]. Положение о судах по административным делам 30 мая 1917 г. стало первой попыткой создать в России специализированную административную юстицию [9]. Советский период вернул процессу следственные черты: Положение о народном суде РСФСР 1920 г. освободило суд «от роли слуги сторон» [4, с. 74], ГПК РСФСР 1923 г. обязал его «всемерно стремиться к уяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся» (ст. 5) [4, с. 74], и суд становился «следователем по гражданскому делу» [6, с. 57]. ГПК РСФСР 1964 г. дал легальное определение доказательства через «любые фактические данные», установил закрытый перечень средств доказывания, критерии относимости и допустимости [6, с. 59–60]. При господстве теории объективной истины С. В. Курылев признавал вероятностный характер судебного знания [10, с. 63–74; цит. по: 4, с. 75].

ГПК РФ и АПК РФ 2002 г. отказались от обязанности суда собирать доказательства по своей инициативе, и в

литературе это оценивается как отход от объективной истины: суд «устанавливает так называемую формальную истину, определяемую границами доказательственной деятельности» [11, с. 26; цит. по: 4, с. 79]. Административно-процессуальное законодательство сохранило иную ориентацию. КоАП РФ видит задачу производства во всестороннем, полном, объективном и своевременном выяснении обстоятельств каждого дела (ст. 24.1) и определяет доказательства через «любые фактические данные» (ч. 1 ст. 26.2) [12]. КАС РФ воспринял понятие доказательства как сведений о фактах, но закрепил состязательность и равноправие сторон «при активной роли суда» (п. 7 ст. 6) и право суда истребовать доказательства по собственной инициативе (ч. 1 ст. 63) [1].

Изложенное позволяет выделить пять этапов развития отечественного доказательственного права: архаический состязательный (X–XV вв.); розыскной с формальной оценкой доказательств (конец XV — первая половина XIX в.); пореформенный состязательный (1864–1917 гг.); советский, соединивший формальную состязательность с обязанностью суда устанавливать объективную истину; современный, отмеченный расхождением гражданского и административного процесса. По характеру распределения процессуальной активности КАС РФ ближе к французской и германской административной юстиции, чем к действующему российскому гражданскому процессу, и такое решение объясняется публично-правовым характером спора и неравным доступом сторон к доказательствам.

Литература:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
2. Хисамутдинов Р. А. Административное судопроизводство как метод осуществления правосудия // Отечественная юриспруденция. 2026. № 1 (57). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnoe-sudoproizvodstvo-kak-metod-osuschestvleniya-pravosudiya (дата обращения: 18.11.2026).
3. Маилян С. С. О доказательствах в административном процессе в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2021. № 5. С. 149–151.
4. Козлов М. А. Стандарты доказывания в арбитражном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2025.
5. Verwaltungsgerichtsordnung in der Fassung der Bekanntmachung vom 19. März 1991 (BGBl. I S. 686). § 86 Abs. 1.
6. Фомин А. А., Чеснокова Ю. В. История развития института процессуально-правовых средств доказывания в отечественном гражданском судопроизводстве (X–XX вв.) // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2022. Т. 10, № 1. С. 51–62.
7. Гольмстен А. Х. Юридические исследования и статьи. СПб., 1894. 533 с.
8. Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию Судебных Уставов. 1864–1914). М.: Изд-во И. Д. Сытина, 1914. 296 с.
9. Старилов Ю. Н. Административная юстиция. Теория, история, перспективы. М.: Норма, 2001. 304 с.
10. Курылев С. В. О достоверности и вероятности в правосудии // Правоведение. 1968. № 1. С. 63–74.
11. Бернам У., Решетникова И. В., Ярков В. В. Судебная реформа: проблемы гражданской юрисдикции. Екатеринбург, 1996. 150 с.
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

Понятие и признаки доказательств в современном административном процессе

Зальцман Виктория Владимировна, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Статья посвящена понятию доказательства в административном процессе. Сопоставляются определения, закрепленные в ст. 59 КАС РФ и ст. 26.2 КоАП РФ, разбираются доктринальные подходы к признакам доказательства и критически оценивается тезис о том, что правовая основа доказывания сосредоточена исключительно в КоАП РФ. Автор предлагает систему из пяти признаков доказательства и собственное определение доказательств в административном судопроизводстве, учитывающее публично-правовой характер спора и активную роль суда.

Ключевые слова: *доказательства, доказывание, административный процесс, административное судопроизводство, относимость, допустимость, бремя доказывания, активная роль суда.*

The concept and signs of evidence in the modern administrative process

The article deals with the concept of evidence in the administrative process. The definitions established in Article 59 of the Code of Administrative Procedure and Article 26.2 of the Code of Administrative Offences are compared, doctrinal approaches to the features of evidence are analysed, and the thesis that the legal basis of proof is contained exclusively in the Code of Administrative Offences is critically assessed. The author proposes a system of five features of evidence and an original definition of evidence in administrative proceedings that takes into account the public law nature of the dispute and the active role of the court.

Keywords: *evidence, proof, administrative process, administrative proceedings, relevance, admissibility, burden of proof, active role of the court.*

Понятие доказательства в административном процессе остается дискуссионным, и первая причина этого — многозначность самого термина «административный процесс». Широкий, управленческий подход охватывает всю процедурную деятельность органов исполнительной власти. Юрисдикционный сводит административный процесс к разрешению индивидуальных дел и применению мер принуждения, прежде всего к производству по делам об административных правонарушениях. Судебный отождествляет его с административным судопроизводством, названным в ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации среди форм осуществления судебной власти [1]. От выбора подхода зависит круг источников, в которых нужно искать нормы о доказательствах.

С. С. Маилян полагает, что «правовая основа доказывания в административном процессе закреплена исключительно в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях», а принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) «не корреспондирует части 2 статьи 118 Конституции РФ» [4, с. 151]. Согласиться с этим трудно. Дела об административных правонарушениях рассматривают, помимо судей, органы и должностные лица исполнительной власти, поэтому значительная часть норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) регулирует внесудебную юрисдикционную деятельность [3]. В ст. 1 КАС РФ законодатель прямо вывел производство по делам об административных правонарушениях из сферы действия этого Кодекса [2]. Вернее считать, что нормы о доказательствах сосредоточены в двух кодифицированных актах с разным предметом регулирования. Разброс мнений объясним молодостью науки: по словам С. Н. Махиной, административное судопроизводство «пока не имеет собственной хорошо развитой и непротиворечивой доктрины, что отнюдь не означает допустимости ее отсутствия» [5, с. 4–9; цит. по: 4, с. 150].

Часть 1 ст. 59 КАС РФ признает доказательствами «полученные в предусмотренном настоящим Кодексом и другими федеральными законами порядке сведения о фактах, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения административного дела» [2]. Формулировка почти дословно совпадает с ч. 1 ст. 55 ГПК РФ и ч. 1 ст. 64 АПК РФ. Часть 1 ст. 26.2 КоАП РФ говорит о «любых фактических данных», на основании которых судья, орган или должностное лицо устанавливают событие правонарушения, виновность лица и иные обстоятельства дела [3]. Различия сводятся к терминологии, субъекту доказывания, предмету доказывания и месту требования о законном порядке получения сведений, которое КАС РФ включает в определение, а КоАП РФ выносит в ч. 3 ст. 26.2.

Терминологическое расхождение отражает спор о природе доказательства: понимать ли под ним сами факты или сведения о них в установленной законом форме. Процессуальные кодексы восприняли информационный подход, тогда как формула «любые фактические данные» допускает двоякое прочтение, и доктрина снимает двусмысленность через идею единства содержания и формы. Н. Г. Канунникова характеризует виды доказательств как совокупность источников сосредоточения информации, «представляющей собой единство фактического содержания и процессуальной формы, выражающей достоверные сведения о фактах» [8, с. 41–44; цит. по: 4, с. 150]. Попытку систематизировать признаки доказательства предприняли авторы монографии под редакцией В. Н. Галузо: анализ ч. 1 ст. 26.2 КоАП РФ позволил им выделить пять признаков — любые фактические данные; сведения, имеющие значение для дел об административных правонарушениях; сведения, полученные из предусмотренных федеральным законом источников; сведения, полученные в установленном порядке; сведения, имеющие «определенный процессуальный носитель» [9; цит. по: 4, с. 150]. Метод продуктивен, результат вызывает замечания: перечень привязан к делам об административных правонарушениях, «фактические данные» и «сведения» употреблены как синонимы, признаки «источник» и «процессуальный носитель» дублируют друг друга, а связь доказательства с предметом доказывания не раскрыта.

Анализ ст. 59–61 КАС РФ и ст. 26.1, 26.2 КоАП РФ позволяет предложить систему из пяти признаков. Первый: доказательство состоит из сведений о фактах, круг которых задан предметом доказывания (ч. 9 ст. 226 КАС РФ, ст. 26.1 КоАП РФ). Второй: «суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для правиль-

ного разрешения административного дела» (ст. 60 КАС РФ). Третий: сведения получены в установленном законом порядке; доказательства, добытые с нарушением федерального закона, юридической силы не имеют (ч. 3 ст. 59 КАС РФ, ч. 3 ст. 26.2 КоАП РФ). Д. А. Сильченко и Е. Н. Приймак подчеркивают: «если доказательства были получены с нарушением закона, их использование может стать основанием для отмены решения» [7, с. 609]. Четвертый: сведения облечены в предусмотренную законом процессуальную форму, разнообразие которой показывает классификация Т. М. Куценко, охватывающая более десятка видов доказательств — от протокола до поручений и запросов [10, с. 43–46; цит. по: 4, с. 150].

Пятым признаком нередко называют достоверность, и такой подход спорен. Статья 84 КАС РФ и ст. 26.11 КоАП РФ относят достоверность к результатам оценки доказательств, а ст. 180 КАС РФ обязывает суд приводить доводы, по которым те или иные доказательства отвергнуты. Признание доказательствами лишь достоверных сведений лишало бы суд возможности мотивированно отклонить остальные. Пятым признаком поэтому предлагается считать адресованность сведений субъекту, уполномоченному их оценивать: доказательство обращено к суду, а в производстве по делам об административных правонарушениях — также к органу или должностному лицу. Относимость, допустимость и форма решают вопрос о допуске сведений в процесс, достоверность и достаточность выявляются позднее.

Специфику доказательств в административном процессе определяют условия реализации этих признаков. Р. А. Хисамутдинов пишет: «Участники юридического конфликта по отношению друг к другу находятся в неравноправном положении, поскольку одной стороной конфликта всегда выступает публичный, властный субъект» [11]. Неравенство проявляется и в доступе к доказательствам, поэтому ч. 2 ст. 62 КАС РФ возлагает обязанность доказывания законности оспариваемых актов, решений, действий (бездействия) на орган, организацию и должностное лицо. В производстве по делам об административных правонарушениях действует презумпция невиновности (ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ). А. В. Тлупова подчеркивает, что бремя доказывания лежит на юрисдикционных субъектах, «тогда как для лица, в отношении которого ведется производство, — это право» [6, с. 266]. Исключение составляют правонарушения, зафиксированные работающими в автоматическом режиме техническими средствами: здесь «наличие фото- или видеоматериалов, зачастую являющихся неоспоримыми доказательствами, перекладывает значительную часть обязанности доказывания на лицо, привлеченное к ответственности» [7, с. 613].

Второе условие — активная роль суда (п. 7 ст. 6, ст. 14 КАС РФ). Суд вправе истребовать доказательства по своей инициативе (ч. 1 ст. 63 КАС РФ) и не связан основаниями и доводами административного искового заявления (ч. 8 ст. 226 КАС РФ), поэтому доказательственный материал формируется совместными усилиями сторон и суда. Третье условие — цель доказывания: в административных делах говорят об установлении объективной истины [7, с. 609], тогда как гражданский процесс с 2002 г. ориентирован на формальную истину [12, с. 26; цит. по: 13, с. 79].

Изложенное позволяет предложить определение. Доказательства в административном судопроизводстве — это полученные в порядке, установленном КАС РФ и другими федеральными законами, и облеченные в предусмотренную законом процессуальную форму сведения о фактах, на основании которых суд, в том числе собирая их по собственной инициативе, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, включая обстоятельства законности оспариваемых актов, решений, действий (бездействия) субъектов публичной власти, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения административного дела. Определение развивает ч. 1 ст. 59 КАС РФ, дополняя ее указанием на процессуальную форму сведений и публично-правовую специфику предмета доказывания.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. 1993. 25 дек.; 2020. 4 июля.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Маилян С. С. О доказательствах в административном процессе в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2021. № 5. С. 149–151.
5. Махина С. Н. Теория доказывания и доказательств в административном судопроизводстве: становление и развитие // Административное право и процесс. 2016. № 2. С. 4–9.
6. Тлупова А. В. Особенности доказывания в административном процессе // Право и управление. 2024. № 3. С. 265–267.
7. Сильченко Д. А., Приймак Е. Н. Доказательства в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник науки. 2024. № 11 (80), т. 4. С. 608–616.

8. Канунникова Н. Г. Теоретические аспекты видов доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2018. № 5. С. 41–44.
9. Доказывание при правоприменении посредством правосудия в Российской Федерации: монография / под ред. В. Н. Галузо. 5-е изд., испр. и доп. М.: ТЕИС, 2021.
10. Куценко Т. М. Классификация доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2015. № 7. С. 43–46.
11. Хисамутдинов Р. А. Административное судопроизводство как метод осуществления правосудия // Отечественная юриспруденция. 2026. № 1 (57). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnoe-sudoproizvodstvo-kak-metod-osuschestvleniya-pravosudiya (дата обращения: 18.11.2026).
12. Бернам У., Решетникова И. В., Ярков В. В. Судебная реформа: проблемы гражданской юрисдикции. Екатеринбург, 1996. 150 с.
13. Козлов М. А. Стандарты доказывания в арбитражном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2025.

Налоговая тайна в механизме информационного обеспечения деятельности арбитражного управляющего: проблемы правового регулирования

Здорников Кирилл Игоревич, студент
Научный руководитель: Самусенко Елена Викторовна, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматривается правовой режим налоговой тайны как элемента информационного обеспечения деятельности арбитражного управляющего. Проанализированы положения ст. 20.3 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а также основные подходы, сформировавшиеся в правоприменительной практике относительно доступа арбитражного управляющего к сведениям, составляющим налоговую тайну. Выявлены проблемные аспекты отсутствия прямого указания на налоговую тайну в перечне сведений, которые вправе запрашивать арбитражный управляющий, и обоснована необходимость внесения соответствующих изменений в законодательство о банкротстве.

Ключевые слова: *арбитражный управляющий, налоговая тайна, информационное обеспечение, оспаривание сделок, банкротство.*

Арбитражный управляющий занимает центральное положение в системе субъектов процедуры несостоятельности, поскольку именно на него возлагается обеспечение достижения публично-правовой цели института банкротства, состоящей в гарантировании баланса прав и законных интересов должника, кредиторов и общества. В рамках процедуры несостоятельности арбитражный управляющий осуществляет принятие мер по обеспечению сохранности имущества должника, проведение анализа его финансового состояния и выявление признаков преднамеренного и фиктивного банкротства, формирование конкурсной массы и реализацию имущества, ведение реестра требований кредиторов, организацию и проведение собраний кредиторов, оспаривание сделок должника, заявление возражений и требований в суде, а также реализует иные полномочия, предусмотренные законодательством о банкротстве. Вместе с тем результативность осуществления перечисленных полномочий определяется качеством информационного обеспечения деятельности управляющего, а именно полнотой и достоверностью сведений, которыми он располагает.

Настоящая научная статья посвящена исследованию правового режима налоговой тайны как элемента механизма информационного обеспечения деятельности арбитражного управляющего.

Представляется, что значительная часть сведений, необходимых арбитражному управляющему, аккумулируется именно Федеральной налоговой службой России (далее — ФНС России, уполномоченный орган). К таким сведениям, в частности, относятся данные о доходах физических лиц по форме 2-НДФЛ, представляемые налоговыми агентами должника, налоговые декларации по форме 3-НДФЛ, подаваемые должником как физическим лицом, индивидуальным предпринимателем либо лицом, имеющим иной статус (например, нотариусом), информация о наличии статуса индивидуального предпринимателя, адвоката или нотариуса, сведения об участии должника в хозяйственных обществах в качестве учредителя либо руководителя, данные об имуществе должника и его супруга (жилых помещениях, транспортных средствах, земельных участках и иных объектах) с указанием дат приобретения и отчуждения, а также информация о банковских счетах.

Приведённый перечень не является исчерпывающим, однако уже на его примере видно, что указанные сведения образуют информационную основу для анализа финансо-

вого состояния должника, выявления признаков преднамеренного и фиктивного банкротства, поиска и возврата имущества должника и его супруга, а также для выявления сделок, подлежащих оспариванию, и формирования доказательственной базы при их оспаривании.

Несмотря на особую значимость вышеуказанных сведений, в действующем законодательстве Российской Федерации на сегодняшний день имеются проблемы, препятствующие наиболее эффективному исполнению арбитражным управляющим своих полномочий, выражающиеся в нижеследующем.

Положения абз. 7 п. 1 ст. 20.3 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ) закрепляют, что арбитражный управляющий в деле о банкротстве имеет право запрашивать необходимые сведения о должнике, о лицах, входящих в состав органов управления должника, о контролирующих и иных заинтересованных по отношению к должнику лицах, о принадлежащем им имуществе (в том числе имущественных правах), о контрагентах и об обязательствах должника у физических лиц, юридических лиц, государственных органов, органов управления государственными внебюджетными фондами Российской Федерации и органов местного самоуправления без предварительного обращения в арбитражный суд, включая сведения, составляющие служебную, коммерческую и банковскую тайну.

Данный перечень не включает сведения, составляющие налоговую тайну, что на практике приводит к отказам со стороны налоговых органов при рассмотрении запросов арбитражных управляющих о предоставлении сведений о должнике и лицах, входящих в состав органов управления должника, о контролирующих и иных заинтересованных по отношению к должнику лицах. Отказы мотивируются обязанностью налоговых органов соблюдать налоговую тайну и обеспечивать её сохранение, установленной пп. 8 п. 1 ст. 32 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ). Данная позиция подтверждается письмом ФНС России от 11.10.2019 № ОА-4–17/20985 «О предоставлении информации о зарубежных счетах и ином имуществе, принадлежащем лицам, в отношении которых инициирована процедура банкротства».

Примечательно, что ранее ФНС России занимала иную позицию. В письме от 2 июля 2015 г. № НД-4–8/11579@ уполномоченный орган, проанализировав ст. 20.3 и 126 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ во взаимосвязи со ст. 102 НК РФ, допускал доступ арбитражных управляющих к налоговой тайне в рамках сведений о финансовом состоянии должника (контрагента) и возлагал на налоговые органы обязанность предоставлять соответствующие документы при условии подтверждения реальности сделки, обоснования запроса и ограничения периода временем её совершения.

Верховный Суд Российской Федерации в п. 56 Постановления Пленума от 17 декабря 2024 г. № 40, посвящённого вопросам введения в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ, предпринял попытку устранить существующий в законодательстве пробел, разъяснив, что порядок внесудебного запроса арбитражным управляющим сведений и документов, предусмотренный абзацем седьмым пункта 1 статьи 20.3 и абзацем пятым пункта 7 статьи 213.9 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ, распространяется в том числе на налоговые органы и на сведения, составляющие налоговую тайну (за исключением государственной).

Подобное решение правоприменителя заслуживает поддержки, однако на практике арбитражные управляющие по-прежнему сталкиваются с отказами налоговых органов вследствие отсутствия прямого указания на налоговую тайну в абз. 7 п. 1 ст. 20.3 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ. Такие отказы обжалуются в судебном порядке, что приводит к увеличению продолжительности процедуры несостоятельности, утрате возможности оспаривания сделок должника, а также создаёт условия для злоупотреблений со стороны участников процедуры банкротства.

Решением вышеуказанной проблемы представляется внесение изменений в абз. 7 п. 1 ст. 20.3 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ путём изложения его в следующей редакции:

«запрашивать необходимые сведения о должнике, о лицах, входящих в состав органов управления должника, о контролирующих и иных заинтересованных по отношению к должнику лицах, о принадлежащем им имуществе (в том числе имущественных правах), о контрагентах и об обязательствах должника у физических лиц, юридических лиц, государственных органов, органов управления государственными внебюджетными фондами Российской Федерации и органов местного самоуправления без предварительного обращения в арбитражный суд, включая сведения, составляющие служебную, коммерческую, банковскую, налоговую и иную охраняемую законом тайну, за исключением государственной тайны».

Предлагаемое изменение позволит устранить правовую неопределённость, обеспечить единообразие правоприменительной практики и создать условия для своевременного получения арбитражным управляющим сведений, необходимых для выявления и оспаривания сделок должника, что в конечном счёте будет способствовать наиболее полному формированию конкурсной массы и защите прав кредиторов.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета, № 209–210, 02.11.2002.

2. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2026) // Собрание законодательства РФ, № 31, 03.08.1998, ст. 3824.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 295, 26.12.2024.
4. Письмо ФНС России от 02.07.2015 № НД-4–8/11579@ «Для сведения и использования в работе» // СПС КонсультантПлюс 2026.
5. Письмо ФНС России от 11.10.2019 № ОА-4–17/20985 «О предоставлении информации о зарубежных счетах и ином имуществе, принадлежащим лицам, в отношении которых инициирована процедура банкротства» // СПС КонсультантПлюс 2026.
6. Русанов М. С., Клочихин В. А. Правовые основания непредоставления сведений по запросу финансового управляющего // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. № 1 (40).
7. Калинкина В. В. Проблемы механизма оспаривания сделок должника в деле о банкротстве // Юридические исследования. 2021. № 11.

4

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (650) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета М. В. Голубцов

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 02.12.2026. Дата выхода в свет: 09.12.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.